

СЕВЕРНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК

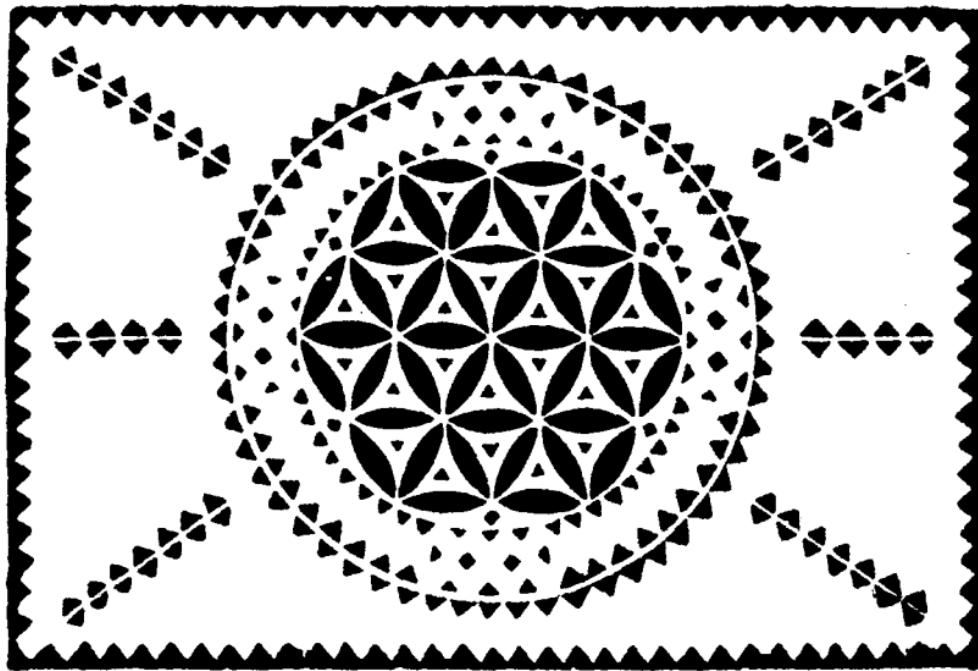
1939

K1457302

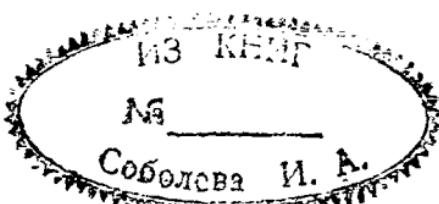
СЕВЕРНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Архоблгиз • 1939 • Архангельск

Сборник „Северное народное творчество“ составлен и подготовлен к печати при поддержке и инициативе со стороны Областного Выставочного комитета и приурочен выпуском в свет к Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке 1939 года. В сборник вошли отдельные виды устного народного творчества из далекого прошлого — былины, сказки архангельские и ненецкие, старинные песни, свадебный обряд Мезени, загадки, а также частично вошли в него новинки сказительницы-орденоносца М. С. Крюковой и печорской сказительницы М. Р. Голубковой. Разумеется, сборник не охватывает всего богатейшего северного фольклора, а представляет собою лишь незначительное его собрание из различных источников (указанных в содержании) и может служить для массового читателя.

ВЫЛИНЫ

Первая поездка Ильи Муромца

Как во городе славном Муроме,
Во селе большом Карабагове
Жил да был Иван Тимофеевич.
У Ивана же Тимофеевича
Было детище единственное¹,
Чадо хворое, нездоровое,
Проживавшее в бедной хромине².
Тридцать лет сидел он без ноженек
И не видывал вольной волюшки,
Свету белого, свету божьего.
Во тридцатый год, во последни дни, —
Было то среди ночки темныя, —
Входит в хромину сиротинушка,
Престарелая и убогая,
Просит хлебушка ради господа.
Говорит же ей добрый молодец:
— Не могу я встать, сиротинушка,
Не могу подать подаяние;
Рад бы сам принять, божья старица! —
Из мешка тогда сиротинушка
Коровай взяла дара божьего,
Из-за пазухи ножик вынула —
И давай рушить³ ту ковриженку.
После смазала ноги молодца
И затем его очи ясные.
Поднялся тогда добрый молодец,

¹ Единенное — единственное.

² Хромина (хоромина) — отдельное помещение.

³ Рушить — резать.

Смело на ноги встал на резные
И впервые узрел божий вольный свет;
Старушонка же потерялася.
Слезно всплакал тут добрый молодец:
— Это чудо, что ль, диво ль дивное,
Что со мною вдруг посоделось,
Надо мною вдруг состоялось,
Аль во сне все то мне привиделось,
Аль являлся мне сам Никола-свят.—
И почуял он в себе силушку,
Удаль-силушку богатырскую;
Стал ходить тогда да похаживать...
Приходил к дверям ко широкиим,—
Плотно двери те были замкнуты,
А на них замки превесучие;
Ткнул детинушка в дверь тяжелую —
Порвались замки, повалились,
Вышел молодец вон на улицу
И пошел двором к отцу, к матушке.
Отца, матушки дома не было —
В поле чистое отлучилися
Под посев хлебов делать росчисти.
Он пошел тогда в поле чистое,
Поздоровался с отцом, с матушкой;
Те, узрев его, диву далися!
Стал в работе их он помощником,
Стал валить дубье вместе с коренем.
Говорит тогда мать родимая,
Говорит она Тимофеевичу:
— Видно, дитятко наше милое
Будет нам уже не кормицем,
Станет ездить лишь в поле чистое!—
И не много им добрый молодец
Помогал в полях пашню делати;
Вскоре стал просить разрешения
Посетить святой стольный Киев-град,
Отнести поклон князь Владимиру,

Посмотреть вблизи русских витязей.
Не дают они разрешения!
Падал два раза в ноги резвые
Отца, матушки добрый молодец, —
Не дают они разрешения!
В третий раз упал в ноги молодец:
— Ну, дадите вы, не дадите вы, —
Все равно уже я отправлюся! —
Согласились дать отец с матушкой
Разрешение добру молодцу
И напутствовать его начали:
— Ты болел когда хворью тяжкою,
Много мы тогда обещалися:
Что когда уж ты оздравеешь,
Когда выедешь в поле чистое, —
Без нужды не лей человечью кровь
Да за веру стой православную,
Охраняй скиты монастырские,
Храмы божии да обители,
Да младенцы все троеденные.—
И наказывал так детинушке,
Наговаривал отец-батюшка,
Свет Иван старой Тимофеевич.
Он повел его на конюший двор,
Отворил туда дверь широкую:
Добрый конь стоит там на привязи,
Наубел-белой, как снежиночка,
Грива, хвост его, как у ворона,
Научер-черны, так и светятся.
Конь привязан был на семи цепях,
На семи цепях, семи розвязях.
Надевал ему добрый молодец
Шелкову узду да с наборчиком,
Разорвал потом цепи крепкие,
Выводил коня вон на улицу:
Наложил ему руку правую—
Конь засел в земле да по щеточки!

Не седлал коня свет-детинушка,
А вскочил ему прямо на спину:
Тот помчал его пуще вихря!
Доеzzжал на нем добрый молодец
До реки большой до Медвежины,
Напоил водой коня доброго
И вернул назад к дому отчemu.
И тогда он стал, добрый молодец,
Заводить себе снаряжение,
Всю приправушку¹ молодецкую,
Сбрую полную богатырскую:
Заказал сперва себе палицу
В девянос о пуд да с прибавкою,
Саблю р струю, всю булатную,
Весит сабля та двадцать пять пудов;
Копьецо сковал мурзамецкое²
Десяти пудов, может, более;
Лук тугой завел, к нему стрелочки,
Тридцать три число, все каленые
И переные; только перышки
Не простых орлов, а сикамских.
Стал тогда спешить добрый молодец,
Снаряжатися, сподоблятися,³
Стал уздать, седлать коня доброго:
Класть на степ⁴ ему крепки потнички,
А на них потом мягки войлоки
И седельышко да черкасское;
Семь подпруг крепил шелку турского,
Перекидывал чрез хребетницу,
Через степ коня богатырского,
Шелку редкого, шемаханского,
И стал класть свое снаряжение
На седельышко на черкасское;

¹ Приправа — вооружение богатыря.

² Мурзамецкое (от м и р з а — татарский князь) — татарское.

³ Сподоблятися — приготовляться к чему-нибудь серьезному.

⁴ Степ — спина лошади.

А затем залог стал закладывать¹:

— Не слезать с коня мне, детинушке,
Не кровавить мне саблю вост्रую,

Не вымать² лучка да из налучья³. —

И поездки той добра молодца,

И побежки той лошадиная

Не видал никто, только видели,

Как вскочил в седло свет-детинушка,

В стремена ступил во железные.

В поле курево разгорается,

Дым столбом валит к небу чистому, —

К ростаням⁴ прибыл добрый молодец;

А лежит на них камень сер-горюч,

И на камне том написание:

„Три дорожки тут в стольный Киев-град:

По одной — езды на три месяца,

По другой — езды на два месяца,

А уж третия — прямоезжая

И езды по ней лишь полмесяца;

Ехать первою — под венец итти,

Выбрать среднюю — богатеем быть,

Ехать третьею — так живым не быть“.

Призадумался свет-детинушка:

„Ну, зачем же мне под венец итти, —

Ведь на старость брак — корысть чуждому;

А на что же мне и богачество, —

И теперь у нас есть богачество!

Лучше ехать мне по дороженьке

Прямоезжей, где мне живым не быть, —

В поле старому смерть не писана!“

И поехал он, добрый молодец,

Той дорогою прямоезжею;

Есть на той тропе да три заставы:

¹ Залог закладывать — давать обет.

² Вымать — вынимать.

³ Налучье — колчан для лука и стрел.

⁴ Ростань — перекресток, пересечение дорог.

И на первенькой — грязи черные,
Зыбуны без дна да болотины.
И росла она, та дороженька,
Ровно тридцать лет, может — более,
И никто по ней не проезживаля,
Сокол ясный там не пролетывал.
Стал тогда залог свет детинушка,
Свой первой залог да разрушивать ¹...
Вот он слез с коня, коня доброго,
Левой рученькой он коня ведет,
Правой рвет дубье да мосты мостит,
И мосты то те все калиновы,
Перекладины все дубовые.
Промостили он так грязи черные,
Зыбуны без дна да болотины,
И проехал он, добрый молодец,
Перву заставу превеликую.
Заскочил тогда на добра коня
И поехал он в стольный Киев-град.
Здраво едет он поле чистое,
Здраво едет он лесы темные,
Досажает он и до заставы.
Проживают тут новотокмяны; ²
Коробочки и станичники;
Никому от них нету пропуска,
Ни проезжему, ни прохожему,—
Всех они насмерть бьют, разбойники,
Обирают их после дочиста.
Как увидели добра молодца,
Изловить его мигом кинулись
И хватать его тотчас начали.
Молвит им в ответ добрый молодец:
— Вы за что меня бить наладились,
На грабеж меня изготавились?

¹ Разрушивать залог — нарушать обет.

² Новотокмяны — мужики-станичники.

У меня всего—боевой лишь конь,
Хоть и стоит он девятьсот рублей;
Ну, шубенка есть в восемьсот рублей,—
Чуден крест златой на пятьсот рублей.—
Как прослышиали то станичники,—
Пуще прежнего обозлилися,
И давай хватать добра молодца.
Порешил тогда добрый молодец
И другой залог свой порушити:
Вынул он лучок из-за налучья,
Тетиву пригнал шелку крепкого,
Калену стрелу при направливал,—
Хочет выстрелить в землю-матушку,
Стал стреле своей приговаривать:
— Ты лети, стрела, в землю-матушку,
Рой до пояса землю-матушку,
Оборви ребят ноги резвые!—
Калена стрела устремилася,
Сыру землю рыла до пояса;
Устрашились воры-станичники,
Как с овсом мешки, повалилися.
И помчал тогда свет-детинушка
Все вперед-вперед в стольный Киев-град.
Здраво едет он поле чистое,
Здраво едет он лесы темные,
Подъезжает он к новой заставе;
А та застава—превеликая.
Заселился тут, у дороженьки
Во большом гнезде, на семи дубах,
Соловей-злодей, сын Рахматович,
И сидел он тут ровно тридцать лет,
Не пускал, злодей, по дороженьке
Ни проезжего, ни прохожего,
Ни пролетного ясна сокола,
Убивая всех своим посвистом,
Своим посвистом за двенадцать верст.
Едет далее добрый молодец...

Услыхал он с дубов, Соловей, его,
Засвистал тотчас по-соловьину;
Богатырский конь на колени пал;
Хлестко бьет коня свет-детинушка,
Говорит ему слово крепкое:

— Ох ты, волчья сыть, травяной мешок,
Не слыхал ты, что ль, воя волчьего,
Черных воронов громка грянья,
Что на окарачъ тотчас падаешь!—
Стал тут молодец лук натягивать,
Приноравливать калену стрелу,
Слово ей, стреле, приговаривать:
— Ты лети, моя калена стрела,
Выше темного леса древнего,
Ниже облака да ходячего,
Не вались, стрела, ты ни на воду
И не на землю, а пади, стрела,
В правый глаз его да Рахматова!—
Повалился тот с вита гнездышка,
Подхватил его добрый молодец,
Посадил его на седельышко
И повез его в стольный Киев-град.
Стал удалый конь запинатися,
На все ноженьки упиратися;
Похлестал коня добрый молодец,
Похлестал его, приговаривал:
— Ох ты, волчья сыть, травяной мешок,
Видно чуешь ты нам невзгодушку!—
И сказал ему человеческим
Русским голосом верный конь его:
— Никакой не жду я невзгодушки
Ни себе, коню, ни хозяину,
А нести вас двух — нету силушки!—
Тут встает с коня добрый молодец,

¹ Грянье — карканье.

Соловья берет со седельышка,
Крепко-накрепко вяжет к стремени —
И вперед опять в стольный Киев-град.
Едет он к двору Соловыиному...
Там живут его трои дочери,
Поленицы¹ три преудальные.
Соловья они вдруг увидели:
— Уж ты гой еси, наша матушка,
Едет наш отец, мужика везет,
Скачет он, мужик, возле стремени.—
Ко окошечку ко косящату
Соловья жена устремилася,
Посмотрела в трубку подзорную:
— Ох вы, доченьки неразумные!
Ведь сидит мужик и отца везет!—
Тотчас дочери догадались:
Побежали вон на широкий двор.
На ворота взлезли дубовые,
Подворотничку мигом подняли,
Чтоб спустить ее на детинушку.
Увидал отец своих доченек
И взмолился им с умилением:
— Уж вы, доченьки, дочки родные!
Не сердите вы добра молодца,
Дайте вы ему золотой казны
И старайтесь меня выкупить!—
Соскочили вмиг дочки родные,
Добру молодцу низко кланялись,
Золотой казной обещалися.
Говорит сестрам добрый молодец:
— Не нуждаюсь я в золотой казне,—
Отмыкайте-ка лучше тайники,
Погреба, подвалы глубокие,—
Не сидят ли в них добры молодцы.—
Отрицались дочки Рахматовны,

¹ Поленица — женщина-богатырь.

Но не верит им свет-детинушка
И ответа их домогается.
Говорят тогда ему дочери:
— Нет ключей у нас — все потеряны! —
Осердяется добрый молодец,
К погребам большим направляется:
Посбивал замки двухпудовые,
Постоптал все двери железные:
Измогают там добры молодцы!
Выпускал он их на привольный свет,
А затем схватил саблю вост्रую
И срубил сестрам буйны головы.
На коня потом сел детинушка,
В стольный Киев-град собирается.
Оставляет он добрым молодцам
Все богачество Соловьиное:
— Уж живите вы, добры молодцы,
Соловья добром вволю пользуйтесь. —
Здраво едет он поле чистое,
Здраво едет он лесы темные, —
Приезжает он в стольный Киев-град
К воротам градским, крепко замкнутым;
Он не спрашивал подворотников,
А махнул поверх городской стены
Через башенку наугольную,
Подъезжает он к гридне¹ княжеской.
В те поры гремел в гридне княжеской
Пир честной большой у Владимира,
У Владимира красна солнышка.
Соскочил с коня добрый молодец,
Вяжет он коня крепкой привязью
Ко столбу большому дубовому,
К золоту кольцу ко чеканному;
Входит молодец в гридню княжую,
Богу в угол истово молится,

¹ Гридня — комната для собрания дружины.

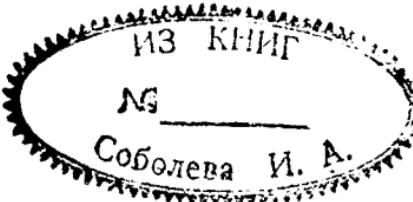

На две стороны поклоняется,
Князю-солнышку со княгинею,
Как показано,—наособицу.
На пиру сидит вся боярщина,
Богатырский род да дружинники,
Меж себя ведут речи важные:
— Надо ехать чистить дороженьку, —
Заросла она, прямоезжая;
Заселился там Соловей-злодей,
Тридцать лет по ней, по дороженьке,
Не дает, злодей, хода-пропуска
Ни проезжему, ни прохожему! —
Добрый молодец речи выслушал
И такое слово им вымолвил:
— Что сидите вы и толкуете?
Привезен уж мной Соловей-злодей,
Приковал его я ко стремени.—
Усумнился гости князевы.
Говорит гостям добрый молодец:
— Посылайте вы слугу верного
Да проверьте все, что я высказал.
Князь послал на двор слугу верного...
Осмотрел он все, как быть надобно,
Доложил потом князю-солнышку:
— У столба стоит конь приезжего,
У коня ж лежит как собачища.
Князь велел позвать ту „собачищу“.
Вот зовут ее слуги княжие:
— Соловей еси, сын Рахматович,
Вы пожалуйте в гридню княжью! —
Соловей на то так ответствовал:
— Я не ваше пью да и кушаю,
Потому не вас я и слушаю;
Я от молодца пью и кушаю.
Одного его я и слушаю.—
Посыпает князь добра молодца;
Соловья тот взял и на пир привел.

Говорят ему гости княжие:
— Ты заставь его посвистать для нас,
Мы послушаем и потешимся.—
Вопросил гостей добрый молодец:
— Как свистать ему вы прикажете:
Во весь свист или только в полсвиста?—
Отвечали те: — Во весь свист пускай!—
Соловью шепнул добрый молодец:
— Свистни им, Соловей, только в полсвиста.—
Свистнул тот гостям полуносвистом:
Гридня княжая мигом вздрогнула,
Пошатнулся стол, яства пролились,
На пол гости все перепадали.
Князя взял старой со княгиюшкой
Да в руках своих держит накрепко.
Соловья потом увезли на двор.
Стали молодца да за стол садить,
Низко кланяться, стали спрашивать:
Ты отколь, какой, молодешенек,
Коего отца, коей матери,
Как зовут тебя, добра молодца?—
Стал тогда он им все выкладывать:
— Я из города славна Мурома,
Из села того Карагова,
Мне отец Иван Тимофеевич.—
Тут вскричали все на честном пиру:
— Ну, и как же мы добра молодца
Назовем теперь, каким именем?..
Будет пусть Илья, больше Муромец.—

Дюк Степанович

Как из Нижней да Малой Галицы,
Из богатой славной Корелочки
Выезжал тогда на лихом коне
Молодой ли Дюк сын Степанович;
Выезжал он, Дюк добрый молодец,
На вершины гор превозвышенных,
На холмы на те, на окатисты.¹
Он смотрел-глядел в дальны стороны
Из той трубочки да подзорные;
Посмотрел сперва на подсеверну,—
Видит: горы там леденистые;
Посмотрел потом на восточную,—
Видно там: стоят леса темные;
Поглядел затем на подлетнюю,—
Зеленеет там поле чистое,
Стольный Киев-град там красуется;
А на западе—море синее,
И на вешних да тихих заводях
Мирно плавают гуси-лебеди.
Поворот давал Дюк Степанович,
Приезжал назад в Нижнюю Галицу,
В ту Корелочку да богатую,
К доброй матушке, ко родименькой,
Да честной вдове Тимофеевне;
Падал Дюк тогда в ноги матушке:
— Отпусти меня в славный Киев-град!—
Не дает она разрешения.
Во второй он раз просит матушку:

¹ О катиста гора — крутая, обрывистая.

— Отпусти меня, добра матушка,
Дай взглянуть на князя Владимира!—
Не дает она разрешения.
В третий раз младой в ноги падает
И такое ей слово вымолвил:
— Согласишься ты — я отправлюся,
И откажешь мне — то же самое!—
Говорит ему Тимофеевна:
— Уж ты, дитятко да родимое,
Молодой сынок Дюк Степанович,
Молодешенек, зеленешенек!—
Но дала ему разрешение.
Стал тут молодец снаряжатися
Да готовиться к отправлению.
Говорит ему мать родимая
Да Омельфа-свет Тимофеевна:
— Как приедешь ты в столенный Киев-град,
Будешь там сидеть на честном пиру,—
Те пиры, сынок, злы, обманчивы;
Дам перстянки¹ я да барановы,—
Подари ты их Илье Муромцу.—
Говорит ей Дюк сын Степанович:
— Как узнаю я Илью Муромца?—
Говорит ему Тимофеевна:
— Как приедешь ты в столенный Киев-град,
Да войдешь потом в гридню княжью,—
Все уйдут тогда в церковь божию;
Заходи и ты в церковь божию,
Крест клади, сынок, по писанию,
А поклон отвесь по-ученому:
Поклонися всем на все стороны,
Подойди ко клиросу правому
Да простой всю службу воскресную.
Подойди к дверям церкви божией:

¹ Перстянки — перчатки.

Повалит народ, помолившися,
Черный люд — мещане, посадские,
А затем купцы, славны витязи
И позади их Илья Муромец.
И пойдут ему те перстяночки
В удовольствие; и куда пойдет —
Завсегда тебя он с собой возьмет.—
Попрощался с родимой матушкой
Добрый молодец Дюк Степанович,
И поехал он в стольный Киев-град.
Здраво едет он поле чистое,
Здраво едет он лесы темные,—
Приезжает он в стольный Киев-град;
Подъезжает он к гридне княжеской.
Князь ушел уже в церковь божию,
А за ним ушли и все витязи.
Приезжает Дюк к божьей церкови,
Соскочил спеша со добра коня,
Привязал его к дубову столбу
И вошел затем в церковь божию.
Крест кладет он, Дюк, по писанию,
На все стороны поклоняется,
К праву клиросу направляется—
Слушать службу святовоскресную;
Потеснил он, стоя на клиросе,
Млад-Чурилу сына Пленковича;
Нестерпел Чурило, окрысился:
— Тут болван какой-то пожаловал,
Словно дуб какой неотесанный!—
Говорит ему Дюк Степанович:
— Здесь не то поют да и слушают,—
Здесь обедню правят воскресную.—
Подходил тут Дюк сын Степанович
Ко дверям большим ко церковным;
Повалил народ, отмолившися:
Черный люд — мещане, посадские,
А затем купцы, славны витязи,

И позади всех Илья Муромец.
Дюк поднес ему тут перстяночки;
Казаку они полюбилися,
И повел с собой он приезжего
Ко Владимиру, князю стольному,
В гридню светлую на почестен пир.
Садит их за столы Владимир князь,
Илью Муромца — с собой рядышком,
Добра молодца — за передний стол.
Все они сидят на честном пиру.
Пьют-едят они, что им бог послал;
Под конец они все пьянешеньки,
Все пьянешеньки, веселешеньки,
И приезжий Дюк сын Степанович
Стал пьянешенек, веселешенек;
Ест калачик он бел-крупичатый,
У калачика ест середочку,
Верхнюю корочку да на стол кладет,
Нижнюю корочку он под стол сует,
Говорит гостям слово крепкое:
— Как у нас велось в Нижней Галице,
Во Корелочке богатеющей,
У родименькой моей матушки,
У Омельфы-свет Тимофеевны,—
У нас ешь калач, другой просится;
Ведь и подики у нас медные,
И дровешки были соломенны,
А у вашего корка верхняя
Сильно смолкою отзывается,
А исподня пахнет гнилкою!—
Говорит на это Чурило-млад:
— Это что ж такой за богач пришел?
Над тобою, князь, гость ломается,
Дар господень им оскверняется!—
Говорит он Дюку Степанычу:
— Дай, ударимся о велик заклад,
Кто из нас один над другим возьмет

Верх одеждою разноцветною. —
Говорит на то Дюк Степанович:
— У тебя оно дело у дома,
У меня же — дело приезжее, —
Дай отсрочку мне лишь на суточки,
Чтобы съездить мне за одеждою. —
Дал Чурило срок ему суточный,
И ударились на велик заклад,
Не на сто рублей, не на тысячи, —
О своих побились головушках.
За Чурилу стала боярщина,
А за Дюка — стар Илья Муромец.
Тут писал ярлык Дюк Степанович,
Скору грамотку своей матушке,
Ко Омельфе-свет Тимофеевне,
Чтоб послала то платье цветное,
Что вадевает он только трижды в год.
И пошел к коню он на улицу,
Клал ярлык в суму на седельышке,
Отправлял коня в Нижню-Галицу.
Побежал он, конь, в Нижню-Галицу.
Тимофеевна его встретила,
Ярлычок прочла, скору грамотку,
Платье вложила во седельышко
И коня обратно отправила.
Нарядились тут оба молодца
И хотят ити в церковь божию;
У обоих платье хорошее...
Вот провел рукой Дюк Степанович
По своим светящимся пуговкам, —
Заревели вдруг его пуговки
Голосами громкими разными,
Словно волки взвыли осенние.
И Чурило стал гладить пуговки,
Но они ему не ответили.
Вот пошли они к князю стольному;
Взговорил тут Дюк сын Степанович:

— Уж ты гой еси, Илья Муромец!

Что с Чурилой стану я делати? —

Отвечает стар Илья Муромец:

— Во первой вине господь бог простит! —

Говорит Чурило Степанычу:

— Дай, ударимся о велик заклад,

Не на сто рублей, не на тысячи, —

О своих побьемся головушках!

Ну, давай скакать через Днепр-реку! —

Вот ударились о велик заклад,

Сели молодцы на лихих коней.

Говорит Чурило Пленкович-млад:

— Ты первой скачи, Дюк Степанович! .

Возражал ему Дюк Степанович:

— Кто накликал — тот наперед ступай! —

Погонил Чурило, махнул вперед

Да среди реки и обрушился!¹

Разогнал тогда Дюк Степанович,

Ухватил его за волосики

И на сушь, с конем, его вытащил.

Взговорил тогда Дюк Степанович:

— Ой ты гой еси, Илья Муромец!

Что с Чурилой стану я делати? —

Отвечает стар Илья Муромец;

— Во первой вине его бог прости,

Во второй вине уже ты прости! —

Был Чурило рода гневливого:

— Дай, ударимся о велик заклад! —

За него ручилась боярщина,

А за Дюка — стар Илья Муромец.

Шел Чурило-млад сын Пленковичев

Во те лавочки во торговые,

Покупал чернил на пятьсот рублей

И бумаги писчей на тысячу,

¹ Обрушился — свалился.

Писарей согнали и начали
Все имущества вдруг описывать.
Поезжают они в Нижнюю Галицу:
Видят — будто в поле огонь горит, —
А то терем Дюка Степаныча
Там стоит, лучами сверкается.
У крыльца крутого — работница;
Вот сошли с коней добры молодцы
И работнице низко кланялись:
— Здравствуй ты, вдова Тимофеевна! —
Говорит в ответ им работница:
— Не хозяйка я, а работница,
А Омельфа-свет Тимофеевна
В божьей церкови богу молится;
Как пойдет она вон из церкови —
Впереди ее стелют коврики,
Позади ее во трубу вертят;
Подле бок идут все куфарочки. —
Дюк ведет писцов в терем матушки,
А затем ведет на конюшен двор;
Описали те стойки конские,
Извели чернил на пятьсот рублей,
А бумаги писчей на тысячу;
Опосля зашли во высок терем,
Принесли потом им братиночку,
А у ней, златой, пятьдесят рожков
И из каждого — пять разные!
Оценить ее не могли никто.
Говорит тогда Тимофеевна:
— Пусть заложит князь красно-солнышко
Свой престольный град Киев-матушку
И тогда велит уж описывать
Животы¹ мои преубогие! —
Возвратились тут все оценщики

¹ Животы — имущество.

Во престольный град в Киев-матушку.
Говорит Илье Дюк Степанович:
— Что ж с Чурилой я буду делать?—
— Ой ты гой еси, Дюк Степанович!
Будь тебе, старшой, он меньшим теперь,
А вперед чтобы он не хвастался!—

Василий Буслаев

Как во славном и старом Нов-городе
В те поры заводился почестен пир;
Все надумали звать добра воина,
Удалого Василья Буслаева
И с его боевою дружиною;
Посылали тогда к нему посланных
Приглашать молодца вместе с матушкой
На почестный тот пир в славный Нов-город.
Согласился Василий Буслаевич;
Снаряжается он вместе с матушкой
Да с дружиной своей сподобляется
И поехал во град славный Нов-город.
Там встречают их с честью, радостью,
Их приводят во гридню столовую.
На пиру все они напивались,
На честном все они пьяны-веселы,
На пирӯ молодцы порасхвастались;
И один похваляется силою,
А другой — своей быстрою сметкою,
Кто казной золотой похваляется,
Дорогим серебром, скатным жемчугом,
А иной — расписными палатами;
Умный хвастает старою матерью,
Глупый хвалится женкой красивою.
Неуступчив был Вася Буслаевич,
Разгорелась в нем кровь богатырская:
— Уж вы гой еси, добрые молодцы!
Кто побьется со мной о велик заклад,
Что возьму и побью я ваш Нов-город,
А со мной никому и не выстоять? —
Унимала Василья дружинушка:

— Уж ты гой есь, Василий Буслаевич!
Не серди ты лихих добрых молодцев:
Нам не честь, не хвала с ними спориться,
На почестном пиру пустоссориться. —
Унимала его мать родимая:
— Полно вздорить, Василий Буслаевич!
На почестном пиру полноссориться!
Не сдается Василий Буслаевич!
Стали биться они о великий заклад
И условье такое составили:
В кое время открыть в поле чистоем
Бой велик, ратоборство кровавое.
Под условием все подписались.
Отходил пир честной тут скорехонько,
По домам гости все разбежалися.
Отъезжает Василий Буслаевич
Со своею родимою матушкой,
Со своей боевой дружиною;
Приезжали в палаты богатые.
Стала думать тогда мать Василия,
Как бы ей укротить сына милого,
И надумала пир сделать княжеский,
Напоить тут его зеленым вином,
Напоить до того, чтоб насытился
И заснул поскорей богатырским сном;
Кузнецовых мастеров тогда позвали,
Заслонили решеткой окошечки,
Заковали его руки белые,
Заковали его ноги резвые,
Наложили железа тяжелые
На заплечье его да и в десять пуд,
А на руки его — да и в пять пудов,
Повалили его на кроваточку,
На перинку его на пуховую,
Закрывали его одевальницей¹

¹ Одевальница — одеяло.

Из сибирского темного соболя,
Очи ясны — камкою узорчатой;
Замыкала его да на три замка,
Уж на три-то замка на висучие
И стеречь молодца строго-настрого
Сторожам приказала испытанным.
Стал удал молодец просыпаться, —
Уж пора пробуждаться детинушке.
Проходила в тот раз той дорогою
Из Нов-города красная девушка,
Подбегала к высокому терему,
Ко тому-то оконцу решетчату,
К теплой лежне Василья Буслаева.
Говорит ему красная девушка:
— Уж ты гой есь, Василий Буслаевич!
Ты хорош был во славном Нов-городе,
Ты удал был и биться и ратиться ¹
О великий заклад с новгородцами,
А теперь ты, Василий, запрятался;
А дружине твоей худо можется:
Поприломаны ихни головушки,
Кушаками обвязаны головы! —
Ото сна молодец пробуждается,
От хмелины большой просыпается;
На себе он железа почувствовал,
Очи ясны его помутлисиya,
Горьки слезы из них покатилися,
А в плечах расходилась силушка:
Стал срывать он железны наручники,
С резвых ноженек — цепи тяжелые, —
На куски железа разлетелися;
Потянулся плечами могучими —
Соскочили наплечники крепкие,
И почувствовал он вольну-волюшку.
Встал с кровати Василий Буслаевич,

¹ Р а т и т с я — драться, воевать.

Ключевою водой умывается,
Полотенцем цветным утирается;
Надевал сапоги он сафьянные,
Опояску навязывал шелкову,
Подходил ко дверям он железным:
— Уж вы гой, сторожа-караульные!
Отмыкайте замочки пудовые,
Выпускайте меня, добра молодца;
Мне не время теперь жить в хоромине,
Время мне выходить уж на волюшку
Да бежать поскорей в славный Нов-город. —
Нет ответа от стражей-охранников!
За беду это стало Василию,²
За велику досаду сказался;
Ясны очи его помутлися,
Плечи сильные вдруг расходились
Богатырское сердце забилося;
Пнул ногою он в двери железные,
Разлетелись они по всему двору;
Он замочки сорвал да пудовые, —
Сторожа отскочили в сторонушку.
Выходил тут Василий из комнаты,
Говорил молодец красной девушке:
— Когда буду я снова на волюшке, —
Наделю я тебя золотой казной,
Я осыплю тебя скатным жемчугом!
Не берет он с собой золотой казны,
А берет богатырь только палицу;
Весом тянет она девяносто пуд;
Побежал молодец в славный Нов-город
Ко своей богатырской дружинушке:
И немного поры миновался, —
Повстречалась нарядная женщина;
Говорит она Васе Буслаеву:

¹ Хоромина — отдельное помещение.

² За беду это стало — показалось обидно, оскорбительно.

Уж ты гой есь, Василий Буслаевич!
Ты горазд был гостить в Нове-городе,
Ты удал был и биться и ратиться
О великий заклад с новгородцами;
А теперь ты, Василий, запрятался,
Уж ты выдал друдинушку храбрую;
Худо бедной друдинушке можется:
Поприломаны ихни головушки,
Кушаками обвязаны головы! —
За беду это стало Василию,
За велику досаду сказалося;
Он сорвал с этой женщины платьишко,
Обнажил он ее сверху донизу,
Платье отдал ее красной девице:

Ты прими-ка, душа-красна девица!
Когда буду я снова на волюшке, —
Награжу я тебя золотой казной! —
Побежал добрый молодец далее, —
Повстречалась калика прохожая,
Старище седой Перегримище;
Он несет на своей на головушке
В девяносто пудов медный колокол:
Уж ты, куря млада, не попархивай:
Уж ты, Вася младой, не похвастывай:
Богатырь-то я был не тебе чета!
Не тебе был чета, не тебе ровня;
Выдал ты всю друдинушку храбрую;
Худо бедной друдинушке можется:
Поприломаны ихни головушки,
Кушаками обвязаны головы! —
За беду это стало Василию,
За велику досаду сказалося;
Очи ясны его помутлисиya,
Горьки слезы из них покатилися;
Ухватил боевую он палицу
И махнул старика по головушке:
Зазвенел оглушительно колокол,

А старик-от стоит и не двинется,
Кудри даже и те не шевелятся!
За беду это стало Василию,
За велику досаду сказалося;
Побежал молодец к речке Волхову,
Где стоял под горой превеликий дуб
Вышиною саженей двенадцати;
Вырвал с корнем его добрый молодец
И хватил им сырӯ землю-матушку, —
Разлетелся дубок на три жеребья.¹
Он схватил одну часть да с кокорою,²
Он въбежал скорой поступью на гору,
Богатырски хватил Перегримища,
Разломил на три жеребья колокол
И сорвал с старика буйну голову
Но успел он, стариk, еще вымолвить:
— Уж ты гой есть, Василий Буслаевич!
Уж не будет тебе поединщика! —
Прибежал добрый молодец в Нов-город;
Худо можется храброй дружинушке:
Поприломаны ихни головушки,
Кушаками обвязаны головы.
Говорит им Василий Буслаевич:
— Уж вы гой есть, дружинушка храбрая!
Отдалитесь вы прочь, в поле чистое,
Уж вы дайте-ко мне разгулятися,
С новгородцами всласть переведаться,
Переведаться с ними, поправиться! —
Отшатнулась дружинушка храбрая...
Взял Василий тут палицу грозную
И давай ей махать во все стороны, —
Никому не возможно отбитися!
И летал он от силы да к силушке,
Он носился везде, словно лютый зверь.

¹ Жеребей — часть.

² Кокора — утолщение дерева в корне.

Новгородцы, как только увидели
Страсть такую, такое побоище,
Порешили послать к его матушке
Свет-Омельфе вдове Тимофеевне
Именитых послов с челобитною,
Чтоб она уняла чадо милое.
Удивилась вдова Тимофеевна:

— Уж вы что же, послы, люди добрые!
Уж вы что ж надо мной насмехаетесь?
Сын мой спит уж давно, не пробудится,
Он в оковах лежит во тяжелых! —

— Уж ты гой есь, Омельфа, честна вдова,
Ты сходи, посмотри в гридню светлую. —
Заходила Омельфа во гридницу, —
Там Василия нет, все приломано;
Расспросила она караульщиков:

— А куда же ушел мой любимый сын? —
Нет ответа от стражей-охранников,
Лишь слезами они уливаются!
Воротилась вдова в свои комнаты
И велела запрячь коня доброго
Во свою да повозку золочену.
Привозили Омельфу, честну-вдову,
В Новый-город на место побоища,
На кровавое поле ужасное...

Закричала она зычным голосом:
— Уж ты гой еси, сокол мой ясненький!
Уж ты гой еси, дитятко милое,
Чадо милое мне, одинокое!
Умири ты свое ретиво сердце,
Опусти ты свои руки белые!
И дружина ревет громким голосом, —
Ничего-то Василий не слушает!
Побежала вдова к добру молодцу,
Захватилась ему она за ногу,
Волочилася за ним она по полу.
Прокричал тут Василий Буслаевич:

— Это что за тряпье привязалося? —
Отвечает друдинушка храбрая:
— Привязалась к тебе мать родимая! —
Тут сейчас же удал-добрый молодец
Опустил свои рученьки белые
И поставил свою страшну палицу.
А тем временем люди с догадкою
Натаскали скорехонько золота
И настолько ее имсыпали,
Что она уже стала невидима.
Покорился тогда славный Нов-город,
Золотые ключи подносилися.

Иван Грозный

Когда грозный наш царь начал царствовать,
Грозный царь наш Иван да Васильевич,
В те поры сине море утишилось,
Рыба-щука ушла в глубь великую.
И, на радости той, в царских горницах
Завелся у царя да почестен пир.
Пированье идет в славу божию,
Ясный день уже клонится к вечеру,
Красно солнышко катится к западу.
А у них пир идет о полулуира,
Стол идет у гостей о полуустола,
Ходит царь-государь о полухмеля.
Выходил он средь пола кирпичного,
Тихо-смирную речь выговаривал:
— Как теперь стал я здесь уж хозяином,
Я измену из Питера (???) выведу
И из матки-Москвы белокаменной.—
Приумолкли тут все на честном пиру,
И у всех у гостей сердце дрогнуло;
Слабый прячется вдруг за середнего,
А середний-от — за спину сильного,
А от сильного нету и голоса!
Поднимался тут Федор Иванович,¹
Подходил он к родителю-батюшке:
— Уж ты гой есь, родитель мой, батюшка,
Грозный царь наш Иван-свет Васильевич!
Мудрено нам изменушку вывести
И из Киева, дальнего Питера,

¹ Федор Иванович — царевич, сын Грозного.

И из самой Москвы белокаменной!—
Осерчал на то царь, грозно вымолвил:
— Уж вы гой, палачи мои строгие!
Вы берите-ка Федора за руки,
Выводите его в поле чистое,
Ко дубовой-то плахе нетронутой;
Да к той рели¹ высокой покрашенной,
На которой висит петля шолкова.—
А в ту пору — в то время у грозного
Государя Ивана Васильевича
Был палач, и свиреп, и немилостив,
По прозванью Малюта Скурлатьевич.
Подходил он к царевичу Федору,
Говорил ему слово суровое:
— Повеленье царя не ворочают...
Если нам государя ослушаться,
Так своею ответишь головушкой!—
Взял он Федора за руки белые
И повел из палат государевых;
Не несут его ноженъки резвые,
Из очей слезы горькие катятся.
Вышли гости из гридни столовые
Провожать в поле чистое Федора;
А царевич с народом прощается:
— Уж простите меня, православные,
Уж прощай ты, Москва белокаменна!
Не живать мне на свете на белоем.
Не слыхать больше мне да четья-петья,²
Уж четья и петья да поповского,
Также красного звона церковного!—
Вот ведут в поле чистое Федора,
И идет, провожает царевича
Пребольшая толпа люда разного.
Тут, на счастье великое Федора,

¹ Реля — виселица.

² Четья-петья — чтения-пения.

Богатырь показался вдруг на поле,
По прозванью Никита Романович.
Увидал он народ и раздумался:
„Не на казнь ли ведут добра молодца,
Не могу ли спасти его, бедного?“
Поскакал он к толпе скоро-наскоро,
Соскочил он с коня богатырского,
Развалил он народ и в середочку
Пробрался—и как раз в пору самую:
Уж валили царевича Федора
На ту новую плаху дубовую,
У Малюты рука с саблей поднята,
Чтоб рубить буйну голову Федора.
Ухватил тут Никита Романович
Палача за кудрявые волосы:
— Уж и вор ты, Малюта Скурлатьевич,
Ты кому хочешь снять буйну голову?—
Отвечает Малюта Скурлатьевич:
— Собираюсь рубить не своим умом,—
По указу казню государеву.—
Говорит тут Никита Романович:
— Положить надо, вместо царевича,
Пса на плаху; срубить ему голову,
Окровавить потом саблю вост्रую
И снести напоказ ее Грозному.—
Обратился к народу Романович:
— А уж вы про обман, люди добрые,
Помолчите и слова не молвите,
А я сам объявлю царю Грозному,
И нам пир заведут пуще старого!—
Вот приносят царю саблю вострую,
Окровавленную всю, на смотрение;
Спохватился тут царь, запечалился;
Говорит, торопясь, он опричникам:
— Уж вы гой есь, опричники царские!
Вы садитесь-ка все за занятие
И пишите скорей скоры грамотки;

Разошлем их повсюду: по вотчинам,
По церквам для поминки усопшего
Моего заместителя Федора.—
И пошел тут Иван в церковь божию
И собрать приказал всех церковников,
Чтобы петь панихиду по Федору.
Вот стоит грозный царь в правом клиросе,
Со слезами умильными молится;
Вдруг приходит Никита Романович,
Встал он возле Ивана Васильевича
И глядит на него, ухмыляется.
Говорит ему гневно да грозный царь:
— И откуда взялся ты, невежище,
Пред иконой святой усмехаешься,
Когда люди слезой обливаются?
И стоишь и глядишь, ухмыляясь!—
Отвечает Никита Романович:
— Да о чём же мне плакать, коль не о чём,
Ведь не пса же я буду оплакивать!—
— Что ты мелешь,— скажи попонятнее! —
Гневно царь устремил очи ясные.
Отвечает Никита Романович:
— Отрубили у пса мы головушку,
Окровавили сабельку вострую.
Принесли напоказ тебе сабельку
И спасли тем царевича Федора!—
— Ну, спасибо, Никита Романович!
Награжу я тебя, как не видано.—
Покажи только сына Феодора!—
И из церкви пошли они божией
Вновь в палаты царя белокаменны;
Вот приводят наследника царского...
Грозный царь, как завидел царевича,
Тотчас взял его за руки белые,
Прижимал его к сердцу горячemu,
Целовал молодца в губы алые.
Речь держал государь задушевную:

— А спасибо, Никита Романович,
Что ты спас моего сына милого
И избавил от смерти напрасноей! —
А с той радости в царской хоромине
Завелся снова пир, больше старого,
Пированье пошло в славу божию.

Вавило и скоморохи

У честной вдовы да у Ненилы,
А у ей было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишиша белую пшоницу засевати;
Родну матушку свою хоче кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней веселые,
Веселые люди, не простые,
Не простые люди,—скоморохи.
— Уж ты здраствуешь, честна вдова Ненила!
У тя где чадо да нынь Вавило?—
— А уехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишиша белую пшоницу засевати:
Родну матушку хоче кормити.—
Говорят как те ведь скоморохи:
— Мы пойдем к Вавилушку на ниву;
Он не идет ле с нами скоморошить?—
А пошли скоморохи к Вавилушку на ниву:
— Уж ты здраствуешь, чадо Вавило,
Тебе дай бог нивушку орати,
Ишиша белую пшоницу засевати,
Родну матушку тебе кормити.—
— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороги?—
— Мы пошли на инишшое царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишиша сына его да Перегуду,
Ишиша зятя его да Пересвета,

Ишша дочь его да Перекрасу.
Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить.—
Говорило-то чадо Вавило:
— Я ведь песен петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазен.—
Говорил Кузьма да со Демьяном:
— Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном припособит.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
У того ведь чада у Вавила
А было в руках-то понюгальце,—
А и стало тут ведь погудальце;
Ишша были в руках у него да тут ведь вожжи,—
Ишша стали шелковые струнки.
Ишша то чадо да тут Вавило
Видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-те,—святые;
Он походит с има да скоморошить,
Он повел их да ведь домой жа.
Ишша тут честна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-те ржаные,—
А и стали хлебы-те пшоные;
Понесла она куру-то варену,—
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит: люди тут да не простые,
Не простые люди-те,—святые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороги,—
На гумни мужик горох молотит.
— Тебе бог поможь, да те, крестьянин,
Набело горох да молотит!—

— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороги?—
— Мы пошли на инишшое царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишиша сына его да Перегуду,
Ишиша зятя его да Пересвета,
Ишиша дочь его да Перекрасу.—
Говорил да тут да ведь крестьянин:
— У того царя да у Собаки
А окол двора-та тын железной,
А на каждой тут да на тычинки
По человечей-то сидит головки;
А на трех ведь на тычинках
Ишиша нету человечих тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам.—
— Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра нам тут ведь сдумать,
Ишиша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами;
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их кичигами сшибати;
Зашибал, он думат, голубяток,
Зашибал да всех своих ребяток.
Говорил да тут да ведь крестьянин:
— Я ведь тяжко тут да согрешил:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-те,—святые,—
Ишиша я ведь им да не молился.—
А идут скоморохи по дороги,
А настречу им иде мужик горшками торговати.

— Тебе бог поможь, да те, крестьянин,
Ай тебе горшками торговати!—
— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороги?—
— Мы пошли на инишшое царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша дочь его да Перекрасу.—
Говорил да тот да ведь крестьянин:
— У того царя да у Собаки
А окол двора да тын железной,
А на каждой тут да на тычинки
По человечей·то сидит головки;
А на трех·то ведь да на тычинках
Нет человечих·то да тут головок;
Тут и вашим·то да быть головкам.—
— Уж ты ой еси, да ты крестьянин!
Ты не мог добра да нам ведь сдумать,
Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьянном припособит.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьянном припособил.
Полетели куропти с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами;
Они стали по оглоблям·то садиться,
Он ведь стал их тут да бити
И во свой ведь воз да класти,
А наклад он их да ведь возочек.
А поехал мужик да во городочек,
Становился он да во рядочек,
Развязал да он да свой возочек,—

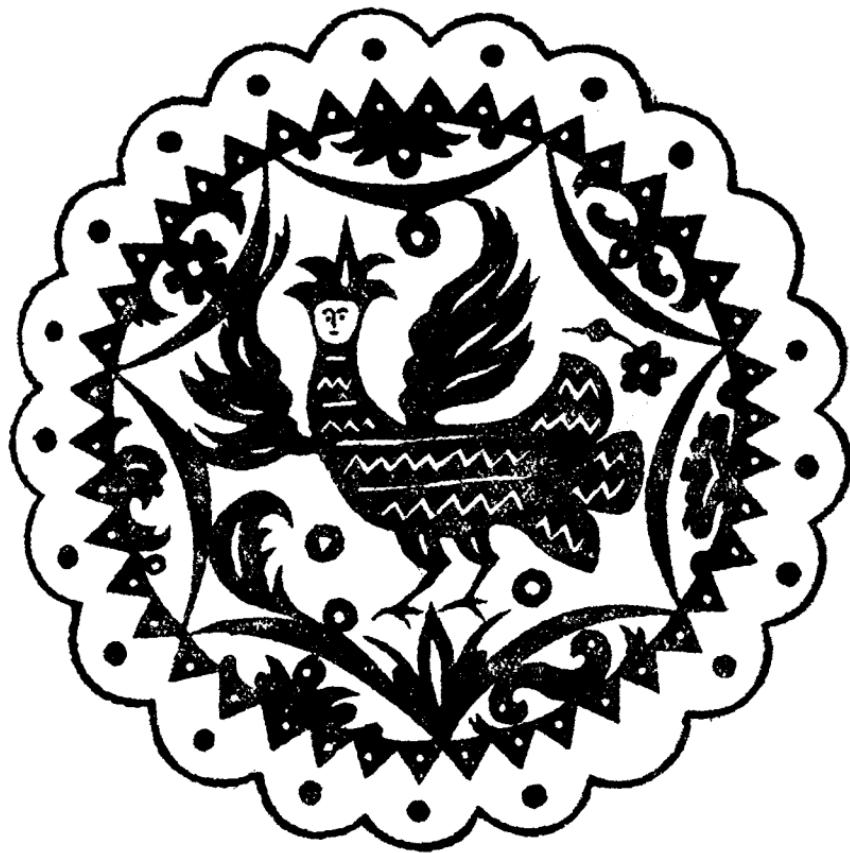
Полетели куропцы с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел ведь во своем-то он возочку,—
Ишше тут его одны да черепочки.
— Ой, я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-те,—святые,—
Ишша я ведь им да не молился.—
А идут скоморохи по дороги,
Ишша красная да тут девица,
А она холсты да полоскала.
— Уж ты здравствуешь, красна девица,
Набело холсты да полоскати!—
— Вам спасибо, люди веселые,
Веселые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороги?—
— Мы пошли во инишшое царство
Переигрывать царя Собаку,
Ишше сына его да Перегуду,
Ишше зятя его да Пересвета,
Ишше дочь его да Перекрасу.—
Говорила красная девица:
— Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишше зятя его да Пересвета,
А и дочь его да Перекрасу.—
— Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
А у той у красной у девицы
А были у ей холсты-ти ведь холщовы,—
Ишша стали атласны до шолковы.

Говорит как красная девица:

— Тут ведь люди шли да не простые,
Не простые люди-те,—святые,—
Ишша я ведь им да не молилась.—
А идут скоморохи по дороги,
А идут на инишшое царство.
Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
А во звончатой во переладец,—
Ишша стала вода да прибывати:
Он хоче водой их потопити.
— Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
И пошли быки-те тут стадами,
А стадами тут да табунами,
Ишша стали воду да упивати;
Ишша стала вода да убывати.
— Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособит.—
Заиграл Вавило во гудочек,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Загорелось инишшое царство
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царство,
Он привез ведь тут да свою матерь.

СКАЗКИ

Кошель

Жили два сына. Захотели они разделиться. Разошлись. Одному курица досталась, а другому — корова.

Один приходит и говорит:

— А что, брат, курицы в городе дороги.

Он говорит:

— Тащи куру.

Взял, голову отрубил, выщипал — и в горшок, щи сварил, скнул горшок в кошель и попер. Шагал далече ли, близко, высоко ли, низко, — посох с руки выпал. За посохом наклонился и пролил щи через голову. Ворочаться неохота. Пошел дальше. Приходит в одно село, — все спят. Куда к ночи? Видит — на краю домичек, горит огонек. Подошел к евтому домику, а у окна стоял костерок дров. Он выстал на костерок и смотрит. Видит, — там хозяйка с дьяконом гуляет. Пироги, яишница и четвертная вина...

Застучало вдруг. Дьякон и говорит:

— Я куда?

А она ему:

— Ступай в подпол.

Дьякон в подпол, а она пироги спрятала на печку под лучину, яишницу — в печку под заслонку, а вино под лавку. Пошла мужа впускать, муж входит.

— Ну, — говорит, — давай поужинать.

А она ему собрала скудно. Мужичок заколотился в избу. Муж его пустил.

— Ночуй, — говорит, — ночлегу не носят с собой.

Приходит в комнату. Помолился богу.

— Садись, — хозяин говорит, — поужинай со мной.

— Спасибо, — говорит.

— Уж садитесь.

Сел за стол, а хозяин говорит:

— Скинь кошель.

— Нет, — говорит, — я кошеля не могу снять, потому что он от меня не остается.

Сидят, кушают. Он толкает кошель:

— Сядь, не твое дело.

А хозяин и привязался:

— А что такое?

— Да он врет все. Сиди, не твое дело.

Тут хозяин привязался:

— Скажи да скажи.

— Да он врет, — говорит: „На печке под лучиной пироги“.

Хозяин вскочил, лучину отворотил — тащит пироги. А он опять кошель толкает:

— Сядь, не твое дело.

Хозяин опять:

— Скажи да скажи.

— Да он говорит: „В печке яишница“.

Хозяин и яишницу достал. А он опять:

— Сядь, не твое дело.

Опять хозяин пристал.

— Он говорит: „Под лавкой вино“.

Хозяин вино достал, стал на судьбу жалиться.

— Быдто живу и работаю, а денег нету.

А тот говорит:

— У тебя беда в подполье есть, так тебя постоянно будет разорять.

— А как выжить можно будет беду? Сколько будет стоить?

— Пятьдесят рублей я с тебя возьму.

Он согласился.

— Ну, — говорит, — неси теперь три погонялки.

Хозяин принес три погонялки. Дает мужику плетку и хзяйке погонялку и себе погонялку. Хзяйку в сени у дверей поставил, хозяина у дверей квартеры, а сам пошел в подпол. Приходит в подпол, а дьякон там дрожит.

— Вот, — говорит, — милый человек, тебе двадцать пять рублей, только не бей меня.

— Ну, — говорит, — распусти косы, подрясник распусти, я буду хлестать по стенкам.

Вот он по стенкам ходит — хлыщет:

— Но, беда, вон с сего дома!

Вот дьякон как пустился бежать, так мужик только раз поспел хлыснуть,

— Ну, все кончилось. Давай, выпьем и закусим.

Хозяин говорит:

— Добрый человек, продай мне кошель.

— Пожалуйста, да он не станет у вас жить.

— Ну, продай.

— Да давай пятьдесят рублей, так продам.

Хозяин дал ему сто рублей денег, кошель поставил в большой угол. До свету просидели. Хозяин и говорит:

— Я тебя до мельницы подвезу.

Поехали. А хозяйка печку затопила.

— Ну, ладно, — говорит, — мошенник, я всю правду расскажу.

Печку растопила да кошель в печку. Кошель и загорелся. Взяла, крюком вытащила да в кислуху. Там была мякина. Она вытащила да в большой угол и поставила.

— На тебе, чорт. Больше не будешь правды рассказывать.

Хозяин приезжает, а она стречает его и говорит:

Кошель-то у нас беды наделал.

— А что?

— Да бросился в печь, да в кислуху, да в большой угол.

— Вот беда!

А мужик домой приходит — деньги давай считать. Приходит старший брат:

— Как нажил?

— Нажил сто рублей, в городе коровьи кожи дороги.

Он сейчас домой, корову зарезал, кожу снял да и в город. Шел в город, — там кожи не берут, да и от коровы отстал. Так ни с чем и остался.

Три слова

В невком царстве, в невком государстве жил один молодец, бедного сословия. Был он сирота. В услужении его не держали. Взялся он воровать—в тюрьму посадили. И тут не везет. Пришел он к царю на свою судьбу жаловаться. (Прежде было свободно.) Допустили Ивана к царю. Он царю жалуется. Царь говорит:

— Ничего не могу сделать.

А его дочка говорит:

— Дай мне твой трон, я его рассужу.

Царь согласился, она села на трон и спрашивает:

— Холост или женат?

— Холост.

— Иди,— говорит,—на улицу, кого встретишь — вдову или девушку, веди сюда, мы тебя поженим. Своего счастья нет, будешь жениным жить.

Царь рассердился и ее самое ему встречу послал.

Они встретились. Царь их обвенчал и выгнал вон:

— Где знаешь, там с мужем живи.

Она и уехала, сняла фатерку, стала рукodelьничать.

Дает Ивану сто рублей:

— Принеси шолку и золота.

Он принес. Она ковер вышила и говорит:

— Сходи в рынок, продай его.

— А сколько просить?

— Проси двести рублей.

Он целый день ходил, никому не показывал. Один приказчик увидал и спрашивает:

— Сколько за ковер хочешь?

— Двести рублей.

— Деньгами или словом?

— Давай словом.

— Вот тебе слово: „Без суда голова не будет,—сама на суд придет“.

Вышила жена еще лучше ковер, просил он за него пятьсот рублей, а за слово отдал: „На земли булат-железо дороже драгоценных каменьев“. Жена его спрашивает:

— Продал ковер?

— Продал.

— За что?

— За слово.

— Хорошо, только не забывай слово это.

Третий раз ходил он целый день. Приказчик его спрашивает:

— Что, молодец, не купишь, не продашь, что за ковер хочешь?

— Слово.

— Вот тебе слово: „Замахнись да не ударь, разбуди да расспроси“.

Ну, ладно. Живут они дружно, хорошо. Он ей прислушивает. Один раз услышал Иван, что его свояки поезжают за границу с товарами. Он и просит жену, чтобы она у отца попросила его тоже отправить. Так отцу пошла, а царь спрашивает, какой товар он хочет.

— Кораб, — говорит, — смолы да дегтю, я тому товару цену знаю.

Так и вышло. И семь кораблей поехало. Скоро сказка скажется, да не скоро кораб двигается, под парусами долго. Вдруг среди моря корабли остановились — голос раздался:

— Одного из царских слуг подайте сюда.

Те все испугались, а он первое слово вспомнил да сам в воду прыгнул. Представили его на суд морскому царю. А там царь и царица спорят, что дороже на земли — драгоценные камни или железо. Его спросили. Он второе слово вспомнил и сказал:

— Булат-железо дороже на земли.

Царь ему за это двенадцать бочек драгоценных камней дал, на кораб вернулся, и никто этого не видел. В новую страну приехали, надо прописаться, подарки царю дать.

Свояки смеются, что он на тарелочку дегтя положит. А он каменьев дорогих положил. Царь спрашивает, на какую сумму у их товары, а он говорит, что и сметы своих не знает. Свояки стали в заклад биться:

— Если у него дорогой товар найдется, мы ему все отдадим и сами ему в слуги пойдем.

Назначили комиссию. Пошли, посмотрели, двенадцать бочек увидали, и стал он у них старшим. За деньги стали его учить. Он восемнадцать лет проторговал, заграничную диплому ему дали. Платье редкое. Приехал он домой богатый богатышко. Свояки перед ним без шапок стоят, он им приказывает. Царь дивится. Он и спрашивает:

— А где моя жонка?

Царь говорит:

— На солдатской слободке живет, я ее не видал.

Он и отправился пешечком. Спрашивает дворника. (Дворник улицу подметал.) Дворник говорит:

— Вот там, в прачечном заведении. Прачечное заведение держит.

Зашел он в первую комнату, — там утюги стоят; зашел во вторую, — там жена с двумя молодцами спит. У него косая сабля была. Он замахнулся да третье слово вспомнил: „Замахнись да не ударь, разбуди да расспроси“. Он жену разбудил, а она ему сынов показывает. Радость была полная — семейная. В двенадцать часов приехала корета заграничная с орлами. Платья привезли богатые, и поехали они ко дворцу. Потом он и наследником стал.

Иван-Ветер

В невком царстве, в невком государстве жил царь на царстве, как сыр на скатерти. И была у него доцерь. Такая раскрасавица, что и в свете не сышешь. Он побаивался, чтобы не забаловалась. И посадил ее в высокую башню. И дверь каменщики заложили. В одном месте между кирпичей была дырка. Щель, одним словом. И стала раз та царевна навколо той щели, и надул ей ветер брюхо. Понесла она парня. Царь как узнал, очень разгорячился. Пришол к башне и так ее ругат:

— Откуда, — говорит, — ты понесла?

А парень у ней из живота голос подает:

— Я, — говорит, — с Ветру.

Ну, царь удивился и ее с башни вынел. Пришло время, она родила парня. И назвали его — Иван-Ветер.

Он не по дням растет, а по часам. А царь его забоялся. Растет тот парень силы немалой: кого за руку хватит — рука вон, кого за голову хватит — голова вон. Царь и боится, чтоб он его не обидел, царство не забрал. Вот он и посыпает его в лес по дрова. А парень говорит:

— Дайте-ка мне веревку сорок саженей.

Дали ему веревку сорок саженей. Он весь лес обкрутил, с комелями повырвал и несет в город.

Еще больше царь его забоялся. Посыпает его к морю за водою. А он говорит:

— Сделайте мне-ка из того лесу два ведра.

Сделали ему с того лесу два ведра. Он пошел к морю да пол-моря в ведра взял. Идет, пол-моря несет, только сгорбился. Тут народ к царю добежал:

— Ваше царское величество, ваш сын идет, пол-моря несет, он весь город зальет.

Выехал царь ему стрету, говорит:

— Сын мой любезный Иван-Ветер, брось свои ведра, а то город зальешь.

Бросил Иван-Ветер ведра назень, стал пруд глубокий.

Забоялся его царь еще больше. Думает, как его погубить. Зовет перед себя и говорит:

— Иван-Ветер, за семью горами есть чортов ад, в нем есть бес косматый, должен он мни-ка две меры денег, пойди, долг возьми.

Иван-Ветер за семь гор пошел, чортов ад нашол.

— Где, — кричит, — у вас бес космат?

Наскочил тут бес:

— Ты чего ревешь, бесовский народ беспокоишь?

А Иван-Ветер:

— Ты потише, я не шутки шутить, царев долг обирать.

Бес космат не хотит денег давать. Взял Иван-Ветер плеточку-трехвосточку, ну беса космата отделять. Тот взмолился, три шапки золота накидал. Привез Иван-Ветер две шапки царю, одну — матери.

Ну, скоро сказка сказывается, нескоро дело делается. Заскучал Иван-Ветер. Пошол к матери:

— Поставь, мама, на столи бутылочку, на стену плеточку. Как будет в бутылочке кровь, как будет мой конь ногой бить, как будет плетка на стене драться, значит я живой не бываю.

И пошел сам, куда глаза глядят. Шол-шол (сказка быстро говорится, — дело мешкотно творится), в густой лес зашол. В том лесу стоит фатерка, золотые окна. Сидит у окна девица-раскрасавица, земчужные слезы льет.

— Ах, Иван-Ветер, ты зачем к нам пришол? Налетит Косцей, он тебя съест.

— Ничего, — говорит, — раньше смерти не отпеваньице. Прилетел Косцей.

— Фу-фу-фу, раньше русского духа слыхом не слыхал, а теперь в нос бросается.

Увидал Ивана-Ветра, побелел весь:

— Идем, молодец, на медный ток, померимся.

Пошли на медный ток. Иван-Ветер зажал Косцея — тот

белый стал, назень бросил — тот целый встал, а Косцей зажал — с Ивана-Ветра кровь покапала, назень бросил — косточки разбил. Пнул Косцей косточки под порог, ногой притопнул.

А у матери бутылочка кровью полнится, плеточка на стене бьется, конь ногой бьет. Села мать на того коня и поехала. Ехала-ехала, — стоит фатерка, золотые окна, под порогом косточки валяются. Она живой и мертвой водой спрыснула, — он и встал живой:

— Долго я спал да скоро встал. Иди, мама, домой, а мне дело есть.

Пошол он снова к Косцею дому. Сидит Настасья Прекрасная, земчужные слезы льет:

— Зачем ты, Иван-Ветер, сюда зашел? Налетит Косцей, тебя съест.

— Настасья Прекрасная, узнай у Косцея, в чем его сила живет.

Налетел Косцей, наелся, напился, на лавку повалился. Стала Настасья Прекрасная у него в голове искать:

— А что, Косцей, сколько лет с тобой живу, правды от тебя не слыхивала!

— А какая тебе правда?

— А в чем твоя сила живет?

— Моя сила в венике живет.

На другой день Настасья Прекрасная банный веник в золото убрала. Налетел Косцей:

Ха-ха-ха, што ты, Настя, веник в золото убрала?

— Да твою силу уважила.

— Моя сила в деревянной латке.

На другой день Настасья Прекрасная деревянную латку земчугом убрала. Налетел Косцей:

— Ха-ха-ха! Чего, Настяка, латку земчугом убрала?

— Твою силу уважила...

— Моя сила ни в латке, ни в венике, моя сила на Буйян-острове. На том острове дуб стоит, под дубом плита лежит, под плитой — короб, в коробе — утка, в утке — яйцо, в яйце — кольцо. В том кольце моя сила.

Иван-Ветер пошол на остров Буян. Шол-шол, загодался. Видит, — орел сидит. Стал Иван-Ветер лук натегать, а орел говорит:

— Не стреляй меня, Иван-Ветер, я тебе пригожусь.

Пошол Иван-Ветер дальше. Шол-шол, загодался, видит — щука на берегу полыхается. Хотел Иван-Ветер ее стрелять, а она говорит:

— Не бей меня, Иван-Ветер, я тебе пригожусь.

Дошел Иван-Ветер до острова Буяна. Стоит на острове дуб. Свиротил Иван-Ветер тот дуб, вынел короб. Выскочила из короба утка, полетела в небо. Налетел тут орел, сбил утку. Пала утка на берег, выскочило из нее яйцо, покатилось в воду. Сел Иван-Ветер на берег, закручинился. Выскочила щука из воды, вынесла Ивану-Ветру Косцеево яйцо. Взял Иван-Ветер тое яйцо, вынел из него персень. Пошел Иван-Ветер в Косцеев дом. Сидит Настасья Прекрасная, земчужные слезы льет.

— Чего ты пришол, Иван-Ветер? Налетит Косцей, тебя съист.

— Не съист, Настасья Прекрасная, у меня его сила есть.

Налетел Косцей, пал на Ивана. Взял Иван-Ветер персень, переломил пополам, — Косцей и пал назень. И помер.

Взял Иван-Ветер Настасью Прекрасную, золота, серебра, скатна земчууга. Пошли домой. А дома царь помер. И стал Иван-Ветер за царя царствовать.

Богатый брат и бедный брат

Жило два брата. Один богатый, а один бедный. Один в ночное время вышел, слышит — на гумне молотят. Приходит он и говорит:

— Бог помошь, кто молотит?

— Это твоего брата учесть.

— А моя где учесть?

— А иди в поле, там под белой березой тесовая кровать да пуховые перины, под собольим одеялом спит учесть, прокладывается.

Вырубил он дубину да пришел и дал ей по бочине.

— Что ты спиши, прокладываешься? У меня не сето, не пито и нищим не дадено.

— Иди домой, ешь и пей, все тебе будет.

Дала ему скатерть-самобранку. Пришел домой, старуха спрашивает:

— Что добыл?

Скатерть-самовертка-самобранка развернулась,—и поесть и попить, что душа хочет.

Захотелось ему брата позвать. Тот говорит:

— Что у тебя есть погостить?

Приходит брат,—ничего не приготовлено.

— Скатерть-самовертка, развернись!

Скатерть-самовертка развернулась—и поесть и попить, что душа хочет.

Брат удивляется. Ну, ладно, поел, попил и домой.

Вдруг к нему нечаянно гости, он к брату и прибегает:

— Брат, выручи, дай скатерть-самовертку!

Тот дал. Гостей отпогревал. Гости удивляются. Ушли гости, распрошались. У брата опять поесть нечего. Пришел к брату и просит свою скатертьку. А тот говорит:

— Я у тебя не брал, что ты требуешь?

Опять в ночные часы выходит бедный брат,—на гумне кто-то молотит.

— Бог помошь, кто молотит?

— Твоего брата учесть.

— А моя где учесть?

— Ты был у учести, она тебя судила и второй раз посудит; иди в чисто поле,—под белой березой стоит тесовая кровать, на пуховой перине, под собольим одеялом спит твоя учесть, проклождается.

Взял он дубину, пришел и дал ей по бочине.

— Что ты спиши, невежа, проклождаешься?

— Я тебе судила,—говорит.

— У меня брат отнял.

Дала ему учесть гриненник.

— Иди, с руки на руку перекидывай, все тебе будет.

Пришел,—старуха спрашивает:

— Ну, что?

— Да вот,—говорит,—гриненник.

Перекинул с руки на руку и навалил денег. Пошел к богатому брату.

— Дай мне маленки, деньги мерять.

Он не столько мерял, сколько за обручья пихал. Тот и видит—правду, деньги мерял.

Брат все узнал. И пришел и говорит:

— Поезжай за море, за товаром, а мне дай покуда гриненничек.

Ну, тот и дал.

— Денег,—говорит,—пока хватит.

Приезжает домой.

— Дай-ка мне гриненничек.

— Я у тебя не брал, чего требуешь!

Опять ночью вышел бедный брат, слышит—на гумне молотят. Подошел.

— Бог помошь, кто молотит?

— Твоего брата учесть.

— А моя где учесть?

— Ну, раз тебя учесть судила и второй судила и третий посудит. Пойди в чисто поле, под белой березой, на пуховой перине, под собольим одеялом спит твоя учесть, проклождается.

Взял он дубину, дал ей по бочине.

— Что ты спиши, невежа, проклождаешься?

— Я тебя раз судила, я тебя второй судила, я тебя и третий посужу. Вот тебе сумочка. Недоумки, выдь из сумки, да Недоумки, сядь в сумку.

Вот он пошол да говорит:

— Недоумки, выдь из сумки.

Выскочили Недоумки, сорок человек.

— Что надо?

А он работы не знает и не сказал. Они его и поколотили.

— Недоумки, сядь в сумку.

Домой приходит.

— Недоумки, выдь из сумки.

— Что надо?

— Да у меня хата худа, да скота нет.

Утро встает — палата сделана напротив богатого брата. Брат богатый прохватился — смотрит в окно — что за чудо! А тот живет в палатах, и все справлено, все есть.

Брат узнал, что сумка есть. Стал строить корабль. Расснастил, а спихнуть не могут. Пришел к брату, он дал ему сумочку.

— Недоумки, выдь из сумки!

— Что надо?

— Кораб спихнуть.

Они спихнули.

— Что надо?

А он больше не знает и как их назад тоже не знает. Они и давай его лупить.

— Брат, брат, выручай!

А брат говорит:

— Дуйте его, пусть отдаст скатерть-самоверту; дуйте его, пусть отдаст гриненничек.

Тот все отдал.
Тогда он и говорит:
— Недоумки, сядьте в сумку.
И все.

Царь-чернокнижник

Живал-бывал царь вольней человек, жил на ровном месте, как на скатерти. У него была жена, дочи, да люди рабочи. Он был чернокнижник. Доспел он себе пир на весь мир, про всех бояр, про всех хресян и про всех людей пригородных; собрались, стали пировать, и стал царь клик кликать:

— Кто от меня, от царя, уйдет-упрячется, тому полжиться-полбыться, за того свою царевну замуж выдам, а после смерти моей тому на царстве сидеть.

Все на пиру приумолкли и приудрогнули. Выискался удалой доброй молодец и говорит царю:

— Царь, вольней человек! Я могу от тебя уйти-упрятаться.

— Ну, ступай, молодец, прячься, я буду завтра искать, а если не уйдешь, не упрячешься — голова с плеч!

Вышел молодец из царских палат, пошел вдоль по городу, шел-шел-шел, дошел до проти поповой байны, думает в уми: „Куда же мне от царя уйти-упрятаться? Зайду я в попову байну, сяду под полок, в уголок, где же меня царю найти“.

Стават царь-чернокнижник поутру рано, затопляет печку, садится на ремецат стул, берет свою книжку волшебную, начал читать-гадать, куда молодец ушел:

— Вышел молодец из моих белокаменных палат, пошел вдоль по улицы, дошел до поповой байны, думает в уми: „Куды же мне от царя скрыться?... (повторяется дословно все снова)... Ступайте, слуги, ищите в поповой байне и ведите сюда!“

Побежали скоро слуги, прибежали в байну, открыли полок, молодец под полком в уголку.

— Здрастуй, молодец!

— Здрастуйте, слуги царские!
— Давай, ступай, тебя батюшко-царь к себе звал.
Повели слуги молодца к царю налицо, привели к царю.

говорит царь:

— Што, не мог от меня уйти-упрятаться?
— А не мог, ваше царское величество.
— Не мог, надобно голова с плеч снять!

Взял свою саблю вострую и смахнул у его буйну голову.

Этому царю што дурно, то и потешно. На другой день опять сделал пир и бал, собрал бояр и хресян и всех людей пригородных, разоставил столы, и пировать стали; и опять стал на пирам клик кликать: „Кто от меня, от царя, уйдет-спрячется, тому полжиться-полбыться...“ (и т. д. Выискался снова один молодец, условились в таких же, как и прежде, выражениях.) Пошел молодец, вышел из царских белокаменных полат и пошел вдоль по городу, шел-шел-шел, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, стоит превеличающей овин. Думает молодец: „Забьюсь я в солому да в мекину; где меня царь найдет?“ Забился и лежит.

Царь-чернокнижник ночку просыпал, поутру рано становился, ключевой водой умывался, полотенышком утирался, затопил свою печку, берет свою книгу волшебну, садился на ремещат стул, начал читать-гадать, куда молодец ушел: „Вышел молодец из моих белокаменных палат...“ (Повторяется все по-старому, до снятия головы с плеч включительно.)

Этим царям што дурно, то и потешно: на третий день опять стал делать пир-собрание...

Опять выискался молодец.

— Я могу от тебя уйти-упрятаться, да только до трех раз.

Царь согласился. Вышел молодец из белокаменных полат, пошел вдоль по улицы, шел-шел-шел, овернулся горносталем-чернохвостиком и начал бегать по земли; и под всякой корешок и под всякую колодинку забивался и бегал по земли; бегал-бегал, прибежал перед царски окошки, овер-

нулся золотым буравчиком и начал кататься перед царскими окошками; катался-катался, овернулся соколом и, в которых полатах живет царевна,— надлетел соколком перед ти окошка.

Царевна соколка увидала, свое окошечко отпирала и себе соколка призывала:

— Экой соколок хорошой, экой соколок прекрасной!

Сел сокол на окошечко, скочил на пол, стал прекрасной молодец; царевна молодца стречала, за дубовы столы сажала, пили, панкетовали, пировали и чего надобно поправили; тогда молодец овернулся злачным перстнем, царевна взяла, себе на руку наложила.

Царь-чернокнижник ночку просыпал, поутру рано становал, ключевой водой умывался... (повторение)... говорит слугам:

— Идите, слуги, мою дочь ведите или перстень несите.

Приходят слуги:

— Звал тебя царь на лицо.

— Для чего-де, пошто?

— А сама нейдешь, дак отдай перстень с руки!

Царевна сняла перстень с руки, отдала слугам. Приносят слуги перстень, отдали царю в руки: взял царь перстень, бросил через лево плечо, стал прекрасной молодец.

— Здрастуй, молодец!

— Здрастуй, царь вольней человек!

— Ну, я тебя нашел, надобно голова с плеч!

— Нет, царь, вольней человек, мне-ка еще два раза прятаться, так у нас было условье.

— Ну, ступай!

Пошел молодец из царской полаты, вышел на чистое поле, овернулся серым волком; бегал-бегал, рыскал-рыскал по всей земли, овернулся медведем; шаврал-шаврал по темным лесам, тогда овернулся горносталем-чернохвостиком; бегал-бегал, совался под колодинки и под корешки, прибежал к царским полатам, овернулся буравчиком; катался перед царскими окошками, овернулся соколом и надлетел над окошки, где царевна живет.

Царевна соколка увидала, свое окошечко отпирала:
— Экой соколок хорошой!

Сел сокол на окошечко, скочил на пол, стал прекрасной молодец. Царевна молодца стречала, за дубовы столы садила, пили, пировали-панкетовали, чего надобно поправили и стали думу думать, куда от царя уйти-упрятаться, и придумали: овернуться ясным соколом, полететь далече-далече в чистое поле. Овернулся молодец ясным соколом, царевна окошечко отпирала, сокола на окошечко посадила, соколу приговаривала:

— Полети, соколок, далече-далече в чистое поле, овернись, соколок, в чистом поле в семьдесят семь травин и все в одну траву...

Царь-чернокнижник ночку просыпал, поутру рано ставал, ключевой водой умывался... (повторение) говорит царь слугам:

— Идите, слуги, в чистое поле, каку траву найдите, в береме рвите, да всю ко мне несите!

Пошли слуги, нашли траву, вырвали, принесли царю. Царь сидит на стуле и выбирает траву; и выбрал траву, бросил через лево плечо, стал прекрасной молодец.

- Здрастуй, молодец!
- Здрастуй, царь, вольней человек!
- Ну, я тебя опять нашел, теперь надобно голова плеч!
- Нет, еще раз прятаться, последний.
- Ну, хорошо, ступай, я буду заутра искать.

Вышел молодец из царских полат, пошел вдоль по улицы, вышел в чистое поле, овернулся серым волком, побежал; бежал-бежал-бежал, до синего моря, овернулся щукой-рыбой, спустился в синее море; переплыл синее море, вышел на землю, овернулся ясным соколом, поднялся высоконько и полетел далеконько; летел-летел по чистому полю, увидел на сыром дубу—у Маговей-птичи гнездо свито; надлетел и упал в это гнездо.

Маговей-птичи на гнезде тою пору не было. После Маговей-птича прилетела и увидела; на гнезде лежит молодец. Говорит Маговей-птича:

— Ай, кака невежа! Прилетела в чужо гнездо, упала да и лежит!

Забрала его в свои когти и понесла из своего гнезда; и несла его через сине море и положила царю-чернокнижнику под окошко. Молодец овернулся мушкой, залетел в царски палаты, потом овернулся кремешком и положился в огниво.

Царь-чернокнижник очку проспал, поутру рано вставал (и пр. и пр. Царь читал по волшебной книге до тех пор, пока Маговей птица не взяла молодца из гнезда.)

— Пойдите, слуги, в чистое поле, пройдите чистое поле, синее море в корабли переплывите, ищите сырой дуб, дуб рубите и гнездо отыщите и молодца сюда ведите.

Пошли слуги, дуб срубили, гнездо отыскали, рыли-рыли, молодца нет. Обратились к царю:

— Нашли мы сырой дуб, гнездо было, а молодца нет!

Глядит царь в книжку, показыват книжка: тут, верно, молодец. Нарядился царь, сам искать отправился. Искал-искал, рыл-рыл, не мог найти. Заставил сырой дуб мелко выколоть и на огонь скласть, сожегчи. И не оставили ни одной щепинки, и думает царь: „Хоть бы я молодца не нашел, да чтобы он на свете жив не был!“

Оборотились во свое царство, живет царь и день и два и три, потом служанка в утрях вставает и огонь доставает. Взяла из огнива плашку и кремешок, положила труток, тюкнула плашкой через кремешок, кремешок вылетел из руки, улетел через левое плечо, стал прекрасный молодец.

— Здрастуй, царь, вольней человек!

— Здрастуй, молодец, ну, нужно у тебя голова с плеч!

— Нет, царь, вольней человек, ты меня три дня искал и отступил, а теперь я сам явился; теперь мне надо полжиться-полбыться и царску дочерь взамуж.

И тогда царю делать нечего стало. Веселым пирком, скорой свадебкой стали за молодца дочерь взамуж выдавать; повенчался с царской дочерью, стал царской зять, и дал ему царь полжиться-полбыться, а после смерти чтобы на царстве сидеть.

Федор царевич, Иван царевич и их оклеветанная мать

Жил был царь на ровном месте, как на скатерти. У этого царя было семейство, слуги, люди робочие, а он сам был холост, не жонат. Надел на себя царь цветное платье и пошел себе богосужону невесту выбирать. Прешел по городу, вышел на чистое поле, стоит в чистом поле дом; приходит к этому дому, заходит, — сидят в доме три девичи.

Богу помолился и поздоровался.

— Здрастуйте, красные девичи!

— Здрастуешь, царь, вольной человек!

Подходит к одной девиче.

— Девица, ты что умешь работать?

— А я умею шолком шить.

Другой девиче подошел:

— Што ты умешь работать?

— Я умею состряпать-испекчи и сварить.

У третьей подошел, спросил:

— Што ты умешь работать?

— А я ничего не умею роботать, только знаю: кто меня возьмет замуж, перво брюхо рожу двух сынов, один сын будет полокот руки в золоти, поколен ноги в серебри, в тыли месеч, по косичам часты звезды, во лбу сонче; другой — полокот руки в зодоте, поколен ноги в серебри.

Говорит царь, вольной человек:

— Девица, желашь ли за меня замуж выйти?

Говорит девича:

— За кого же выйти, как царь возьмет!

— Ну, девица, готовься, приеду за тобой, буду венчаться.

Распорядился и пошел домой. Приходит домой; коней запрягали, все направили и поехали за девичой. Тогда прикатились к девиче, оделась девича, посадили на корету и повезли к венцу. Тогда обвенчали, пировали-панкетовали и жили несколько времени. Эта царица стала беременна. Царя спросили в ино государство на совет. Этот царь оставлял приказ: „Кого моя жона родит, чтобы мне-ка с ответом были“.

И скоро скажется, долго деется. — Царь отправился, жона у него родила двух сынов: полокот руки в золоти, поколен ноги в серебри, в тыли месеч. по косичам часты звезды, во лбу сонче; другого — полокот руки в золоти, поколен ноги в серебри. Тогда написали письмо и отправили к царю слугу, приказали слуге: „Ты в этот дом не заходи, из которого она была взята“.

Слуга шел-шел и прошел этот мимо дом. И сделалась буря-погода, как темная ночь стала, и заходит в этот дом, из которого была царица взята. Заходит, богу помолился, с девичами поздоровался.

— Здрастуйте, красные девичи!

— Приходи, милости просим, слуга царской, куда ты идешь, куда ты правишься?

— Я иду из своего царства, пошел к царю, царица родила у нас двух сынов, дак пошел царю с ответом.

— Не угодно ли, господин слуга, тебе с переходу с пути в баенке попариться?

— А пожалуй, кабы попарили, дак я бы попарился!

Сейчас баенку стали топить. Тогда истопили баенку, пошел париться, свою сумочку повесил на спичку. Эти девичи у него из сумы вынули царское письмо, которое было царю послано, написали и положили свое: „Царица без царя принесла — суку да пса“.

Слуга из бани вышел, наделся и пошел.

Царь письмо получил, прочитал и головой покачал и спросил:

— Где ты был ле дорогой?

— Я был в том доме, из которого царица взята.

Это письмо царь у себя оставил и свое написал: „Кого бы жона ни родила, без меня никуда не девать!“ Положил письмо в сумку и сказал:

— Больше ты в тот дом не заходи, иди мимо в свое царство!

Тогда слуга с царем рас простился и отправился. Идет,шел-шел, идет мимо того дому, из которого царица взята, и проходит этот дом. И опять сделалась буря-погода. Ходил-ходил слуга, блудил-блудил, не мог пути найти, назад к тому дому пришел и думат в уми: „Мне-ка царь в этот дом не велел заходить“. Пошел, ходил и опять к дому пришел. Опять заходит, богу помолился, с девичами поздоровался:

— Здрастуйте, девичи красные!

— Приходи, садитесь, отдыхайте вы с пути, с дороги.

Постаили слуге попить, поись, покушати, стал слуга наряжаться итти.

— Господин слуга, попарься в бане с переходу великого и с тягости, будет тебе легче итти.

На то слуга согласился, истопили баню, изготовили, пошел париться, сумму опять на спичку повесил. Эти опять девичи из сумы вынули царское письмо, а свое написали: „Кого моя жона родила, к моему чтобы приходу все были убраны, управлены!“

Выпарился слуга, оделся и отправился в свое царство. Приходит слуга в свое царство, письмо отдает. Царица письмо прочитала и слезно проплакала. И спрашиват:

— Где ты был по дороге?

— А был я в том доме, из которого ты взята.

Говорят царица:

— Это все от их состоялось.

Собирали попов и крестили этих бладеньчей, одному имя нарекли Иван царевич, а другому Федор царевич, И стали думу думать: „Куды жо эту царицу с бладеньчами девать?“ и придумали: сделать бочку большую, положить царицу с сыном, с Федором в эту бочку, спустить в синее море; а Ивана царевича за тридевять земель в ино государство страшному царю, пламенному копью, к огненному тылу отдали подарками.

После того царь явился, водворился в свое государство и спрашиват:

— Де моя жона и де мои дети?

Отвечают ему:

— Твоя жона спущена в сине море в бочки с сыном Федором, а сын твой Иван царю отдан за тридевять морей, за тридевять земель, в тридевятое царство и в ино государство, страшному царю, пламенному копью, к огненному тылу и отдали подарками.

— Почему так делали это дело?

Подносят ему письмо, которо слуга поднес:

— Вот по вашему приказанью.

И спрашиват царь у слуги:

— Ты шел от меня — куды заходил?

Отвечают слуга:

— Я заходил в тот дом, из которого царица взята.

— Зачем ты в тот дом заходил, когда я тебе не приказывал?

— Я не мог пути найти.

Взял царь слугу, сказнил.

— Тебе когда которо не велено, не должен работать!

Этот царь несколькъ времени жил холост не женат и задумал опять жениться и тогда взял эту девичу из того же дому, которая умела шолком шить, и живут царь с новой женой.

А эту царицу с сыном Федором носило по морю нескользкъ времени, качало да валяло, и говорит сын Федор:

— Маменька, я слышу: нас больше на валу не качат.

И выбросило их в этой бочки на Буян-остров. И говорит Федор царевич:

Я, маменька, растянусь, разорву бочку, я слышу: мы теперь на земли.

— О, сын Федор, как мы на воды,—разорвешь бочку,— потонем ведь.

— Нет, маменька, слышу — на земли.

Растянулся, бочка разорвалась, разлетелась, — а действительно на земли. Стали они на этом острову жить. А на

этом острову лисич да кунич довольно оченно. Федор царевич сделал лучок да стрелку, настрелял лисич да кунич этой стрелкой, сделал из лисич да кунич шатер себе.

И видит Федор царевич: бежат из-за моря купчи с товарами. Говорит своей маменьке:

— Маменька, маменька, вон купцы бежат, я буду им махать да кричать, чтобы они взели меня посмотреть Русию.

— Вот, чадо мило, купчи пойдут, понесут подарки, а ты с чем пойдешь?

— Ничего, я и так посмотрю и обратно с има буду! Была у царицы вышита ширинка.

— На, дитятко, отнеси царю в подарки.

Побежал Федор царевич край синя моря, стал платочком махать и кричать:

— Господа карабельщики! Приворачивайте сюда!

Карабельщики приворотили, пристали, вышли на берег. Приходят к шатру и дивуются: „Ах, какой шатер прекрасной! Мы этуды много раз бывали, а экого чуда не видали!“ Постоели, посмотрели на ихну житель, походят на караб и побегают за синее море. Благословился Федор царевич ко своей матери за синее море бежать и пошел на караб. Заходят они на караб, сходни поклали, якори побросали, тонки парусы подымали и побегали за синее море. Дал им бог тиши пособной.

Побежали в то самое царство, из которого Федор царевич спущенной. Брали купцы подарки, пошли к царю. Федор царевич с има пошел сзади; приходят купцы к царю, челом бьют и низко кланяются и здороваются; да-рят купцы царю подарки всякие, подходит Федор царевич, челом бьет и низко кланяется:

— Здрастуешь, царь, вольной человек!

— Здрастуй, доброй молодец!

Вынимал Федор царевич ширинку, дарил царю. Царь смотрит скольки на ширинку, а вдвое-втрое глядит на молодца.

— Экая ширинка чудесна, молодец прекрасной!

Говорят купчи:

— Царь, вольной человек, прежде мы бегали мимо этот остров, мимо Буян, не видали ничего. Живет этот молодец с женщиной и у него из лисич да кунич шатер сделанной, и то чудо, то диво.

Царица и говорит:

— Это како чудо, како диво: среди моря есть остров, на острову есть сосна, на этой сосне ходит белка, — на вершиночку идет — песенку поет, на комелек идет — сказки сказывают и старины поет. У этой белки на хвосту байна, под хвостом море, в байне, в мори выкупаетесь; то утеша, то забава!

Федор царевич стоит, выслушивает, на ум берет. Тогда этим купчам царь дал распоряжение: торговать безданно и беспощадно в городе.

Скоро скажется, долго деется. Продали товары, побегать стали за сине море. Дал им бог тишины пособные. Прибежали к Буян-острову, выпускают Федора царевича к маменьке своей... (Федор царевич рассказывает все, что видел, матери.)

— Я как, маменька, ей разе буду доставать эту белочку?

— Куда же, дитятко, ты будешь ей доставать, положишь меня бедну одну жить здесь.

— Однако же дай благословенье, я отведаю ее достать!

— Ну, божье да мое благословенье, дитятко, доставай!

Сделал себе шлюпку, отправился за синее море, переехал синее море, переехал к острову, шлюпку поставил на берег и пошел искать сосну. И нашел сосну: стоит сосновка, на сосновке ходит белочка, и у этой сосны проведены струны.

Тогда Федор-царевич захватил сосну в охапку, выдернул со корнем, сорвал все струны и тащит ко своей шлюпке и отправился за синее море. Выносит на Буян-остров сосновку, выносит к своему шатру и поставил сосновку подле шатра; стала сосновка стоять, и стала на сосновке белочка ходить. Вот утеша, вот забава им.

Скоро сказывается, долго деется, бегут опять карабельщики... (То же, что и прежде, в первом случае, происходит.) Сколько здрят на шатер, вдвоем-втрое на белку. Прежде на Буяне этого не видали. Иостояли, просмотрели они тут целые сутки. Опять стали побегать. Федор царевич у матушки благословенье просит побегать за синее море. Дават матушка родима везти в подарок ширинку. Заходят на караб, побежали; прибежали, парусы смыают, идут к царю, челом бьют, низко кланяются, подарки дарят; челом бьет, низко кланяется и Федор царевич, дарит царю ширинку.

Смотрит царь и дивуется:

— Ох, кака ширинка!

— А вот царь, вольной человек, прежде мы бегали мимо этот остров Буян, не видывали ничего. Живет этот молодец с женщиной, и у него из лисич, из кунич шатер сделанной; есть сосенка, на этой сосенке ходит белка, на вершиночку идет—песенки поет, на комелек идет—сказки сказывают и старины поет.

Ходит царица по полу и говорит:

— Это кака утеша, это кака забава? Есть утеша-забава: есть за тридевять земель, за тридевять морей, у страшного царя, у пламенного копья, огненного тыла, есть у него слуга — поколен ноги в серебри, полокот руки в золоти, в тылу месеч, по косичам часты звезды. Вот то утеша, то забава!

Федор царевич выслушивал ихны разговоры. Тогда купчам царь дал дозвол торговать безданно-беспошлино по городу. И назад стали побегать. Прибежали к Буяну-острову, выпускают Федора царевича к маменьке ко своей (Федор царевич рассказывает царице, что слышал у царя.) Говорит на то матушка родима:

— То бы, дитятко, твой брат, да где жо его возьмешь?

— А когда мой брат, дай мне благословенье, я поеду его добывать.

— Где же тебе брата добить? От страшного царя никто не пришел, не приехал сюды.

— Однако же я поеду.
— Поезжай!

Распростился, пошел по Буяну-острову пешком.
Скоро скажется, долго деется. Близко ле, далеко ле, низко ле, высоко ле, дошел, — два молодца дерутся. Кричит им:

— Ей, молодцы, над чем деритесь, перестать надо!
Молодцы перестали, отвечали:
— Делили мы девичу да ковер-самолет.
— Давай, ужо постойте, я вас разделю.
Взял Федор царевич, сделал лучок да стрелку.
— Я эту стрелку стрелю, вы бежите, которой переди прибежит, стрелку хватит, тому девича.

Выстрелил стрелку, полетела стрелка выше лесу темного; заворотили головы, полетели за стрелкой сзади. Тогда Федор царевич развернул этот ковер, садился на ковер, взял девичу и полетел.

Ковер перелетел за синее море, недалеко от страшного царя, царевич спустился на чистое поле, ко ракитову кусту. Завернул ковер, посадил девичу:

— Сиди, девича, пока я не обернусь.
Сам пошел в то царство, к страшному царю. Приходит к этому городу, позади городу живет бабушка-задворенка в маленькой избушечке. Зашел, богу помолился.

— Здрастуй, богоданная матушка!
— Здрастуй, дитятко, Федор царевич, куды ты направился? Каки тебя ветры сюды забросили?

— Есть здесь у страшного царя, у пламенного тыла, будто-де мой брат Иван царевич?

— Есть, дитятко; Иван царевич сейчас прибежит ко мне кашку хлебать.

— Я хочу его от страшного царя отобрать, с собой увезти.

— Где же тебе, дитятко, увезти, никто отсюда назад не выезживат.

Тогда говорит Федор царевич:
— Бабушка, богоданная матушка, помоги мне отсель

брата увезти, я тебе сделаю колыбелью, буду тебе в колыбелью колыбыть и паче отца и матери почитать.

Говорит бабушка:

— Как же ты сюды прибыл?

— Я прибыл, бабушка, у меня есть ковер-самолет.

Говорит бабушка:

— Давай, дитятко, отведам, да только от страшного царя едва ли нам уйти и уехать.

Немного времени прошло, забежал к бабушке Иван царевич кашку хлебать. От этого зей зеет и лучи мечут, у бабушки стало светло и хорошо, как в царстве. Говорит Федор царевич:

— Здравствуй, брателко, Иван царевич!

Говорит Иван-царевич:

— Здравствуй, Федор царевич!

Говорит бабушка-задворенка:

— Наряжайтесь поскоре, отведамте.

Стали скоро наряжатися, скоре того сподоблетися. Берет бабушка с собой щетку, кремешок и плашечку-огнивчо. Тогда и побегали скоро во чисто поле, ко ковру. Прибегают: Федор царевич развертывают ковер, садится на ковер, садится Иван царевич, садится бабушка-задворенка, и садится девича. Федор-царевич ковру приговаривает:

— Подымайся, ковер, повыше лесу темного, и лети, ковер, куды я велю!

Сидит бабушка-старушка назади ковра, припадыват ухом правым.

— О, детушки, близко погона, гонится страшной царь, обожгет, опалит нас всех.

Бросила на землю щетку:

— Быть лес темной от востоку и до западу, чтобы страшному царю не пройти, не проехать!

Сделался лес темной. Царь страшной нагонил и стал бить и ломать лес темной, секчи и рубить, попадать и прошибся этот лес и опять настигат близко.

Опять бабушка припала:

— О, детки, близко страшной царь, обожгет, опалит нас всех!

Бросат кремешок:

— Быть стена каменна от востока и до запада, чтобы страшному царю ни пройти, ни проехать!

Восстало стена каменна от востока и до запада. И страшной царь нагонил, начал ей ломать, разбивать. Ломал да разбивал да пробился со всем войском своим. Опять гонится за има в сугон; припадат бабушка третий раз ухом правым.

— О, детушки, близко страшной царь, — обожгет, опалит нас всех!

Бросат плашечку на землю:

Протеки, река огненна, от востока и до западу, и до синего моря, чтобы все войско царя страшного обожгало и попалило!

Протекала река огненна. Нагонил страшной царь — котора сила в реку бросится, та и сгорит, котора бросится, та и сгорит. Тогда страшной царь реки устрашился и назад воротился. (Старушки уж напрутся на чо, дак как не сделают тихонько.)

Тогда Федор царевич летел-летел до своей матушки родимой и опустился на землю на ковре. Встречат их маменька с честью и с радостью и весьма весела стала. Живут они в радостях и весельи, и царица почитат эту бабушку паче своей матери родимой. И видит Федор царевич: опять бежать из-за моря корабли. Говорит Федор царевич... (Повторяется то же самое: купцы идут к царю-отцу и рассказывают ему об Иване царевиче.) А этой царице больше делать нечего, этот царь думат: „Давай, я наряжу караб, побегу, посмотрю, што таки за люди“. Купцы поторговали и уехали и Федор царевич с ними. Царь, вольной человек, снарядил караб и побежал за синее море.

Купчи выпустили Федора царевича.

— Что видал, что слыхал?

Говорит Федор царевич:

— Я пришел, маменька... (Следует рассказ, что было.) Он прибудет, маменька, скоро суды.

Ну, ладно, деточки, прибудет, так и подождем.
И видят, — из-за моря бежит караб, прибегает ко Буяну-
острову и становится в ихну галань; парусы сняли, якори
побросали, сходенки послали. Выходит царь, вольной че-
ловек, и подходит к этому шатру. Пришел ко шатру, че-
лом бьет и низко кланяется.

— Здравствуйте, добры люди!

Все ему отвечают и кланяются:

— Здравствуйте, царь, вольной человек!

И сколько царь здрит на шатер, вдвое на белку, а втрое
на Ивана царевича и дивуется:

— Откуль вы, люди, откуль взялись, как здесь поме-
стились?

Отвечат ему царица:

— Я была царска жена, да спущена была в бочке в си-
нее море, меня суды выбросило, а этой мой же сын Иван
царевич, он был у страшного царя, пламенного копья,
у огненного тыла подарками подарен.

Тогда царь говорит:

— Ты действительно моя жена, так-ту так, а эти мои
дети. Давай, собирайся, повезу вас во свое царство.

Собирались, сподоблялись, зашли на караб, дал бог ти-
шины, побежали за синее море. Тогда прибегают, парусы
сняли, пошли домой к царю. Этот царь людей собрал
и новую жену посадил на ворота да расстрелял, а девичу
Федор-царевич за себя взамуж взял.

Царь и Черепан

Бывало поп, да царь, да боярин собирались в один лик
похожи друг на дружка) и надели одинакое платье на себя,
и пошли прохаживаться. И тогда разговор промежду себя
ведут. Царь спрашивавт:

— Что на земли всего дороже?

Отвечат поп:

— На земли то всего дороже, у кого жона хороша.

Говорит царь:

— А, барин, ты что скажешь?

— То всего дороже, у кого денег много.

— А я считаю то всего дороже, — говорит царь, —
у кого ума много.

Тогда идут вперед опять, на стречу едет им черепан
с горшками. Царь и говорит:

— Черепан, провези нас, изъян покроется.

Стал черепан горшки складывать, сложил, оборотил
лошадь.

— Садитесь.

Сели на сани. Ехал·ехал, зашла кобыла в лужоцьку,
стеть стала. Черепан ухватил плеть и стегат.

— Ах ты, кобыла! Дика, как государь!

Кобыла выстелась и опять пошла.

Поехали, спрашивавт государь:

— Что, черепан, разве государь-от у нас дик?

— А как государь не дик? У бояр полны погреба де-
нег лежат, да все их жалует, а у нужного, у бедного
с зубов кожу дерет да все подать берет.

— Черепан, есть люди, которы говорят: то дороже
всего, у кого жона хороша.

— А это, надо быть, поп, либо старец: те до хороших
жон добираются!

Царь опять спрашиват:

— Есть люди, говорят: то всего дороже, у кого денег много.

— А то, — говорит, — боярин или боярский сын, они, толстобрюхие, до денег лакомы!

Опять царь спрашиват:

— Есть люди, которые говорят: то всего дороже, у кого ума много.

— А то царь, либо царский сын, это они до большого ума добираются.

Доехали в город и заставили лошадь одержать. Тогда ставали все трое с саней и благодарили черепана за про-воз, и говорит царь:

— Поежжай, черепан, по горшки и вези в город, завтра горшки будут дороги, да не ошибайся, проси дороже.

Черепан привез горшки в город, а царь сделал пир на весь мир и приказал всем гостям по горшку в подарок нести. Народ бежит к царю на пир, а к черепану приворачивают за горшком. Продавал сначала по пять, потом по десять рублей, дошло по пятьдесят, а потом по сту рублей, и все купят. Дотуль докупали, один горшок остался. Ладит сам итти, подарками нести.

Главной боярин бежит царю на пир и приворачивает че-ре-пану за горшком.

— Продай горшка!

— Не осуди, нет боле, один есть да себе надо.

— Сделай милость, уступи, я первой боярин.

— Я, пожалуй, уступлю, только сделай по-моему: я в горшок накладу; съешь — горшок твой.

— Дай, наклади — я отведаю, не могу ли съись.

Черепан наклал — понаклал приполнна. Съел боярин.

Все собрались, а черепана нет. Приходит и черепан на пир.

— Как же ты, черепан, сколько в тебе скучости, пожалел горшка принести, а привез воз целой.

— Помилуйте, ваше царское величество! Был самой лучшой — боярин отбил! Меч ваш, а голова моя!

- Да ты за этот горшок множество денег взял?
- Помилуйте, ваше царское величество, не взял.
- Да как ино, ты за что отдал?
- Да не даром же отдал, а сказать нельзя!
- Скажи.
- За то отдал, что мой сор съел.
- Узнашь ли?
- Посмотрю, дак найду.

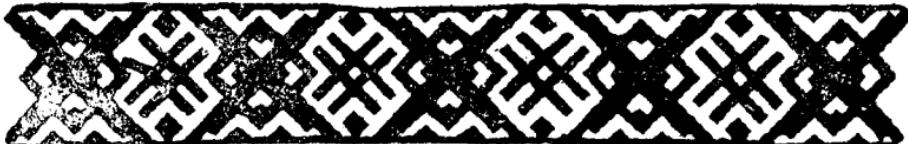
Посмотрел и увидел его в переднем углу, самой главнейший боярин.

— Ну, уколи, скажи которой.
Он и уколол (показал пальцем). Призывают царь боярина к себе.

- Ты ли у черепана горшок за сор купил?
- Я, царское величество.
- И съел?
- Съел!
- Почему же ты сор съел?
- Потому, что я без горшка не смел явиться к вам.
- Да мне разве горшка надобно было? Мне надобно было черепана деньгами наделить. Не было горшка, дак и так бы пришел. А ты теперь всю посуду осквернил и всех людей осквернил!

Взял царь, посадил боярина на вороты и расстрелял.

Сказка о Петре

Это рассказ такой. Это выходит углами такими. Так вот какой случай. Вси дела такие. В невком царстве, в невком государстве против неба на земли, на дубовом столи, на шелковой скатерти. Хорошо-с. А случилось у государя в своем дворце собрание. А собрание это решило с государем своим с Петром Великим на охвоту. И все-таки оделись они в свое охвотницкое платье и сели на лошадей. [Такие люди великие и пойдут пеши!] И отправились на охвоту. И заехали они в темные леса. Ну, и потом значит нашла охвотницкая собака зверя, медведя. И потом сам государь Петр Великий впереди, а свита ета сзади следит на лай собачий за зверем. (На лай собачий, тогда уж пути-дороги не сыщешь.) Петр Великий осударь от охвотников своих отдаился, подалее поехал, и он заехал от своих охвотников далеко в леса и их из виду потерял и собачьего лая слышать не мог. Рожки у него с собой были, свистки, ну, а от них гул по лесу. Все, значит, он продолжает езду. Потом остановился, не знал, куда ехать. Ну, хорошо. В то время, в ту пору служивый шел в отпуск и с пути сбился, и зашел в этот самый лес, и пришлось ему заблудиться, и попал он, значит, на этого на охвотника, на Петра Великого.

Ну, спрашивает:

— Ты кто такой?

— А я солдат Семеновского полка, иду в отпуск семейство свое посмотреть и заблудился.

А потом этот служивый спрашивает:

— А ты кто такой?

А он и отвечает:

— Я царский охотник Алеша. [Не сказал, что он министр или табличный там какой.]

— Ну, — говорит, — сошлись мы два блудящих вместе. Ты, брат, служивый, и я; давай, пойдем вместе дорогу отыскивать.

И пошли, один пеший, а другой на лошади, отыскивать дорогу. Скоро дело оказывается, да не скоро деется. Дорогу они искали долго, много времени. А этот Алеша говорит:

— Не хочешь ли ты отдохнуть, на лошадь сесть? Я ведь пехотинец, а не в коннице, непривычно 'мне на лошади сидеть.

(А этот Алеша, как природы нежной, осподской, так ему непривычно даже итти так.) И вот Алеша, царский охвотник, говорит:

— Не влезть ли нам на дерево и посмотреть, нет ли где огня?

Нашли высокое дерево и становились под деревом.

— Ну, — говорит солдат, — кто полезет? Я, — говорит, — это лазить не привык.

— Ну, — Алеша говорит, — я с малолетства привык.

И начал влезать и влезать, ухватился за самую макушку (за самую верхушку), там уж облака, самая темень. Видит: невдалеке огонек пекет. А этот служивый остался коня сторожить. А в то время и в ту пору солдат коня любует по бедрам и говорит:

— Ах, конь какой, был бы разбойник, так коня угнял; а я не разбойник, не какой-нибудь отшельник, так уж не буду коня угонять, подожду, когда слезет.

Ударял он, ударял и видит сосуд. (Бутылочку, по-нашему). Раскупорил, а там анисовая водка. Помаленьку, не щадя брата Алеши, буль-буль-буль — и выпил. Уж не поминает, что там товарищ.

Ну, конечно, всю анисовую водку выпил, закупорил да опять привязал к седлу. Алеша слез и говорит:

— Там вдалеке огонек блестит.

Посмотрел: все, седло, все как следует, а водки нет.

Ну, ладно, — говорит.

Опять солдат на лошадь сел и поехали к этому виданному огоньку (где огонек-то блестел).

А Алеша идет, хрустит по валежнику, только хруст идет. И видят домик, основание домика, все как следует, настоящее жилище. Видят дверь, ворота заперты. Поколотили, ничего не слышно. А солдат-то этот говорит:

— Ах, съедят тя мухи (поговорка у него такая была). Что за чорт, кто живет тут?

Алеша говорит:

— Подъезжай ближе к воротам.

Солдат влез на коня, потом через забор и отворил ворота. И въехали они тут безбедно, беструдно. А собаки-то на служивого напали, так напали, что чудно.

Он тесак — да направо, налево пять собак покорил. В дверь поколотили. Алеша, как ученый, нежный да воспитанный, говорит:

— Ты потихоньку.

Потом вдруг там явилась хозяйка.

Стал солдат ругать:

— Что же ты тут, проклятая, дверь заколотила и не встречаешь?

Потом в фатеру забрались. Ну, надо поискать. Но варева ничего нет, старуха все скрыла. Стали они тут старуху теребить.

— Ну, старая кокетка, доставай поисть.

— Нету у нас, — говорит, — мы люди бедные.

— Ах, ты, старая чертовка, кокетка деревенская, я тут через забор да мундир оборвал...

Ну, он стал искать — туда, сюда, открыл заслоны, а там нажарено рябчиков, гусей и вядчина всякая, и все на стол поставил. Попили, поели. А у них была еще девица, матери помогает. [А лошадь привязана, лошадь не возьмешь в избу.] Солдат-то увидал — окровавлена одежда. Ну, видит, это пара плохая. Разбойницкий это притон, значит.

— Ну, старуха, сказывай, куда ты нас положишь?

— Мы, — говорит, — люди бедные, наши на охвату уехали.

Ну, а солдат увидал подволоки. (Вот как у меня тут.) Солдат осмотрел, собрал сено и завалился спать. Сам, как

ему причудилась окровавлена одежда, не спит, а Алеша хранил во-всю, он собой был богатырь. Тот его и не будет.

— Спи, — говорит, — съедят тя мухи.

Вдруг слышит гам, лай собак, непорядок, свист, гай, грем, разговор там дерзкий приближается к этому дому. Вот те разбойники приехали, стали пить, есть, у них все вить есть. Потом им вдруг в головы впало:

— Кто, — говорит, — у нас есть? Будет ли добыча, али нет?

Старуха говорит:

— Тише. Там, — говорит, — два есть: один — солдатик, а другой, — говорит, — богатый. Рожки у него, свистки золотые.

Ну, они напились. А их было четыре сына, и все разбойники.

Вот старший и говорит:

— Ну, иди, Афонька, проведай.

Тот взял нож и отправился.

— Я, — говорит, — солдатика надрежу, чтоб поползал, за то, что тот с матерью так, а того сразу убью, — он не беспокоил.

Пошел он; не дверку, а вроде заслонку такую отодвинул, всунул голову, а солдатик ему саблей голову и снял, а тело упало да так и застучало: вот так-так-так. Ну, они:

— Какой чорт там Афонька затарабачился!

— Ну, давай, — говорит второй сын. — Я этого солдата за беспокой подрежу и посмотрю, как он в кураж приходить будет.

Ну, и ему голова с плеч, а труп — тук-тук-тук-тук по ступенькам. Ну, и третий после, и третьему такая честь. И старшему также голова с плеч шабаш.

И давай солдат Алешу будить. А головы выставил по порядку и показывает Алеше:

— Смотри, сколько я наработал.

— Ну, спасибо.

Снял Алеша крест золотой (нынче крестов не носят, а прежде носили), и стали они крестовые братья. (Кресто-вый-то брат крепче родного).

А хозяйка думает, что солдата уж и на свете нет, и говорит:

— Ну, солдатик окаянный, он на том свете ныряет.

А солдат вдруг дверь распахнул и кричит:

— Ах, ты такая, съедят тя мухи, солдат с того света пришел!

А она на колени, вот как.

— Показывай, — говорит, — нам золото, серебро, где спрятано!

Она ведет. Солдат золото везде пихает, в голенище так горстями и пихает.

— Ах, съедят тя мухи, — говорит.

Потом говорит:

— Брат Алеша, ты иди, бери, а я буду караулить.

А тот говорит:

— Да нет, я не нуждаюсь.

(А он и не знает, что царь, царь ведь не нуждается.)

В то самое время, как они были в клети, дочь возьмет пистолет и стрелит. А солдат как выскочил (из подвала-то), выхватил пистолет и в нее.

— Вот, съедят тя мухи!

У ней-то, как у молодой, кровь-то так льет, вроде как, например, воды весной, так и репретит. (Я вам медицинскую часть предъявляю.)

Ну, золото взяли, расспросили дорогу и удалились.

Расспрашивают, где сошайная дорога в Петербург.

— Да вот тут вблизи дорога, не заплутайтесь

И они отправились. И с дороги видят — дом загорелся; старуха с ума сошла: ни золота, ни детей, ну, подожгла.

Царский охотник Алеша распрошался и вперед поехал, так полетел, как вихрь, по сошайной дороге.

И приказал, чтобы во всех деревнях и селах, как придет человек в окровавленной одежде и с кучей денег, так встречать с почетом, ничем не оскорбить. Черемонию, люминицию ему строили. Пожалуйте, — говорят, — пожалуйте. Так-то, брат. Как шапку денег увидали, так и нужен стал, а как был раньше, так никому не нужен был, на

крыльцо не пускали. Недалеко от деревни встречает солдата целая толпа мужиков. Солдат и думает: „Как деньги, так всем нужен, а нет, так и не так встречают“. Да нет, не за деньги, а так надо было. Алеша-то, царь, вперед сказал по всем станциям, чтоб встречали. Ну, потом он, значит, пришел до Петербурга. И стали его встречать. Обночевался и проводили в царский дворец. Выходит в дворце сам Петр Великий, жалует его капралом. А потом, его испытав, дает ему сто рублей.

Каждая песенка до конца поется, а каждая сказочка до конца не сказывается.

Про Петра Великого

В одно прекрасное время Петр Великий осматривал Питер. Едет мимо Путиловской горы, увидел каменотеса. Подъезжает к нему, спрашивает:

— Бог на помочь, мужичок, каково работаешь, много ли зарабатываешь?

— Не стоит благодарности за такие малости, в день восемьдесят копеек зарабатываю.

— Как, тебе и хватает?

— Не очень-то хватает.

— Странное дело, куда же вы деньги деете?

— Двадцать процентов дому плачу, двадцать процентов в долг даю, двадцать процентов за окно кидаю.

Государь задумался.

— Разъясни,—говорит,—мужичок, понять не могу.

— А видите: двадцать процентов — отца с матерью кормлю, двадцать процентов — двух сынов рощу, двадцать процентов — двух лебедок рощу, крылышки подрастут, тут я их и видывал, а двадцать процентов — на все содержание.

— А видел ли ты государя?

— Да нет, а хотелось бы.

— Ну, поедем, покажу; как приедем в селение, все будут без шапок, один государь в шапке.

Приезжают в селение; там кричат ура, шапки вверх кидают, а он и спрашивает:

— Который же из нас царь, что все без шапок, только мы с вами в шапках?

— Не знаю,—говорит.

Потом мужичок пал на колени.

— Простите,—говорит,—ваše царское величество.

— Возьму я тебя в Питер, и скажешь ты свою загадку сенаторам.

Сели в телегу и отправились в Питер. По приезде Петр Великий собрал сенаторов и говорит:

— Вот, господа сенаторы, этот мужик задал мне такую загадку, что я не мог решить. Прошу вас в трехдневный срок решить.

Мужик рассказал им загадку:

— Зарабатываю я восемьдесят копеек: двадцать копеек в дом плачу, двадцать копеек — в долг даю, двадцать копеек — за окно кидаю, а на двадцать копеек живу.

— Господа сенаторы, разгадайте, куда его деньги идут, а вы, мужичок, не смейте без моей личности им сказывать.

Сенаторы думали, гадали, но решить не могли. Срок кончается, а они решить не могут. А один решил его подвести.

— Давай, позовем да предложим, чего только захочет.

Позвали и подкупают, а он был не промах. Шляпа у него была большая да с заворотом.

— А кидайте мне полну шляпу золота.

Они и накидали. А он говорит:

— Двадцать копеек — отца, мать кормлю, двадцать копеек — двух сынов рощу, двадцать копеек — двух лебедок рощу, на двадцать копеек сам живу.

Сенаторы видят, что самое простое, а не могли угадать. Ну, срок прошел, они и пошли к государю:

— Ну, вот, — говорят, — такая-то разгадка.

— Ну, — говорит, — вы сами не могли отгадать, он вам рассказал.

Они и повинились. Он как сурово посмотрел на мужика. А тот говорит:

— Ваше императорское величество, да смотрите, сколько мне ваших личностей накидали. Разве я смог отказаться? (А вить на каждом золотом личность государя.)

Пошли они обедать, мужичка царь около себя посадил. Сенаторы и решили его подвести. Ударил один соседа и сказал: „передай другому“. Так до мужика дошло. Должен он царя ударить. А он встал и говорит:

— Вот, господа сенаторы, какой я сон видел: пошли мы со старухой в лес и увидели дрова хорошие. Ну, пошли

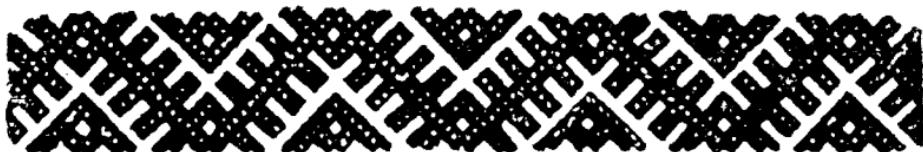
и стали грузнуть. Что дальше, то больше грузнем. А что, не вернуться ли нам домой? Да,—говорю,—вертаться, а дрова какие хорошие! Так вот, господа сенаторы, как быть: угрезиться или домой поворотиться?

Вот те и говорят:

— Конечно, домой поворотиться.

Он как повернулся, да как хрустнет: „передай другому“, — говорит. Тут его царь самым главным сенатором и поставил, а их ему под начало отдал.

Солдат Андрей

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, где мы живем, жил царь на царстве, король на королевстве, да на ровном месте, как соха на бороне. Это не сказка, а присказка, а сказка будет после обеда, поевши мягкого хлеба, еще поедим пирога да потянем быка за рога.

Далеко отсюда, не в нашем царстве, в неведомом государстве жил-был царь Ермолай, знаменитый и славный, богат неслыханно - лопатой греби да в кучи клади. Имел он и сильное войско да охоту стрелков, охота ему к обеду дичь носила. В одно прекрасное время пришла очередь итти на охоту солдату Андрею. Отправился он. Долгое время ходил, да не посчастливилось, да не мог на дичь напасть. Идет обратно кручинный, видит - сидит горлица. Выстрелил, а она упала на землю, и хотел он ей горло перерезать. А она человечьим голосом:

Не губи меня, а лучше домой снеси, на стол поставь и наиспашь ударь правой рукой по левому боку.

Он так и сделал, бросил ее в мешок и домой отправился. На стол поставил. А она упала на пол и скочила прекрасной девицей. Да такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Сумел,—говорит,—меня подстрелить, сумей и власть. Несспешным пирком да за свадебку, буду тебе честной да веселой женой.

В долгий ящик не откладывали и повенчались. Солдат угостил друзей и зажил сладкой жизнью.

Однажды она и говорит:

— Живем мы бедно, надо поправиться, собери сто рублей, я ковер из шелков сработаю, и ты с прибылью продаешь.

Собрал он денег много, купил в рынке разных шелков.
Она и села вышивать. Да, когда муж заснул, она вышла
на крыльце, повернула на руке кольцо, и вышли двенадцать мальчиков.

Что угодно, ваша светлость?

— Чтобы к утру вышили мне ковер, да чтобы было
на нем все наше царство-государство.

Хорошо.

И наутро ковер лежал на столе.

Поезжай, Андрей, ковер продай, да своей цены не
проси, за чужую отдавай.

На рынке стали его спрашивать: что хочешь?

Проезжал в это время царский министр и послал своего
пажа узнать, в чем дело. Тот ему все и рассказал. Министр
слез с екипажа и отправился смотреть.

Чей ковер?

Мой.

Что стоит?

Сколько дадите.

Тот дал двадцать пять тысяч рублей. Когда министр
во дворец приехал, то покупкой государю похвастал. А го-
сударь посмотрел—все его государство на ковре вышито.
Он сейчас и отсчитал ему пятьдесят тысяч, а ковер себе
забрал. Поехал министр к солдату другой ковер искать да
увидел его жену, так и про ковер забыл. Приезжает во
дворец и государю рассказывает:

Такая, — говорит,—красавица, что я все забыл.

Государю и захотелось на нее взглянуть. Устроил он
обед для солдат-охотников с женами. Приехал и солдат
Андрей с женой. Государь и говорит министру:

Что бы мне солдатовой женой завладать!

Министр и говорит:

Можете его убить-казнить.

Я,— говорит,—думать не хочу, а твое дело в три
дня его извести.

Ничего министр сам не придумал и пошел к колдунице.
И по совету ее отправил солдата на море-океан, на остров

Буян, искать овечку с золотой головкой, а корабль ему дали гнилой, не больше как на шесть месяцев. А итти туда было шесть лет. Сам он должен был погибнуть на ветхом корабли. Жена ему говорит:

— Не печалься, не тоскуй, утро вечера мудренее.

Когда все уснули, вышла она на крыльцо, повернула золотое кольцо и сказала двенадцати мальчикам:

На острове Буяне есть овечка, золотая головка, можете ли достать?

— Нет, не можем.

Она тогда достала платок и махнула, и появились два солдата.

— Можете ли достать овечку с золотой головкой?

— Можем.

И наутро овечка уже дома была. Жена его на корабле отправила, чтобы не приняли его за колдуна. Сказала ему жена, чтобы каждый день команду вином поил да через дня три домой вернулся. Так он и сделал — напоил команду и поехал обратно. Доложают государю: „Солдат вернулся обратно“. Царь рассердился и сам на пристань отправился. Ну, а овечку с золотой головкой дают ему. Приказал царь солдата наградить, а сам злобится и министру выговаривает. Министр говорит:

— Меня колдуны омманула.

— Ну, — царь говорит, — придумай способ.

Разыскал тот колдуны.

— Как же быть, бабушка?

— Ну, давайте, жену его омманем, пошлите его искать — не зверь, не калека, не похож на человека.

Министр царю и рассказал. И призвали солдата, и приказал ему царь найти „именно то, что не знает никто: не зверь, не калека, не похож на человека“. Он жене рассказал. Она вечером вышла на крыльцо, повернула кольцо, спросила у двенадцати мальчиков:

— Не знаете ли вы, где — не зверь, не калека, не похож на человека?

— Не знаем.

Тогда свободны.

Взяла платок, — выскочили два солдата.

— Не знаете ли вы, где не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Принялась она клубочек вить. Утром дала ему клубочек и всего прочего.

Куда клубочек покатится, туда и путь держи. Есть захочешь — скажи: „клубочек, я есть хочу“, спать захочешь — „клубочек, я спать хочу“. Но окромя клубочка, если остановишься, то только своим полотенцем утирайся.

Отправился он. Скоро сказка говорится, дело мешкотно творится. На пути его печет, частым дождичком сечет.

Через год клубочек к дому прикатился, стал солдат ворота стучаться. Пришли три красавицы и свели его в покой. Напоили и накормили и спать уложили. Были же они очень похожи на его жену. Утром он умылся и своим полотенцем вытерся. Те и спрашивают:

— Откуда у тебя такое полотенце?

Он все и рассказал.

— Ах, да это наша сестра.

Повели его к матушке. Она обрадовалась, стала его спрашивать. Он и рассказал все и погостили у них месяц два. А потом и говорит:

— Надо дело делать.

И теща говорит:

— Пойдемте вместе.

Вышли на крыльцо. Она достала платок, прилетели две птицы. Сели они и полетели. Долетели до горы, и сбежались всякие звери, и начала она их спрашивать:

— Не знаете ли вы, где находится не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Полетели они к синему морю. И все рыбы выплыли и поклонились ей до земли.

— Не знаете ли вы, где находится не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Полетели они на высокую гору, и слетелись все птицы небесные.

— Не знаете ли вы, где находится не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Дело плохо. Полетели через болото, а лягушка-квакушка говорит:

— Я знаю. Возьмите меня домой, положите в молоко, и куда я носом буду глядеть, туда и путь пусть держит.

Так и сделали. Шел он, шел. Вдруг лягушка и спрашивает:

— Что видишь над собой, под собой и вокруг себя?

— Надо мной — небеса, подо мной — мать-сыра-земля, а вокруг — белый свет, впереди огонь горит.

— Это стоит золотая стена от востока до запада, от земли до неба.

Она молоко выпила и стала большая.

— Садись на меня.

Сел он на нее, а она как прыгнула и стену перескочила.

— Теперь ступай и сам добывай.

Пошел он и увидел пещеру темную. Зажег свет и осмотрелся. Потом он спрятался за печку и стал обжидать. Вдруг приходят двое стариков и говорят:

— Брат-Разум, дай нам поесть-попить.

Никого не видно, а все вдруг появилось, разные закуски. Старички поели да пошли, а все исчезло. Солдат вышел из-за печки и говорит:

— Сват-Разум, дай мне поесть-попить.

Сел закусывать и говорит:

— Сват-Разум, садись со мной.

Никого не видно, а кушанья так и исчезают.

— Сват-Разум, желаешь ли мне служить?

— Желаю, — говорит, — если ты меня за стол посадил.

Невидимая сила подхватила его и понесла до тещи, где он все рассказал. Потом поехали дальше. Дорогой Сват-Разум и говорит:

— Сейчас будет купеческий кораб проезжать. Ты угости их, а меня променяй на три диковинки.

Остановил солдат купцов.

— Сват-Разум, накорми нас.

Сват-Разум стол накрыл — что диво. Стали купцы его торговать. И променял солдат его на рожок, из которого солдаты высекивают, на топорик — тяп-ляп и вышел корабль на шкатулочку — как открыть, так будет хрустальный дворец. Променял солдат Сват-Разум на три диковинки. Все их они ему попробовали, все было правильно, но Сват-Разум к нему с корабля обратно пришел, да они и дальше поехали.

В это время государь его жену призвал и стал ее уговаривать полюбить его. А она стала его совестить. Он стал ей угрожать. А она ударила об пол и птицей горлицей улетела в окно.

Солдат приехал, а жены дома нет. Сват-Разум его утешает. В темну ночь открыли они шкатулочку и сделали дворец. А государь увидел дворец и спрашивает:

— Чей это дворец?

— А это, — говорит, — того самого солдата, что вы отправили искать именно то, чего не знает никто, не зверь, не калека, не похож на человека.

А солдат говорит:

— Пусть царь скажет, где моя жена, тогда получит дворец и то, что я принес.

Послал царь на него солдат. А Андрей вынел рожок и надунал солдат, и пошел бой. Да и сделал он военных кораблей и забрал все царство-государство, забрал и царя. И стал спрашивать:

Где моя жена?

Тот ему все рассказал. Солдат его и отпустил, да не издевайся больше над нашим братом-солдатом. Тут влетела в окно птица-горлица и ударила в пол, и стала девица. И стали они жить-поживать, царством управлять.

Сказка о солдате и смерти

В одом государстве жил-был славный и сильный король; у него было очень много войска, и он сильно полюбил одного солдата, который служил ему верою и правдою и был главным его конюхом. Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься у короля на родину с родными повидаться. Сначала было король не спускал его, но потом согласился, наделил его златом-серебром и отпустил его на все четыре стороны. Вот получил солдат отставку пошел с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему:

— Неужли на простирах-то не поднесешь? А прежде ведь мы хорошо жили.

Вот солдат и начал подносить своим товарищам, подносил-подносил, глядь — денег-то осталось у него только пять пятаков.

Вот идет наш солдат, близко ли — далеко ли, видит — стоит в стороне кабачок; зашел солдат в кабачок, на копейку выпил, на грош закусил и пошел далее. Подошел эдак немнога, встретилась ему старуха и стала милостину просить, солдат и подал ей пятак. Подошел опять немнога, смотрит: а та же старуха опять идет навстречу и просит милостину; солдат подал другой пятак, а сам и дивуется, как это старуха опять очутилась напереди, меж тем как не видел, чтобы она прошла мимо его. Смотрит, а старуха опять напереди и просит милостину; солдат и третий пятак подал. Подошел опять эдак с версту, смотрит, а старуха опять напереди и просит милостинку; разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила к его ногам котомку и скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел да и говорит: „Куда мне

с этой дрянью? У меня и своей довольно!“ и хотел было уж бросить, — вдруг, откуда ни возьмись, явились перед ним, как из земли, два молодца и говорят ему:

— Что вам угодно?

Солдат осталенел от удивления и ничего не мог им сказать; он думал, что это привидение, да и закричал:

— Что вам от меня надобно?

Один из них — щеголь собой — подошел поближе к служивому и говорит:

— Мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и, если тебе что нужно, приказывай, я все сделаю!

Солдат думал, что это все ему грезится, протер глаза, решился спробовать да и говорит:

— Если ты говоришь правду, то я приказываю, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска, водка и трубка с табаком!

Не успел солдат еще и окончить, а уж все и явилось, как будто с неба упало. Выпил солдат, закусил, повалился на койку и закурил трубку. Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой, и, когда явился лакей (служитель котомочки), солдат и говорит:

А долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак?

— Сколько угодно, — сказал лакей.

— Ну, так обери все, — сказал солдат, — и пошел дальше.

Вот шел он после этого, близко ли, далеко ли, и пришел к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом, да барин в этом дому не жил, а жил в другом, — в хорошем-то дому черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать:

Где барин живет?

А мужики и говорят:

— Да что тебе в нашем барине?

— Да ночевать бы надо попроситься!

— Ну, — говорят мужики, — только поди, так он уж отправит тебя чертями на обед!

— Ничего, — говорит солдат, — и с чертям разделаться можно, а это в сторону, а скажите, где барин-то живет?

Мужики показали барский дом, и солдат пошел к нему; а как пришел к барину, и стал у него ночевать проситься. Барин и говорит:

— Пустить-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня там не тихо!

— Ничего, — говорит солдат.

Вот барин и повел солдата в хороший дом, а как привел, солдат махнул своей волшебной сумочкой и, когда явился лакей, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось все. Барин, хоть и богат был, а такой закуски никогда еще у него не было! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку; вот как кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел обрать все, а лакей и говорит:

— Я не могу обрать — не все на столе.

Солдат посмотрел да и говорит:

— Ты, барин, для чего ложку взял?

— Я не взял, — говорит барин.

Солдат обыскал барина, отдал ложку лакею, а сам и начал благодарить барина за ночлег, да так его изрядно помял, что барин со злости пошел да и запер на замок все двери.

Солдат запер все окна и двери из других покоев, закрепстил и стал чертей дожидаться.

Этак около полуночи вдруг слышит, что кто-то у дверей пищит. Пождал еще солдат немного, и вдруг набралось множество нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай. Один там кричит: „Напирай, напирай!“ — а другой на место ему кричит: „Да куда напирать, коли крестов наставлено!..“

Солдат слушал-слушал, а у самого волосы так-таки дыбом и встают, даром что нетрусливого десятка был. Наконец и закричал:

— Да что вам тут от меня надо, босоногие?

— Пусти! — кричат ему из-за дверей черти.

— Да на что я вас пущу сюда?

— Да так, пусти!

Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гирями, взял мешок, вытряхнул гири да и говорит:

— А что, много ли вас, босоногих, войдет ко мне в мешок?

— Все войдем, — говорят ему из-за дверей черти.

Солдат наделал на мешке крестов углем, приотворил немножко двери да и говорит:

— Ну-ка, я посмотрю, правду ли вы говорили, что все войдете.

Черти все до одного залезли в мешок, солдат завязал устье мешка — перекрестил, взял двадцатифунтовую гилю да и давай по мешку бить. Бьет-бьет да и пощупает, мягко ли. Вот видит солдат, что, наконец, мягко стало, отворил окно, развязал мешок да и вытряхнул чертей вон; смотрит, а черти все изуродованы, и никто с места не двигается. Вот солдат как крикнет:

— А вы что тут, босоногие, расположились-то? Другой бани, что ли, дожидаетесь? — а черти все кой-как разбежались, а солдат и кричит им вдогонку: — Еще придете сюда, так я вам не то еще задам!

Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришел к барину и говорит:

— Ну, барин, переходи теперь в тот дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать!

Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошел себе дальше.

Вот шел он так счастливо и весело уж долгонько, и до дому недалеко оставалось — всего каких-либо на три дни ходьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха такая это худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается! Дошла она до солдата да и загородила ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак да и закричал:

— Что тебе надо от меня, старая? Хошь, я тебе голову раскрою?

Смерть (это была она) и говорит:

— Я послана господом взять у тебя душу!

Сдрогнуло солдатское сердце, упал он на колена да и говорит:

— Смилийся, матушка смерть, дай мне сроку только на три года, — прослужил я королю-батюшке свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться.

— Нет, — говорит смерть, — не видаться тебе с родными, и не дам я тебе сроку на три года!

— Дай хоть на три месяца!

— Не дам и на три недели!

— Дай хоть на три дня!

— Не дам тебе и на три минуты, — сказала смерть, махнула косой и уморила солдата.

Вот очутился солдат на том свете да и пошел было в рай, да его туда не пустили, недостоин, значит, был! Пошел солдат из раю да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит:

— Вам что надо от меня? Ах, вы, босоногие, аль позабыли уж барскую-то баню, а?

Черти все и побежали от него, а сатана это и кричит:

— Вы куда, детки, побежали-то?

— Ой, батько, — говорят ему чертеныта, — ведь солдат-то тот здесь!

Как услыхал сатана это, да и сам побежал в огонь.

Вот солдат походил-походил по аду, — скучно ему стало, подошел в рай да и говорит господу:

— Господи, свет милостивый, куда ты меня пошлешь теперь? Раю я не заслужил, а в аду черти от меня убежали; ходил я, ходил по аду, скучно стало, да и пошел к тебе, господи, дай мне службу какую-либо!

Господь и говорит:

— Поди, служба, выпроси у Михаила архангела ружье и стой на часах у райских дверей.

Пошел солдат к Михаилу архангелу, выпросил у него ружье да и стал на часы к райским дверям.

Вот стоял он так, долго ли — коротко ли, и видит, что идет смерть да и прямо в рай. Солдат загородил ей дорогу да и говорит:

— А тебе что там надобно, старая? Пошла прочь! Господь без моего докладу никого не примет!

Смерть и говорит:

— Я пришла к господу спросить, каких на этот год велит людей морить?

Солдат и говорит:

— Давно бы так, а то лезешь, не спросяясь, а разве не знаешь, что и я что-либо да значу здесь; на-ко ружье-то, подержи, а я схожу, спрошу.

Пришел служивый в рай, а господь и говорит:

— Зачем ты, служба, пришел?

— Пришла смерть, господи, и спрашивает: каких ты на следующий год велишь людей морить?

Господь и говорит:

— Пусть морит самых старых!

Пбшел солдат назад да и думает: „Самых старых велит господь людей морить, а что, если у меня еще отец теперь жив, а она его уморит, как и меня; так ведь, пожалуй, я и не повидаюсь больше! Нет, старая, ты не дала мне вольготушки на три года, так поди-ко, погрызи дубов!“

Пришел да и говорит смерти:

— Смерть, господь велел тебе на этот год не людей морить, а дубы грызть, такие дубы, которых старее нет!

Пошла смерть старые дубы грызть, а солдат взял у ней ружье и стал опять у райских дверей ходить.

Прошел на белом свете год, смерть опять и пришла спросить: каких на этот год велит ей господь людей морить? Солдат отдал ей ружье, а сам и пошел к господу спросить, каких на этот год велит смерти людей морить.

Господь велел морить самых матерых, а солдат опять и думает: „А ведь у меня там есть еще братья да сестры и знакомых много, а смерть как уморит, так мне с ними и не повидаться больше! Нет, пусть же и другой год погрызет дубов, а там, быть может, нашего брата солдата и миловать станет!“ Пришел да и послал смерть грызть самых (едреных) матерых дубов.

Прошел и другой год, пришла смерть на третий раз. Господь велел ей морить самых молодых, а солдат послал ее самых молодых дубов грызть. Вот как пришла смерть на четвертый год, солдат и говорит:

— Ну тебя, старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: опротивела, надоела!

Пошла смерть в господу, а господь и говорит ей:

— Что ты, смерть, худая такая стала?

— Да как худой-то не быть? Целых три года дубы грызла, все зубы-то повыломала! А не знаю, за что ты, господи, на меня так прогневался?

— Что ты, что ты, смерть! — говорит ей господь: — С чего ты взяла это, что я посыпал тебя дубы грызть?

— Да так мне солдат сказал, — говорит смерть.

— Солдат? Да как он смел это сделать! Ангелы, подите-ко, приведите ко мне солдата.

Пошли ангелы и привели солдата, а господь и говорит:

— С чего ты взял, солдат, что я велел смерти дубы грызть?

— Да мало ей, старой, этого! Я просил у ней вольготушки только на три года, а она не дала мне и на три часа; помолился бы я тебе, господи, так и в раю теперь был бы, а то вот теперь стой тут на часах, а все из-за нее. Вот за это-то я и велел ей три года дубы грызть.

— Ну, как поди-ко теперь, — говорит господь, — да откармливай-ко ее три года! Ангелы! Выведите его на белый свет.

Вывели ангелы солдата на белый свет, и очутился солдат на том самом месте, где уморила его смерть. Видит солдат — какой-то мешок лежит, взял он мешок да и говорит:

— Смерть! Садись в мешок!

Села смерть в мешок, а солдат взял еще палок да каменья наклад туда, да как пошагал по-солдатски, а у смерти только косточки хрустят! Смерть и говорит:

— Да что ты, служивой? Потише!

— Вот еще, „потише“, еще чего не скажешь! А помоему так: сиди, коли посажена!

Вот шел он так два дня, а на третий пришел к свату-цоловальнику да и говорит:

— Что, брат, дай выпить, все деньги прошол, а я тебе на-днях занесу; вот тебе мой мешок, пусть у тебя полежит.

Взял солдат, выпил водки, а цоловальник взял у его мешок да и бросил под стойку.

Пришел солдат домой, а отец еще жив,—обрадовался, что благополучно добрался до дома, а еще больше обрадовались родные!

Вот жил так солдат и здорово и весело целый год. Тут он услыхал, что прежний его благодетель король мимо проезжает, вот и пошел солдат еще разик на короля посмотреть, а итти-то было не далеко. Вот увидал он короля, а тот и стал его расспрашивать, как он шол домой и каково ему гостить. Солдат рассказал ему все от слова до слова, да и спомнил тут, что смерть-то и по сих пор все еще под стойкой, а королю этого не сказал. Стал он с королем прощаться, а король и наградил его уж чисто по-королевски!

Вот пришел солдат в тот кабак и стал спрашивать свой мешок, а цоловальник едва и отыскал его. Вот солдат развязал мешок да и говорит:

— Смерть, жива ли ты?

— Ой,—говорит смерть: едва не задохлась!

— Ну, ладно,—говорит солдат. А он, как пошел от короля, денег-то у него много было, вот он и купил табакерку с табаком, а теперь понюхал да и чихнул.

Смерть и говорит:

— Служивой, дай-ко мне! — Она все просила, что только увидит у солдата.

Солдат и говорит:

— Да что, смерть, ведь тебе мало одной щепотки, а поди, сядь в табакерку да и нюхай, сколько захочешь.

Только что смерть поместилась в табакерку, солдат захлопнул да и носил опять ее целой год. Потом он опять отворил табакерку да и говорит:

— Что, смерть, нанюхалась?

— Ой, — говорит смерть, — тяжело!

— Ну, — говорит солдат: — пойдем, я теперь покормлю тебя!

Пришел он домой да посадил ее за стол, а смерть ела, да ела, да за семерых и съела.

Рассердился солдат да и говорит:

— Ишь, прорва, за семерых съела, эдак на тебя не наполнишь; куда я денусь с тобой, проклятая!

Посадил потом в мешок да и понес на кладбище; вырыл в сторонке яму да и закопал ее туда.

Вот прошло три года, господь и спомнил про смерть и послал ангелов отыскивать, где смерть. Ходили ходили ангелы по миру, отыскали солдата в кабаке да и говорят ему:

— Куда ты, служивой, смерть-то девал?

— Куда девал? А в могилу зарыл!

— Да ведь ее господь на лицо к себе требует, — говорят ангелы.

Пошел солдат на кладбище, разрыл яму, а там смерть уж чуть-чуть дышит.

Взяли ангелы смерть и привели ее к господу, а он и говорит:

— Что, смерть, такая худая?

Смерть и рассказала господу все, а он и говорит:

— Видно, тебе, смерть, от солдата не хлебы, поди-ко, кормись сама!

Пошла опять смерть по миру, да только того солдата больше не посмела морить. Прожил он целых сто лет, а потом пошел на войну, там его и убили!

Сказка о том, как Ванька на царской дочке не женился

В деревне Солзы, Архангельской губернии, жила жонка. Жонку-то звали Дарья, а у Дарьи-то был сын Ванька. Как исполнилось ему двадцать лет, так он и говорит:

— Мамка, а мамка, хошу жениться.

— Ну, так что же, Ванюшка! Женись, Ванюша, женись, егодиноцка! Всяки девки есть: есть поповски, есть дьяконовски, есть старостины.

А Ванька-то и говорит:

— Не хошу я, мамка, ни поповских, ни дьяконовских, хошу на царской доцке жениться.

— Ты што, Ванюшка! Задидал совсем! Не пойдет ведь царска доцка.

— Пойдет. Мужик я дородный да матерущий. Пойду завтра царску доцку искать.

Вот напекла ему мать шанежки да пологушку молока дала, Ванька и пошел.

Долго ли, коротко ли—пришел он к царской избе по рато матерущей. Смотрит—на угore двадцать парней егодиноцки сидят, красавушки все, баски-баски; он у них и спрашивват:

— Где она така, царска доцка?

— А вот она,—говорят,—по саду гулят.

Как увидел Ванька, так-ти глаза открыл. Андели, бывает же така красота! Сама дородна, да матеруша, морда красняща, толстяща, глазки махоньки, так в жиру-то и плывут.

Подошел Ванька, поздоровался, а царска доцка и спрашивват:

— Ты кто такой будешь и пошто пришел?

— Я—Ванька Загребалов из деревни Солзы, свататься пришел.

— Ну, пойдем в избу, сядем да поговорим.

Пришли в избу, а на столе-то добра-то куди да горы. Пироги с палтусом да с трещиной понаставлены. Порато богато-то царь живет, не то, что хресянский люд.

Вот Ванька-то у царской доцки и спрашиват:

— Много ли приданого татка-то понаделал?

— А уж столько добра понаделано: одеюсь да раздеюсь, повалиться спать некогда, все платишки примеряю.

„Вот,—думат Ванька,—беда, кака щеголиха, куда мне таку?“

— Ну, а ешь-пьешь хорошо?

— А уж известно, не кака-нибудь; не поповска, дьяконовска, на што цай пью и то не как все.

— А как же?

— Так не в прикуску, не в накладку, а над столом сахарна голова висит, так я голову сосу да пью,

„Вот беда какая,—думат Ванька,—где я ей голову сахарну в Солзы добуду?“

— Ну, а перина-то у тебя есть? Повалиться на што?— спрашиват Ванька.

А царска доць-то:

— Ну, ишшо дицай; вить не кака-нибудь проста я, а царска, у меня полна изба пуха да пера понапущено. Так я в пуху-то нырну да вылезу, нырну да вылезу.

Ванька-то испугался совсем: „Како наказанье-то мне— нырять с жёнкой придется. Вот беда!“

— А пошто ты говоришь-то, словно гундоса?—Ванька царску доцку спрашиват.

А та и отвещат:

— У нас все так говорят, и маменька и тятенька, у него-то ишшо хужо мово! Вместо носика одне дыроцки осталися.

— Ну, а ты скромна, не вертяжка?

А царска-то доцка отвещат:

— Ишшо што не придумашь? Вон двадцать-то на угore сидят, все мои дрольки да прихехешки.

„Вот еще беда, развратница кака!“—Ванька-то думат.

— Ну, а по хозяйству умешь обряжаться-то?
— Нет, нам не к чему, други работают.
— Ну, а грамотна?
— Конечно, грамотна.
— Ну, учительшей будешь, — говорит Ванька, — в Солзы.
— Вот ишшио не видала добра, сопливых ребят учить.

Не ходу.

Как ноцъ настала, Ванька домой побег.

— Куда мне, мамка, — говорит, — таку беду гундосу: в пуху нырят, голову сосет, работать не умеет, учительшей не ходит. Жени меня на крестьяноцке.

Ну, мать и нашла ему девку-красавушку, Машкой звать, а через год она ему сына родила, Федором назвали.

Мужик и барин

Жили-были мужик да баба, а у них были два сына. Обоим им не приходилось дома жить, один и ходил всё по чужой стороне. Вот раз он пошел на чужую сторону и надел два армяка—черный да желтый, и два башлыка такие же. Идет он путем-дорожкой, попадается ему навстречу барин, едет на паре. И приказал кучеру остановить коней. Остановил кучер коней, подозвал барин мужика к себе.

— А,—гыт,—добрый человек! Вижу, ты по чужой стороне бывал.

— Да, точно так,—гыт,—бывал.
— И много народу видал?
— Видал на своем веку порядочно.
— Скажи, пожалуйста, кто лучше: из попов, или из судей, или из нашего брата—из бариней?

Он думал-думал и говорит:

— Из попов, так половина дураков.
— А как так?
— А потому, что как поп поторопится, так и скоро может пропеть, а нет, так и истово поет.

— А из судей?
— Из судей две трети дураков есть.
— Почему же?
— А потому, что судьи, кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду поливают.

— Ну, и это хорошо. А из нашего брата, из бариней?
— Из вашего брата две трети дураков да треть безумников.

Барин и говорит кучеру:

Кучер, погоняй!—и поехал.

Отъехал недалеко, и говорит барин кучеру:

— Что же, кучер, ведь он нас ни во что поставил!

— Да я давно думаю, что он вас ни во что поставил, да не смею сказать.

— Ой, ты, чудак, ты бы давно сказал! Давай, поворачивай коней, да спросим, почему он нас ни во что поставил?

Заворотили коней и поехали. Увидел этот мужик барина, снял черный армяк и черный башлык, а надел желтый армяк да желтый башлык, подошел к сосне и подпер сосну плечом, а сосна та наклонилась на озимь.

Подъехал барин и спрашивает:

— Не видал ли мужика в черном армяке и черном башлыке?

— Да,—гыт,—сейчас прошел мимо такой точно.

— Можем мы его догнать?

— Догнать-то можно, да этто дорог-то много.

— А не знаешь, какой он дорогой пошел?

— Как не знать, я бы сразу нашел его.

— Так сделай милость, приведи его сюда.

— Мне нельзя уйти-то: сосна-то наземь упадет.

— Ну, мы с кучером подержим сосну-то.

— Давай, могу сходить, пешком-то только не догнать, надо лошадь.

— Кучер, отстегни ему лошадь.

Барин держит сосну, а кучер отстегнул лошадь. Мужик сел на лошадь и потурил. Съездил в лесок и едет опять назад.

— Вот что,— говорит,—я там его догнал, посадил на лошадь, он и поехал было неладно, а как ежели мне сидеть, так он за мной нейдет, так давайте другую лошадь, мы на лошади-то и приедем.

Велел барин выпрячь и другую лошадь. Мужик сел на одну, а другую в повод, да и поехал в то село, из которого был барин. Приехал к барыне и просит пять тысяч денег:

— Барыня,—говорит,—давай скорее пять тысяч, барин купил сто десяти лесу.

А та говорит:

— Давай записку.

— А какая записка? Видишь его коней.

Принесла барыня пять тысяч денег и отдала мужику.
А он у нее еще попрошал какой-нибудь повозки.

Барыня говорит:

— У нас худых повозок нет, так возьми вон стеклянную.

Заложил мужик коней да и говорит:

— Эти две лошади, пожалуй, не выслужат. Давайте еще лошадь.

— Запрягай в корень сивка,—говорит барыня,—недавно еще обучили.

Сел мужик да и поехал домой.

А барин с кучером стояли-стояли, не могут дождаться.
Вот и говорит барин кучеру:

— Не обманул ли нас мужик-то?

— А я давно думаю, что обманул, да вам не смею сказать.

Барин закричал:

— Ой, ты, фириуль! Я бы давно оставил сосну-то, так пускай у него озимь-то захлестнуло. Давай—оставим сосну, отбегай, чтобы не задавило.

Кучер отскочил, а сосна и не думает валиться.

— Что же сосна-то не падает? Давай,—говорит,—столкнем.

Попихали-попихали, не могут спихнуть.

— Давай,—говорит барин,—разбежимся да толкнем, она и слетит.

Как разбегутся, кучер все прибежит прежде барина.

И говорит барин кучеру:

— Ты отойди подале, а я поближе, так вместе к сосне и прибежим.

Отошел кучер дальше, а барин ближе. Бегут вместе к сосне. Подбегает кучер к сосне и упал, а барин через него да лбом о сосну. Лоб-то весь и расшиб, кровь пошла. Завязался он и пошел к своей повозке.

И спрашивает барин у кучера:

— Что тяжельше: тарантас везти или хомуты нести?

И говорит кучер:

— Конечно, сами знаете, лошадь идет в тарантасе, так никогда не вспотеет, а под хомутом все мокро. Так как хомут не тяжельше?

— Так неси, кучер, ты хомуты, а я тарантас повезу: я тяжелого не могу нести.

Надел кучер на обе руки по хомуту и легощенько пошел, а барин так и нагибается, тарантас тащит, так что даже пот со всего полил. Отстал барин от кучера из виду вон и закричал:

— Подожди, подожди!

Остановился кучер и ждет барина. Подвез барин тарантас и говорит:

— Клади-ка хомуты в тарантас да повезем вместе.

Кучер положил хомуты в тарантас, да лишь сунул в колесы по стягу, а сам пихал лениво. Барин понатужился, — не может с места сдернуть.

— Нет, — говорит, — возьми ты хомуты, а я опять тарантас повезу.

Кучер выдернул стяги, взял хомуты и пошел вперед.

Доехал барин до своего села, выскочила барыня и говорит:

— Поздравляю вас с новой купчей!

Барин вытаращил глаза и спрашивает:

— С какой купчей?

— Да ведь ты послал мужика, он увез пять тысяч денег на наших конях да стеклянную повозку.

Барин провздыхался да захохотал:

— Ну, хоть не одного меня обманул, и барыню обдул этот самый мужик.

Терем мухи

Построила муха терем; пришла вошь-поползуха: „Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?“—„Муха горюха; а ты что?“—„Я вошь-поползуха“. Пришла блоха-попрядуха: „Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?“—„Я муха-горюха да вошь-поползуха“. Пришел комар долгоногой: „Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?“—„Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха.“ Пришла мышечка-тютюрюшечка: „Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?“—„Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар долгоногой“. Пришла ящерка-шерошерочка: „Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?“—„Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошерочка, я Лиса Патрикеевна“. Пришел волчище-серое хвостище: „Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?“—„Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошерочка, я Лиса Патрикеевна, я заюшко из-под кустышка“. Пришел медведь толстоногой: „Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоком?“—„Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошерочка, я Лиса Патрикеевна, я заюшко из-под кустышка, я волчище-серое хвостище“. Все из терема: „А ты кто?“—„Я тяпыш-ляпыш, всем подгнетыш“, — сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его.

Небылица

Я стал поутру, обувался на босу ногу, топор надевал, трои лыжи под пояс пдтыкал, дубинкою подпоясался, кушаком подпиралс. Шел я не путем, не дорогой; подле л'ыцье¹ горы драл; увидял на утке озеро, топор в ее шиб²—не дошиб, другим шиб—перешиб, третьим шиб—попало, да нимо; утка-то скучалась,³ озеро-то улетело. И пошел я в цисто поле, увидял: под дубом корова бабу доит. Я говорю: „Тетенька, маминька! Дай мне-ка полтора молока преснова ставця“.⁴ Она меня послала в незнаму деревню, в небывалу избу. Я пошол и пришол: квашня бабу месит. Я говорю: „Тетенька, маминька! Дай мне-ка теста“. Она выхватила из мутовки квашню —хлысть по зубам. Я бежать. Вышол на улку: тут лайка собацит⁵ на меня; мне-ка щем оборонице? Я увидял: на санях дорога, выхватил из оглобель сани, хлысь лайке по зубам, и пошол домой да с горя спать повалилс.

¹ Подле лыков ² Кинул. ³ Всколебалась. ⁴ Полтора ставда (кувшина) пресного молока. ⁵ Собака лает.

Поп и старец

Жил-был поп. Работник был у попа и дочерь. Вот поп с попадьей повалятся спать в клети, а работник на по-вети, и все у них сметана теряется. Ввечеру полный горшок, а утром хоть дно лижи. А это работник как спать завалится, возьмет краюху хлеба да в сметану макает. Вот поп и стал замечать эту неприятность.

— Что это,—говорит,—у нас сметана теряется? Работник ле ест, или дочь ест?

А работник хитрый. Взял в клети икону Миколы свя-того и все губы и лоб сметаной смазал. Поп увидел и го-ворит:

— Вот я на работника думал, а вот кто мою сме-тану ест!

Хватил икону и разбил икону ту. Ну, что делать? Он и испугался.

— Надо,—говорит,—мне итти отсюда. А то я Миколу-угодника изобидел, он мне теперь хорошей жизни не даст.

Вот он ночью взял кошель и попер. Шагал далече ле—близко, высоко ле—низко, и встретил старичка седенького. Пошли дальше вместе.

Вот приходят в одно село, все спят. Вот видят на краю домичек, горит огонек. Они и заколотились в избу. А их не пускают.

— У нас,—говорят,—больной есть, стонет, кричит, по-сторонним нельзя итти.

— Ну,—старичок говорит,—я, может, еще и помочь могу. Я его исцелю.

— А как ты его исцелить можешь?

Ну, старик попросил бочку чистую, разрезал больного-го на кусочки, вымыл, в бочку склад, вынул из кормана суплейку и те куски полил. Тот и выстал из бочки здор-

вехонек. Ну, ему много денег дали, а попу стало завидно. Думает, что он теперь сам научился такое чудо сотворить. Он старику и говорит:

— Иди ты, батя, куда хошь, а я, давай, пойду своей дорожкой. — И пошел.

Шагал-шагал, пришагал в дом один, а там больной лежит, кричит. Поп заколотился в дверь.

— Я, — говорит, — его исцелить могу.

Его и пустили. Он заходит в комнату, не помолился богу, взял бочку да портна и разрезал того хворого на клоки, склал, из сундукки воды полил. Мазал-мазал — не шевелится. Как тут быть? Куда удирать? А тут седенький стариочек в избу вошел.

— Ну, что, управился? Эх, ты, — говорит.

Взял все клоки, перемыл, переложил, из своей сундукки полил, больной выстал. Ну, и много дали денег.

Ну, пошагали дальше.

Сели они закусывать, а у попа закусывать скучно, а у старишки три просвирки. Он одну сам съел, другую попу отдал. Да вдруг оборотился, а поп у этого старика просвирку ту скрал и съел.

Вот стариик и спрашивает:

— Че ты ле мою просвирку съел?

— Что ты, что ты, я не ел!

Ну, пошагали дальше. Вот до речки дошли. Стариик броду не ищет, а стал по воде походить, и идет, как по земли. И поп пошел по воде и стал тонуть и по горло засел, захлебывается. Ну, стариик с бережку и спрашивает:

— А не ты ле, поп, мою просвирку съел?

Тому впору ко дну итти, а он кричит:

— Не я, не я!

Ну, стариик ему руку подал и вытащил.

Вошли они в лесок. Стал стариик то золото делить, что за исцеление получили. Раскладает на три кучи. А поп говорит:

— Ты зачем на три кучки кладешь? Нас ведь два товарища работали.

— Третья куча тому, кто просвирку съел.

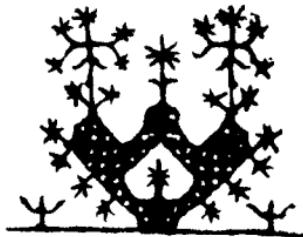
А поп жадный и кричит:

— Это я, я самый просвирку съел!

Старик рассмеялся.

— Ну, иди, поп, домой. Службу служи да богу молись,
от жадности избавляйся. А что ты мою икону разбил,
то ты худо сделал.

Это и был Микола святой.

Поп Пахом

Ну, это у вологодских каких-то попа в селе не было. Помер, видно. Ну, вологодские — они зажимные, деньгу любят. Говорят:

— Для че нам попа звать? Нать лошадь—везти, нать архиерея смазать, нать избу справить. Давай, свово кого ле поставим.

И был мужичонко Пахом. Голосом тухлой, сам ленной.

— Я,—говорит,—пойду.

Это в попы. Ну, а им ладно.

— Иди.

Вот стал празник. Оны все в церковь набегли, Пахомова служба любопытствует.

Вот Пахом вышел. Облачение одевши, стал, руки вздынул:

— Миряне, бо-гу помо-о-олимся!

Они и глядят, что дальше скажет.

А он и говорит:

— Че гла-за-а-те вы-ылупили, молись каждый, как знашь!

Потом взял евангелье, показал:

— Ету книгу, миляне, знаете?

— Знаем, знаем.

— А раз знаете, то и читать не нада-а!

Дальше он ничего и не знат, что делать. Подумал и возгласил:

— Дьяк, дьячок, закинь на двери крючок, до межговенья служить буду-у-у!

Тут все из церкви долой.

Так он попом и был, пока в губернии не узнали. А в церковь никто не ходил: боялись — замкнет да и будет долго служить.

Попов работник

В некотором царстве,
В некотором государстве,
На ровном месте, как на бороне,
Верст за триста в стороне,
Именно в том, в котором мы живем,
Жил-был царь.
Без присказки сказка—
Што без полозьев салазки:
Из горы по льду нет им ходу,
А по гладкому пути
Нечего их и за собой везти.
Слушайте диковинные речи:
У дяди Луки были полати подле печи.
Мост стоял поперек реки,
Картофель родилась в земли,
А рожь зрела на колоси.
Не любо—не слушай, а врать—не мешай.
Хороша алая лента, как одета на молодую,
А на старуху хоть пять навесь,—
Все скажут, что морщины есть.

Ну, вот, хоть в нашей деревни, жил один поп. Пошел на базар. Ему нужно нанять работника. Вот ходил по базару,—попадается ему мужичок.

— Найми меня, батюшка, в работники!
— А сколько,—говорит,—ты возьмешь?
— Да сто рублей.
— С тем и дам тебе сто рублей, только ты выучи матушку по-немецки говорить.

Работник говорит:

— Выучу, батюшка.
Вот приводит он работника домой и говорит попадью:
— Вот какого я нанял работника, што и тебя по-немецки говорить выучит.

Встали наутро, и говорит работнику:

— Ну-ка, Ванюшка, сходи в лес, поруби дровец.

Работник ушол, проходил часа два-три, приходит домой и говорит:

— Ну, батюшка, я две сажонки вырубил. (А сам вырубил два колышка по сажонке.)

— Ну, теперь,—говорит,—Ванюшка, сходи на рынок, узнай, што дорого, што дешево.

Пошол работник на рынок, походил, приходит домой и говорит:

— Ну, батюшка, как на рынке и короба то угольные дороги. По двадцать пять рублей за штуку давают.

— Ой, Ванюшка, да смотри, у нас там, на вышке, два короба лежит. Сходи, продай,—говорит.

Работник пошол на вышку, а там в коробе, оказывается, дьякон лежит. Он этот короб, да с им целиком, под лесницу и бросил. Дьякон закряхтел, а работник говорит:

— Ты зачем сюды пришол? Я сейчас пойду, скажу бате.

— Не говори, Ванюшка. Я тебе дам пятьдесят рублей.

Работник деньги взял, несет половину батюшке, а другие к себе в корман.

— Вот, батюшка, я один и продал.

— Ну, ладно. Спасибо, Ванюшка, што продал. Вот, попадья, на какого работника мы нарвались, што за гнилье деньги приносит.

На второе утро поп опять посыпает работника нарубить дров. Тот пошол, вырубил опять три колышка по сажонке, приходит домой и говорит:

— Ну, батюшка, я три сажонки вырубил.

— Ну, спасибо, Ванюшка. Иди, узнай на рынке теперь, што дорого, што дешево.

Тот сходил, приходит и говорит:

— Батюшка, с-под перьев короба очень дороги. Пятьдесят рублей за штуку давают.

— Так иди, Ванюшка,—говорит,—на вышку. Там у нас есть короб с перьев, продай.

Пошол работник на вышку, а там опять дьякон в коробе лежит. Работник ему говорит:

— Ты опять зачем здесь? Сейчас пойду бате скажу.
Дьякон говорит:

— Не говори, Ваня, я тебе еще пятьдесят рублей дам.
А работник говорит:

— Нет, сто рублей давай, за пятьдесят теперь не помирю.

Делать нечего. Завертелся дьякон, но отдал сто рублей. Походил работник по рынку, приходит к попу, подает ему пятьдесят рублей и говорит:

— Вот, батюшка, я опять короб продал.

Поп и говорит попадью:

— Вот, матушка, на работника-то напали. Погляди-ка, нам опять он денег сколько принес.

А попадью это не любо. Оказывается, она любила дьякона, а дьякон — ее. Она послала записку к дьякону и попросила, чтоб больше в квартиру не ходил, а приходил к окну. Работник опять свое дело смекнул. И просится:

— Батюшка, пусти меня вот в эту комнатку к окошечку ночь полежать.

Поп не препятствует:

— Ложись, ложись, Ванюшка.

Работник лег и взял с собой вострый ножик. Когда потемнело, то слышит, — к окну ставят лестницу. И пихает в окно голову дьякону. Работник хватай и отрезал у дьякона пожом ухо. Дьякон убежал ни с чем. Наутро попадья знает, что беда. Как помириться с дьяконом? Надо чем-нибудь угостить. И говорит попу:

— Батюшка, сегодня дьякон, кажется, именинник. Надо ему что-нибудь снести.

Поп и говорит:

— Ну, делай, матушка, делай, что тебе нравится.

Сделала с сигом рыбник, вынула из печки и положила на стол. Потом говорит работнику:

— Снеси-ка, Ванюшка, гостинца дьякону.

Работник пошел, дорогой съел рыбу, а положил туда отрезанное ухо. Потом попадья пошла сама на именины к дьякону. Только лишь заходит в квартиру, хочет с дья-

коном заговорить, почему у него завязано ухо, а дьякон в это время схватил нож и отрезал ей кончик языка. Значит, она говорить больше правильно не может. Да, ле... А работник бежит к попу и говорит:

— Батюшка, я матушку по-немецки говорить выучил. Та идет в квартиру (тоже заговорить хочет), а сама лавай-лает-лау-лау. Поп думат, что она на самом деле говорит по-немецки. Отдал все жалованье работнику. Тот ушел.

НЕНЕЦКИЕ СКАЗКИ

Вылка Бегун

Когда-то напали на нас сильные Тасынеи, отца и мать моих перебили. Старший Тасыней на моей красивой сестре женился. Меня Тасыней к себе работником взяли.

Они тогда так говорили:

— Вырастим мальчишку себе на счастье, чтобы олени не убывали.

Когда я вырос, богачи Тасынеи сильным меня признали, на тяжелую работу стали ставить. Большие я мучения терпел: в худое платье одевали меня, гнилым мясом кормили и слова сказать не давали. Когда еще рос, играть не давали. Другие дети играли, я — дрова носил, воду носил, оленей пас. Когда Тасыней спали, я играть к детям тайком бегал. За то, что бегал, меня прозвали Бегун.

У Тасынеев пятьдесят работников было. Однажды работники мне рассказали, кто я есть, как наши чумы разорили, как стада увели, родных моих убили. Когда мне сказали это, тайная дума в мою голову запала.

Одной темной, глухой ночью я ушел. Погони за собой не заметил. Мои хозяева, наверно, думали: „Все равно не догнать, все равно пропал“.

День бежал, два бежал, на третий день дорогу увидел. Еще увидел следы оленей и четверых саней. По следам пошел. Большой холм увидел. На холме чум. К чуму подошел. В чуме у костра старику и старуху увидел.

— Откуда ты явился? Одежда худая на тебе, а сам по виду не простой человек.

Я все, как было, рассказал старику. Старик задумался, склонил голову и сказал:

— Знаю, все знаю, такое дело когда-то было. Как не знать. Ведь твой отец племянником мне приходился.

Потом он еще так говорит:

— Оставайся, у нас живи. Детей своих у нас нет, так вместо сына нам будешь.

Я согласился,—теплого огня, теплого приюта я давно искал. Ночь обночевал. Рано утром, чуть я глаза раскрыл, старик всех оленей пригнал, чум сломал и говорит мне:

— Жить здесь не придется нам. Здесь нас всех перебьют. Уходить надо. А ехать далеко нам, семь дней ехать. В твоей земле, у твоего отца брат остался. Брат отца мне то же, что и ты, говорил. Здесь я только разведку делал. Тебя и сестру твою у Тасынея тайно взять хотел. Брат твоего отца по Уральским горам разведку делает. К нему и поедем.

Мы к Уральским горам направление и взяли.

С северо-востока ветер подул. Сильная погода сделалась. Следы наши снегом заметать стало. Думаем: „Дорогу к нам Тасынеям не найти“.

Через недельный переход брата встретил. У брата стал жить. Из головы моей дума не выходит: „Как так отца убили, мать убили, всех оленей увезли“. Отомстить решил. В дорогу собрался. Долго ехал, может быть, целый месяц ехал. Наконец Тасынеев повстречал. Тасыней увидели меня, сказали:

— Не надо искать, сам пришел.

Тасыней войско собирали, стали стрелять. Стреляли три дня. Я много войска убил. У Тасынеев был старший сын. Он в меня выпустил семь стрел, потом четыре, потом две и еще одну. Я хорошо увертался от всех стрел, на последней стреле ошибся. Последняя стрела мне в ногу попала. Я упал.

Тридцать воинов окружили меня, хотели убить. Тогда моя сестра прибежала. Она стала просить Тасынеев:

— Оставьте брата моего жить, пусть он нашим работником будет.

Сильный Тасыней послушал мою сестру, оставил меня.

Опять я на богатых Тасынеев работать стал. Год работал, два работал. На третий год к чумам Тасынеев среди ночи двадцать тысяч оленей прибежало. Сестра вышла из чума. Потом обратно пришла и говорит:

— Люди, человек пять, пришли. Они луки держат.
Тасыней от испуга ничего не надели, к своим саням
побежали. В санях были луки и стрелы.

Тасыней стрелять стали, и те люди, что пришли, стре-
лять стали. Ночь стреляли, день стреляли, на второй ве-
чер всех людей Тасынея перебили, остался только Силь-
ный Тасыней. Потом и Тасынея убили.

Пришлые люди ко мне подошли. В них я своих двух
братьев признал. Троє других на подмогу были вызваны.
Они назывались Лагей Яптуко (Лагей Тонкий).

В чумах Тасынеев перебили всех, сестру с собой за-
брали. Двадцать тысяч оленей перешло к нам. Оленей
разделили по родам Лагей, Тайбарей и себе небольшую
часть взяли. Хорошо стали жить.

Вылка Сильный

Когда я был мальчиком, жил у брата. У брата была жена с сыном. Ни отца, ни матери я не помню,—не знаю, когда умерли.

Оленей у нас было мало: всего сто оленей.

С тех пор, как понятие человеческое запало в мою голову, живем мы двадцать семь лет. Наше стадо ни расстет, ни убывает. Жить с таким маленьким стадом было тяжело...

Однажды в длинный зимний вечер лежу я в своей постели и думаю:

„Как это так? Неужели у нас никогда не было больше ста оленей?“

Тут в мой ветхий чум заходит брат. Уселся рядом и задумался.

Я спросил брата:

— Было ли когда-нибудь у нас много оленей? Сколько у нас было оленей, когда жили отец и мать?

Брат ничего не сказал, повесил голову. Посидел-посидел, поднял голову и сказал:

— Были когда-то у нас олени, не на сотни считали их, на тысячи.

— Куда же девались эти тысячи оленей? Почему сейчас имеем сто оленей?

Он мне сказал:

— Когда ты был в зыбке, я был в другой стороне, где Енисей-река. Была у одного богатого человека красивая девка. Я был тогда там оставлен за этой девкой. Вместе мы с ней выросли. Когда выросли, приехали на свою родину. Пришел я на то место, где находился наш чум, и увидел вытоптанное оленями место. Увидел я, что все сорвано, все разбито, наша мать убита, отец убит. Только

нашел тебя на двух палочках. Женка моя приняла тебя, как своего сына, стала кормить молоком оленым. Шел год, шел второй,—с годами стал ты больше. Так вырос.

Еще говорил мне брат:

— Если итти куда, итти искать свое добро, то сил у нас на это нет.

Тогда я сказал:

— Как так сил нет, раз руки, ноги, жилы имеем! Надо вернуть свое, найти воров.

Брат сказал:

— Ты пока еще молод. Будешь больше, тогда видно будет.

— Нет,—сказал я,—отыщу их, отомщу им и верну свое.

Каждый день прошусь я итти искать свое добро, своих оленей.

Надоел брату своей просьбой. Тогда сказал он мне:

— Если пойдешь, то живым не будешь: те люди сильны, их много. Еще скажу: на такую дальнюю дорогу у нас оленей нет.

Думал он. Долго думал.

И опять сказал:

— Придется дать тебе оленей, четырех самых сильных оленей. Жена моя получила их от отца своего в подарок, когда наша свадьба была.

А потом сказал своей жене:

— Принеси, баба, кожаную большую, тяжелую сумку.

Вышла женка на улицу, еле-еле при помощи собак кожаную сумку принесла.

Брат мой вынул из сумки три кольчуги, подал мне. Я надел первый ряд кольчуг,—брать подает мне второй ряд. Надел я второй ряд,—вынимает мне брат из сумки третий ряд. Дает мне брат латы, шлем, лук стальной и палицу.

Дает мне это все брат и говорит:

— Если поднимешь на себе три ряда этих железных платьев, латы, шлем, лук и палицу, то жив будешь. В них надо уметь повертываться, бегать, прыгать.

На ноги встал я, стал ходить по дощечке. Как будто и тяжести на плечах нет.

Тогда мы с братом вышли на улицу, стали запрягать четырех самых больших быков-оленей.

Брат еще пятьсот стрел мне дал.

Уселись на санях я. Подошли ко мне все: брат, жена брата да сын брата. Когда тронулись олени, все они—брат, жена брата да сын брата—упали на землю, заплакали.

Месяц иду, второй иду. Олени уставать начали.

Как-то в полдень второго месяца на небольшом отдельном холме вижу пятнадцать чумов. А возле чумов большое стадо оленей. Приостановился я на холме. В уме оленей считаю. Насчитал пятнадцать тысяч. Думаю—не эти ли?

Я к чуму подъехал. Среди пятнадцати чумов на самой средине большой, высокий чум стоит. Около этого чума народ сидит. В народе—один большого роста мужик. Около него много людей. Я с саней на землю соскочил, около людей стал. Большой мужик смотрит на меня, глаз не спускает. Я тоже на него смотрю.

Через некоторое время его глаза опустились. Потом он опять поглядел на меня и сказал:

— Откуда явился ты, куда путь держишь, куда дорогу ведешь? Таких людей здесь не бывало. По размеру и по росту будто не простой ты человек.

Я и говорю ему:

— Из бедняков я вышел. Никого родных у меня нет: ни братьев, ни сестер, ни отца, ни матери. Где могу ночевать, там ночую.

— Отдохнуть тебе надо,—сказал мне большой мужик,— поживи у нас, небывалый человек.

Потом мужик закричал громким голосом:

— Приготовьте котел! Сварите варево ему из языков, из грудинки... Такого нежданного гостя угостить надо.

Когда было варево готово, я с большим мужиком в чум зашел. Он прямо не мог войти в чум, боком вошел, так как плечи у мужика были широкие. Я тоже боком вошел: у меня плечи шире плеч мужика были.

В своем уме держу: „Хотя ты большой и широкий, но, если дело случится, наверно ты будешь на земле, я — на верху, на твоей груди“. Надеялся победить.

К этому мужику его четыре брата пришли. Они обыкновенные.

Большой мужик к жене повернулся и сказал:

— Пришел необыкновенный человек. Нет ли у тебя водки в санях?

— У меня в санях, — ответила женщина, — пять бочечков водки хранится.

Один боченок женщина в чум притащила. Мужик водку в медный котел налил, потом медный ковш взял, ковшом водку зачерпнул и мне подал.

Я говорю:

— Воды я из речек, из озер напился. Воды везде было достаточно.

А мужик мне говорит:

— Нет, не вода это, русский напиток это. Кто напиток этот выпьет, будет говорить, веселиться.

Взял я в руки ковш с водкой, выпил. Один боченок выпили, — женщина тащит второй боченок. Большой мужик стал выпытывать меня:

— Скажи правду: откуда ты явился, куда путь держишь? Если бы ты бродячий человек был, у тебя одежды, оленей, саней таких не было бы. По саням все заметно.

И еще он говорит:

— Слышал я такой слух: месяц тому назад из Карыреки один молодой человек искать добро свое отправился. Десять тысяч оленей было уведено у отца его, когда он еще лежал на двух палочках... Скажи, — говорит, — не твоего ли брата Красным Вылкой зовут, не тебя ли зовут Вылкой Сильным?

На такие слова ничего не сказал я. „Скажу, — думаю, — плохо может быть... А может быть помогут: скажут, где мои олени находятся. По виду люди хорошие. Дурного за мими ничего не вижу“.

Тогда я сказал:

— Если ты меня Вылкой Сильным подозреваешь, может быть это так и есть. А твоя фамилия какая?

Большой мужик сказал мне:

— Нас пять братьев, и зовут нас Мандо...

Он помолчал и добавил:

— Твои враги живут на много верст от наших чумов, зовутся они четыре Вая. Кроме того, еще есть силачи, зовут их три Ора. Победить их очень трудно. Отсюда ехать к ним нужно семь месяцев.

Второй боченок кончили мы. Женщина третий боченок принесла. Вдруг слышим — на улице собаки залаяли. Тогда женщина выбежала на улицу, недолго была там, вернулась и сказала нам:

— Идет человек большого роста. Человек этот на пяти оленях идет.

Слышим мы: снег хрустит под ногами.

Заходит в чум человек, — большой человек, широкий. Заходит он тоже боком.

Когда он зашел в чум, я в своем уме держу: „Хотя ты и большой и широкий, но, если дело случится, наверно ты будешь на земле, я — наверху, на твоей груди“. Надеялся победить.

Взглянул на меня этот человек, пошел в другую сторону чума. Там сел.

Хозяин чума зачерпнул большой медный ковш водки, подал новому гостю. Новый гость три ковша подряд выпил. Веселый, разговорчивый стал. Я его спросил:

— Откуда ты явился, куда путь ведешь? Как тебя зовут, как твоя фамилия?

— Род мой Тунгус, — говорит он мне, — зовут меня Боевой Тунгус.

Ответил он мне так и спрашивает у Мандо:

— Откуда пришел твой гость? Таких людей, как он, здесь не бывало.

Мандо сказал ему:

— Это мой гость. Ищет он добро свое, которое было увезено у отца его четырьмя Ваями и тремя Ора.

Тогда Боевой Тунгус встал на ноги, вышел из чума, сел на сани, — только его и видели.

Пробыл я у Мандо семь дней. Люди они оказались хорошие.

Стал я отправляться в дорогу.

Месяц иду, два иду, три, шесть иду. Снег таять начинает, водица показалась. На шестом месяце горный хребет завиднелся. Чернеет в одной горе дыра, а в дыру люди заходят. Вошел и я в эту дыру и вышел на другую сторону гор. За горами опять низина лежала.

От черного хребта прошел я еще неделю. На седьмой день попалась мне большая, широкая дорога. Оленей по этой дороге очень много прошло. Шел я по следам оленей; куда олени идут, туда и я иду. Подвечер завиднелись чумы. Всего чумов около четырехсот было. Возле чумов много оленей паслось. Стал я оленей в уме считать. Насчитал сорок тысяч. Думаю: „Не эти ли?“

Среди чумов в самом центре четыре больших чума стоят. Из чумов дым валит, столбом выходит. Никого у чумов не замечаю. Собаки на меня залаяли. Из самого большого, богатого чума голова женщины показалась и спряталась. Остановился я. Свой совик снял. Пошел к самому большому чуму. Двери открылись во весь рост. Смотрю я — в чуме огонь горит, в котле варево варится. На одной стороне в чуме никого нет, на другой стороне мужик сидит с широкими плечами. У дверей женщина сидит и палочки в огонь кидает, а в передней части чума — девка, красивая, разными узорами платье шьет. Когда увидел меня мужик, сам он к своей жене подвинулся, меня местом наделил. Я сел. Мужик у меня спрашивает:

— Откуда явился ты, куда путь держишь, куда дорогу ведешь? Таких людей здесь не бывало. По размеру, по росту как будто бы ты не простой человек. Как тебя зовут? Как твоя фамилия?

Сказал я:

— Ни отца ни матери я не помню, жил в бедноте, промыслом занимался. А ваш род какой, какая ваша фамилия?

Хозяин чума сказал:

— Наш род, наша фамилия — четыре Вая. Оленей у нас — двадцать восемь тысяч. Чумов четыреста. У меня три брата.

После этих речей, так — через минуту, на улице послышались шаги человеческие. Дверь открыл во весь рост человек размером больше сидящего в чуме хозяина. Плечи этого человека такие широкие, что на плечах его могут два человека свободно сидеть. Подвинулся он к нашей стороне, сел рядом со мной. Попадаю я между ними в средину и про себя думаю: „Хотя ты большой и широкий, но, если дело случится, наверное ты будешь не земле, а я — наверху, на твоей груди“. Надеялся победить. После этого пришли еще два Вая. Они сели на другую сторону чума.

Хозяин сказал своим братьям:

Пойдите, убейте самого жирного оленя для такого редкого гостя.

Оленя убили, мясо в чум втащили, поперек чума положили, стали обурдить.

Хозяин сказал своей жене:

— Нет ли у нас русского напитка? В этот день мы будем праздновать, будем веселиться.

Женщина принесла бочку водки. Хозяин налил водку в медный котел, зачерпнул водку медным ковшом, подал мне. Я говорю:

— Воды я напился из речек, из озер. Воды везде было достаточно.

А мужик мне ответил:

— Это не вода, — русский напиток. Кто напиток этот выпьет, будет говорить, веселиться.

Взял я в руки ковш с водкой, выпил. Когда выпил водки несколько ковшей, стал говорить много.

Выпил я десять и больше ковшей, на лбу пот не показывался. А три Вая опьяняли, запели песни.

На улице собаки залаяли.

Через некоторое время дверь открылась во весь рост. Вошел Боевой Тунгус, которого я встретил у Мандо.

Хозяин пригласил Тунгуса сесть.

— Сего́дня со́всем сча́стливый день, — сказа́л он, — все знатные лю́ди сошлись в наш чум.

Тунгуса ста́ли водкой пои́ть. Я ковшом водку пью, одну часть пью, другую за ворот пускаю. Тунгус все пьет да краснеет. Стал разговорчи́вым, веселым.

Он говори́т Ваям:

— Хочу я вам сказку сказа́ть. Люди врут или правду говорят: у Ка́ры-реки поднялся мальчишка, который был оставлен вами на двух палочках. Он хочет свое добро вернуть, за отца и мать отомстить.

Старший Вай сказа́л:

— Как могло это быть? В такие сильные морозы, в такую сильную погоду без матери мальчик не мог быть живым.

А младший Вай добави́л:

— Он не придет сюда, а придет — не побоимся: мы руки, ноги, жилы имеем.

При этих словах я на Тунгуса гляну́л. Тунгус умолк, на ноги встал. А когда стал уходить, сказа́л:

— Если не верите, сами увидите. Не знаю, хватит ли вашей силы. Его сила непобедимая, такое мое мнение.

После ухода Тунгуса Вай опять стали вино пить и меня приглаша́ть. Стал я примечать: у меня на лбу пот выступа́ть начал. У младшего Вая тоже на лбу пот показа́лся.

Тогда я встал на ноги, сказа́л хозяину:

— Мои олени запута́лись, надо поправить.

Вышел на улицу. Сани в сторону от чума отвел. Лук железный выну́л. Сам опять в чум ушел. Там хозяин встре́тил меня с ковшом водки в руке.

— Пей водку! — говори́т.

Я выпил. Почувствова́л: начинаю пьяне́ть. Чум стал народом заполняться. Четыре Вая, замечаю я, смотрят друг другу в глаза и тайком подмигивают. Тогда я приклонил голову, будто усну́л. Слыши, — один голос тихонько говорит:

— Он пришел издалека. Наверно устал. К вину не привык: опьяне́л.

Гляжу одним глазом, — огонь во весь чум горит. Женщина плеснула воду на огонь, огонь потух, пар пошел, дым пошел, стало темно. В темноте все, сколько народа было в чуме, с ножами на меня бросились. Я быстро на четвереньках к двери пополз. Выполз к дверям, а в чуме борьба идет: захмелевшие гости друг друга колотят. Один кричит:

— Кто бьет меня? Не Вылка я, — я брат вам!

А я за двери выполз и на свои сани спать пошел.

„Если хотите, — сказал я, — бейте друг друга, я спасен...“

Рано утром из чума выходит старший Вай, подходит ко мне и говорит:

— Здесь на санях холодно, зайди в чум. Там варево варится. Вином голову поправим. У нас дело случилось худое: один брат вино пил, угорел он.

Когда вошел я в чум, там увидел: завернутый в шкуры один крупный мужик лежит. Люди опять собираясь стали в чум. Опять стали вино пить. Целый день пили.

Настала ночь. Я гляжу одним глазом, — огонь во весь чум горит. Женщина плеснула воду на огонь, — огонь потух, пар пошел, дым пошел, стало темно.

В темноте все, сколько народа было, с ножами на меня бросились. Я быстро на четвереньках к двери пополз и крикнул в дверях:

— Чудаки! Довольно вам брат брата резать. Выходите лучше на волю и поборемся со мной. Если слыхали о сильном Вылке, вами оставленном на двух палочках, этим Вылкой буду я.

Тогда все из чума выскочили на улицу. Чум изорвали: каждый торопился к своему луку. Я выскоцил к своим саням, вытащил свой лук стальной, оленей дальше от стрел увел.

Всю ночь стреляли, день стреляли, второй стреляли. На третий день я всех перестрелял. Только младший Вай скрылся. Из чумов все поразбежались.

Чтоб догнать младшего Вая, я на сани хотел в готовую упряжку сесть. На санях лежало что-то. С саней я

шкуру снял и вижу: под шкурой девка — сестра Ваев лежит. Я схватил ее за волосы, на снег вывалил, ножом хотел запороть.

Девка заплакала:

— Я не виновата. Братья виноваты. Не хочу умирать. Буду женой твоей верной.

— Хочешь быть моей женой, двадцать тысяч оленей береги, карауль! — приказал я. — Карауль оленей до моего возвращения. Я догоню твоего брата и трем Орам отомщу.

И еще сказал:

— Уйдешь куда, все равно найду.

Догоняя я младшего Вая три дня. На четвертый день вижу двески пятьдесят чумов.

Младший Вай подошел к этим чумам и крикнул:

— Поднимите оружие! Мальчишка, который на двух палочках остался, нас победил и вас победить идет.

Все Ора поднялись. Каждый к своему луку торопился. Стали стрелять. Стреляли шесть дней. На седьмые сутки я всех перестрелял. Только двое остались — младший Вай да младший Ора.

Тут я Ваю и говорю:

— Побереги себя: я в тебя стрелять буду. Уйдешь из под стрел моих, будешь победитель мой.

Я выпустил под ряд двенадцать стрел. После двенадцати выпустил семь, после семи — две, после — еще одну.

Младший Вай вертелся, прыгал, но на последней стреле запутался: свой железный лук под стрелу мою подставил, но стрела моя железный лук его пополам пересекла, у него лук лопнул. Вай в сторону удрал. Младший Ора испугался, тоже в сторону удрал. За ними я не стал гоняться. Назад вернулся.

Сестра Вая поставила чум свой в сторону, подальше от мертвых людей. Она пасла двадцать тысяч оленей.

Уже наступила весна. Я двинулся в обратный путь. Девку со всем стадом с собою взял. Продвигаться было очень трудно, но я дорогу свою вперед и вперед веду.

Олени стали телиться в дороге. Оставляли по десяти, двадцати, тридцати телят; остановку делать было некогда. Когда все олени отелились, ехать вперед нельзя было. Пришлось залетовать.

Но вот — конец лета. Первый тонкий снежок выпал. Начались морозы. Стали озера замерзать. Тогда я опять собираясь в путь стал. Через две недели попадается Енисей-река. Река местами замерзла, местами вода. Проехать или переправиться нельзя было никак. Пришлось остановиться, поставить чум. Ждал, когда замерзнет Енисей. На этом месте прожил половину месяца, потом еще семь дней. Боялся, что лед не поднимет двадцати тысяч оленей.

Однажды вечером погода была тихая. Пала ясная, морозная ночь. Думаю: „С утра можно будет переходить на ту сторону“.

В полночь двадцать тысяч оленей прибежали к моему чуму, окружили его. Вышел я на улицу. Сначала думал — волки. Потом слышу множество голосов человеческих. Один голос говорит:

— На каком месте ты видел его стадо?

Другой говорит:

— Недалеко, здесь. Сейчас увидим его чум.

Третий говорит:

— Надо ночью его убить, тайно.

Вижу: впереди идет Вай, за ним идет Ора, третьим идет Боевой Тунгус.

Младший Вай говорит:

— Сильный Вылка от нас не уйдет: я привел триста человек да Боевого Тунгуса. Мы его живым поймаем и порежем на кусочки.

Ночью стали стрелять. День стреляли, ночь стреляли.

Прибежал я к своей жене и говорю:

— Чум убирай, переходи со всем стадом за реку. Будет проваливаться стадо, — все равно иди.

Когда сказал свое слово, берегом назад побежал.

Стрелял еще около двух недель. Войско перебил. Тунгуса убил. У младшего Вая лук пересек. Он бегом побе-

жал. За ним я гнаться не стал. К стаду вернулся, — стада не нашел; все следы занесло... „Провалились, — думаю, — в реке олени, когда шли по тонкому льду“. Сам в уме своем считаю: „Десять тысяч оленей погибло, десять тысяч девка увела дальше“.

Перешел на другую сторону реки, след еле заметный увидал. Все снегом занесло, трудно было дорогу разобрать. В ночное время совсем нельзя было пробираться вперед. Ночевал в сугробах. Уставать стал. Лук свой с большим трудом тащу, по земле волоку.

Целый месяц иду, дорога все плохая, такая же. Наконец вышел на хорошую дорогу. Вижу: жена моя стояла здесь неделю назад со своим стадом. Стал осматривать снег, — вижу две палочки. Одна палочка концом вверх, другая, — набок.¹

Думаю: „Покопать бы тут под палочкой, — нет ли чего оставленного“. Под палочкой сырой снежок. Под снежком сверток нашел. В свертке была оленина. Закусил тут, отдохнул. На этом местеостоял два дня. На третий день встал, хотел идти, но ноги у меня не работают, ноги болят. Железная кольчуга и латы тело режут. Я на четвереньках пополз. Сколько дней и ночей полз, не помню. Одну возвышенность увидел. На ней было снегу мало. На эту возвышенность еле-еле забрался. Там на камешок приклонился. „Тут, — думаю, — конец: дальше идти нельзя, тут моя могила“. Заснул. Сколько спал, не знаю. Только слышу, — женский голос говорит:

— Вставай! Живой или мертвый?

Проснулся я, вижу — жена стоит.

Она говорит:

— Я долго тебя искала...

Я спросил:

— Далеко ли остановилась ты?

Она сказала:

¹ Накосо воткнуть две палочки — это у ченцев в старину означало письмо выставить.

— Половина наших оленей погибла в Енисей-реке.

Хотел встать на ноги, сам не мог. Жена меня в сани положила. Ехали три дня. Доехали до места, где остановилась моя жена. Путь продолжать было трудно: я заболел. Пришлось остановиться, жить долго. Прошла зима, наступила весна, я стал поправляться. Стал немного ходить. Прошло лето, подошла зима.

Сказал я тогда жене своей:

— Надо как нибудь к дому пробраться.

Собрались. Отправились в путь. Без остановки, без отдыха прошли семь дней. Через семь дней попадается нам Обская губа. Ледок на Обской губе был совсем тоненький, возле берега. Пришлось нам тут около месяца пробыть. Ждать, когда губа замерзнет. В конце месяца пали в Обскую губу северные ветры. Губа заполнилась льдом, замерзла. Когда лед укрепился, убрали мы свой чум. Целые сутки по льду шли. Утром пришли на другой берег. На другой стороне, на небольшом холме увидел я черное пятно. То был чум. Около чума кружилось небольшое стадо оленей. Подошел к этому чуму, вижу: сидит мужик на санях. Ближе подошел, вижу: брат мой Красный Вылка.

Обеими руками похлопал он себя по бокам:

— Как ты жив остался? Как уберегся? Оленей спас! Девку привез!

Я сказал:

— Приехал тебя проводить.

И еще сказал:

— Какая смерть человеку будет, если человек руки, ноги, силы имеет! Но не могу похвастаться: не всех победил. Младший Вай и младший Ора еще в живых остались. Сюда могут за мной большие войска притти.

— Ничего, — сказал брат, — не победили там, победим здесь.

Тут мы с братом новый чум поставили. Жили три дня. На четвертый день, утром рано, при ясной погоде, с той стороны, откуда я шел, увидали мы: идет пар, за ним большое войско увидели.

Тут я и говорю брату своему:

— Напрасно я к тебе пришел: опять войско за мной идет. Убирай свой чум, свои стада и уходи. Я останусь опять один.

— Нет, тебе одному оставаться нельзя,— сказал брат.— Тебя могут в стрелах запутать: ты свои ноги повредил. Я тебе оставлю сына своего или сам останусь.

Я согласился взять его молодого сына. Дали мы ему кольчугу, шлем. Взяли восемь оленей, харчей оставили, чтобы с голоду не умереть.

Подошли мы к берегу реки,— не пускаем на свой берег войско. Стали мы на берег и стреляли. Воевали мы тут около двух недель. Всех слабых победили,— остались только младший Вай да младший Ора.

Стрелами раздробили мы у них кольчуги и луки. И видим: под ногами у них кровь. На каждом следу кровь краснеет. К концу третьей недели совсем докончили их.

Подошли мы тогда в своим саням и поехали на оленях Красного Вылку искать. За три недели через Уральские горы перешли. Спустились к Каре-реке, где раньше жили. На том месте Красный Вылка поставил красный столб. Тут стали мы вместе жить. На Каре-реке много бедноты жило. Мою добычу— десять тысяч оленей — мы по всем беднякам разделили. Жить стали все хорошо.

Так богачи грабили наше добро. Так бедняки воевали с богатыми.

Побежденный кит

У отца моего, Старика Белой Земли, я один сын был. Сестра моя замужем была за Белыми Глазами. На самом краю земли, мы у края моря жили. Оленей у нас—сорок оленей было, у зятя Белые Глаза—семьдесят оленей.

Как-то рано утром я на вольный воздух вышел. На край берега сел. Смотрю. Предо мною—море, тихое-тихое. Надо мною — солнце горячее.

Потом я в чум пришел, говорю отцу:

— Хорошо сегодня на море. Я на промысел зверя пойду.

— Не ходи,—сказал отец.—У нас лодки хороший нет. Есть у нас лодка узенькая,—нельзя на ней далеко от берега ходить.

Нет, отец, пойду.

Ну, иди,—говорит отец.—Только далеко не ходи: на море худого много. Сейчас тихо, а ветер западет,—унесет в море.

Нет, отец, у меня сила есть, в руках жилы есть. Ветер западет, все равно до берега дойду.

Ты—чудной, смешно говоришь так! От ветра много людей погибло. От зверей морских много людей погибло. В море моржи с четырьмя клыками бывают.

А я отцу говорю:

Если морж подойдет, одним кулаком убью.

Отец еще больше надо мной посмеялся.

— Глупый ты! Не хочешь на свете жить. Где такой человек есть, чтобы кулаком моржей убивал! Это даже грешно... В море, кроме того, медведи есть, они тоже на людей бросаются.

— Что твой медведь?—говорю я.—Рукой за ухо схвачу, другой по голове убью.

— В море еще есть кит-полосатик,—сказал отец,—он лодки режет.

— Если полосатик подойдет, за кость схвачу, кулаком шею перебью.

Отец тут очень рассердился и так сказал:

— Совсем ты глупый! Если пойдешь в море, то иди. Тебя никто потом поминать не будет. Бери ружье!. Оно хорошее ружье, оно остыцким князем куплено.

— Никакого ружья мне не надо. На то я лук имею, кулак имею, на то я силу имею.

Сказал я это отцу и ушел. К морю подошел. Запасные весла взял. Лодку маленькую на воду спустил. Сел, в море поплыл. Погода хорошая, тихая. От берега далеко ушел: берег еле-еле заметен. Нигде никакого зверя не встретилось. Я и думаю: „Отец наврал: киты есть, моржи есть, медведи есть... нигде никакого зверя нет“.

Повернулся к берегу. Греб-греб-греб к берегу. Земля показалась. Немножко ветер подул. Прежде—слабо, потом сильнее и сильнее подул.

Сказал я ветру:

— Ветер безрукий, сильнее дуй! У меня руки есть. Безрукому ветру я не поддамся.

Ветер сильнее подул. Греб-греб,—весло сломалось. Вторые, запасные весла взял. Во всю силу гребу. Лодка с одной волны на другую прыгает. Пена клубком о лодку бьет, весла из рук рвет. Все дальше меня в море уносит. Берег скрылся, земля скрылась. Три дня так ветер дул. Три дня меня по морю носило, на четвертый день ветер затих. Тихонько гребу. Земля показалась. Вокруг меня нерпы начали выставлять. Я десять нерп убил, в лодку сложил. Гребу и думаю: „Долго в море ходил, очень долго. Зато промысел достал, труд мой не пропал даром“.

Вдруг рядом с моей лодкой кто-то фырнул. Гляжу—у борта морж с четырьмя клыками показался. Клыки на лодку положил.

Я и говорю ему:

— Отойди, голубчик, не тронь меня, я человек сердитый.

Морж не слушается. Тогда я его одной рукой за клык схватил, голову его вверх поднял, другой рукой кулаком по голове ударил. У моржа мозги пролились. Морж утонул.

Плыту дальше. Опять кто-то фыркает. Гляжу — медведь ко мне плывет. На лодку лапу положил. Я медведю сказал:

— Отойди, голубчик, не дразни меня, я человек сердитый. Если я дам тебе кулаком, умрешь.

Медведь не слушает. Тогда я его одной рукой за ухо схватил, другой по голове ударил. У медведя мозги пролились.

Убитого медведя я в лодку взял.

Тихонько гребу, думаю: „У меня промысел хороший...“

Вдруг темно сделалось. Вода передо мной выше горы поднялась. Из воды кто-то высокий, черный показался. Вижу — кит. Мне страшно стало... Сколько у меня было промысла — в море спустил. Ремень на животе ножом разрезал. Сколько сил имел, стал грести. Оказался кит с гребешком.

Кит не отстает от меня. Он по-человечьи сказал мне:

— Не отпуши меня. Отец твой никогда дерзости такой не имел.

Я в испуге говорю ему:

— Отпусти меня, прости мою вину. Я тебе все отдам: мать дам, отца дам, зятя дам, сколько имею оленей, всех отдам. Все отдам тебе, только от меня отступись.

Кит сказал:

— Нет, не отступлюсь. Тебя съем, твоего отца съем, мать съем, зятя и всех оленей съем; не отступлюсь.

Я задумался.

Кит говорит:

— Вот если свою сестру отдашь, отступлюсь.

Я опять задумался. Потом сказал:

— Ладно, сестру дам.

Кит сказал:

— Если не обманешь, отпуши. Обманешь, — худо будет.

— Не обману, — сказал я, — все исполнено будет.

Кит нырнул.

Я тихонько гребу. К берегу подошел. В уме держу:
„Как же я могу сестру отдать, отца отдать, мать отдать,
зятя, всех оленей отдать?.. Никого не дам“.

Только подумал так,—около берега кит выстает, рядом с лодкой оказался. От испуга, насколько силы было, к берегу загреб. На берег выскочил. Кит к берегу плывет. Тогда я рукава подальше засучил, свой большой кулак поднял и кричу киту:

— Подходи! Давай теперь силой померяемся!

Кит остановился. А я ему и говорю:

— Никого не дам: ни сестры, ни отца, ни матери, никого не дам!

Тут кит сказал:

— Ладно. Уходи. Но когда-нибудь вспомнишь меня. Когда-нибудь встретимся.

Домой вернулся. Живу. Олени вокруг тощать начали. Думаю: „Корму много, с чего тощать? Никогда этого не бывало“.

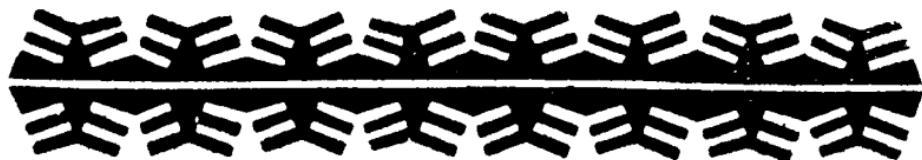
Семь месяцев живу. Олени стали падать. Отец мой, мать, сестра, зять — тоже стали худые: еле ногами двигают. Думаю: „Пищи много, отчего худеть? Никогда этого не бывало“.

Отец однажды говорит мне:

— Западет мне в голову дума такая: неладное что-то ты сделал. Лучше было бы тебе уйти от нас: умереть самому, нас живыми оставить.

Пошел я, куда попало. Сколько-то времени шел. Куда шел, сам того не знал. Впереди — ночь, позади — ночь, круглые сутки — ночь. Нигде никого нет. Даже следа нет. „Видно, — думаю, — смерть пришла. Ну, и ладно: лучше умереть одному, чем всем родным умереть“.

Лег на снег. Заснул. Должно быть, долго спал: проснулся, — было светло. Сколько хватал глаз, — кругом был лед. Теплый ветер ломал льдины. Место, где я стоял, стало шевелиться. Меня на льдине в море унесло. Не знаю, сколько плавал. Льдина моя становилась все меньше и меньше. Потом совсем маленькой стала. Думаю: „Теперь конец“.

Вдруг темно сделалось. Вода передо мной выше горы поднялась. Из воды кто-то высокий черный показался. Показался один раз — пропал, показался второй раз — узнал кита, того самого кита — с гребешком. Кит около меня очутился.

Он говорит:

— Вот где мы встретились! Не хотел дать отца, мать, сестру, зятя, оленей... Теперь я ничему не поверю.

Я сказал киту:

— Ты — большой, сильный, съесть меня всегда успеешь, времени у тебя много... Дай мне подумать.

Кит сказал мне:

— Ладно, даю тебе сроку три часа.

Кит повернулся, я вскочил киту на спину, схватил его за усы, поднял голову. Долго кит возил меня по морю.

Не знаю, сколько бы возил, только показался корабль. На корабле много людей было. Тогда кит так сказал:

— Твое счастье... Не могу я сейчас с тобой справиться. Другой раз когда-нибудь с тобой встретимся.

Я на корабль вскочил. На нем в свою землю приехал. К родному чуму пошел. А на старом месте только обломки чума да кости человеческие нашел.

Зять Белые Глаза моего отца и мать убил, только свою жену, сестру мою, оставил. Забрал ее и уехал к богатому отцу своему. Узнал я об этом и так решил: „Какнибудь сам проживу, а ему отомщу“.

Подумал так и пошел. Долго шел. Увидел чум. В нем старики и старухи жили. С ними дочь жила. Старики меня в зятя взял.

Стал и я тут жить, охотиться.

Белые Глаза услышал обо мне и с войском ночью к нам тайно в чум пришел.

Войско его перебило нас всех.

Я лежу, встать не могу.

Летит ко мне орел Белый Нос. Прилетел и крикнул. У меня глаза засветились.

Тут орел Белый Нос и говорит мне:

— Придет Большой Чудь, он поможет тебе.
Большой Чудь пришел. Я лежу. Он спрашивает:
— Ты умер, или что?
Я говорю:
 Орел Белый Нос мне память вернул.
Большой Чудь меня на ноги поставил, сам ушел.
Я стоял и думал: „Белые Глаза отца моего убил, мать
убил, теперь мою жену убил, буду с ним воевать“.
Пошел, куда попало. Долго шел. Увидел чум. В нем
старик и старуха жили. С ними дочка жила. Старик меня
в зятя взял. Стал и я тут жить, охотиться.
Зять Белые Глаза опять услышал обо мне и опять ночью
с войском к нам тайно в чум пришел. Войска его пере-
били нас всех.
Я лежу и встать не могу.
Летит ко мне орел Белый Нос. Прилетел и крикнул.
У меня глаза засветились.
Орел и говорит мне:
— Придет Малый Чудь, он поможет тебе.
Малый Чудь пришел. Я лежу. Он спрашивает:
— Ты умер, или чего?
Я говорю:
 Орел Белый Нос мне память вернул.
Малый Чудь меня на ноги поставил. Потом мне пояс
дал. Дал и сказал:
 Пояс этот храни. Пояс утеряешь, худо будет. Тебя
убьют. Нас тоже убьют.
Малый Чудь ушел.
Я стою и думаю: „Белые Глаза отца моего убил, мать
убил, жен моих убил, меня убивал. Буду с ним воевать“.
Опять пошел. Опять чум увидел... (Сказка повторяется).
... Я лежу и встать не могу. Орел Белый Нос прилетел
и крикнул. У меня глаза засветились. Но я всю силу по-
терял: худой, слабый стал.
Белый Нос тут мне так говорит:
 Теперь к тебе никто не придет. Пояс ты потерял.
Себя погубил и нас всех погубил.

Я встал и потихоньку пошел. Долго шел, пока чум не встретил. В чуме том парень молодой жил.

Парень спросил у меня:

— Куда ты идешь?

— Иду, — говорю я, — искать войско Белых Глаз, хочу с ним воевать.

Парень засмеялся и говорит:

— Можешь ли ты воевать с ним! Ты слабый, а он — колдун, и хитрый. Его нельзя убить.

Парень еще так сказал:

— Белые Глаза многих людей погубил. У меня есть лук и стрелы. Я тоже буду воевать с ним.

Пошли мы вместе искать Белые Глаза. Долго искали. Наконец встретили. Стали воевать. Тут к нам сестра моя пришла. Я спросил у нее:

— Не можешь ли ты мой пояс у Белых Глаз украдь?

Она говорит:

— Белые Глаза под голову пояс кладет.

Я говорю:

— Белые Глаза заснет, тогда и укради.

Ночью Белые Глаза заснул. Сестра пояс украла и мне дала. Опять я сильным стал.

Тут Малый Чудь к нам пришел. Большой Чудь тоже пришел. У них семь братьев было. Они тоже пришли. Все помогать нам стали воевать. Долго воевали. Белые Глаза убили. Все его войско перебили.

Кончили воевать, в свою землю поехали.

Парень на моей сестре женился. У парня тоже сестра была. Я на его сестре женился. Тут стали жить.

Однажды я пояс надел и к морю на промысел пошел. Парень мне говорит:

— Не хвастай силой своей, на море поедешь — не приедешь.

Я к морю пришел. В лодку сел. Только от берега отъехал, показался кит. Спина у кита, как пила.

Кит мне тут и говорит:

— В этот раз от меня ты не уйдешь.

Я весла опустил, кита за усы схватил и ему рот разодрал. Кит долго по морю меня таскал, а потом говорит:

— Не могу с тобой справиться. Ты сильнее меня. Больше тебя не стану трогать.

С тех пор водяной дух не трогал больше нас. Промыслу многое мы добывали. Помногу мяса морского зверя привозили. Все мясом кормили. Всем стало жить хорошо. Моря никто не боялся.

Смерть

Семь братьев жили—семь Сэрулеев. Еще—сестра с ними. Братья играли, прыгали. Даже на большой дороге останавливаются и играют.

Когда-то все на возвышенном месте стояли. Братья опять играли. Сестра под горой была, своих оленей держала. Вдруг со стороны показалась Смерть. Скелет приблизился, одной рукой голову держит.

Смерть подошла к сестре, на ремень упряжки ногой наступила.

Кончили братья играть, поехали. Девка не может ремень стащить. Удивляется. Братья поехали, потом вернулись. Все смотрят. Хотят ремень взять—не могут. Старший хозяин сказал:

— У нас есть старичок знающий, он все объяснить может.

Старика позвали. Старик в медный бубен семь раз стукнул, перевернулся семь раз, потом закричал:

— Сколько раз вам не шуметь советовал! Сейчас тут Смерть стоит! Если ремень резать будете, хорошо не обойдется: умереть можете.

Долго стояли братья, долго думали. Потом сестру на месте оставили. Ей чум поставили. Сами дальше поехали.

Сестра семь дней так одна жила. На седьмой день девке Смерть на глаза показалась. Девка в чуме на одной стороне лежит, Смерть—на другой.

Смерть сказала девке:

— Я пойду, ты никуда не ходи. Пойдешь—съем.

Когда сказала, пропала с глаз.

Еще жили семь Повер—тоже братья. У них тоже сестра была. Семь Повер играют, сестра оленей держит.

Увидела их Смерть, подошла к девке, на ремень наступила. Все поехали, девка не может с места тронуться. Осталась одна.

Смерть ремень повернула, девку в чум к сестре Сэрулеев увела.

Стали жить две девки в одном чуме. Жили долго. Осень наступила. Снег выпал. Холода начались. Замерзли ручьи, реки, озера. Смерть опять девкам на глаза показалась.

Она сказала:

— Я пойду, вы никуда не ходите. Пойдете — съем.

Долго шла Смерть, увидела людей: много чумов стоит, люди спят.

Смерть думает: «Никуда не уйдут, лучше завтра приду».

Достала из зубов огонь, костер сделала. Легла около костра. Из чумов один человек на волю вышел. Назывался этот человек старший Лидяги. Еще он назывался Ильданг.

Посмотрел Лидяги на край леса, там Смерть увидел. Крикнул людям:

— Вставайте! Ехать надо! Смерть недалеко лежит.

Живо чумы сломали.

Перед тем как поехать, семь оленей убили.¹ Старший Лидяги две палки накосо воткнул для знака. Одну палку — одной стороной, другую — обратной воткнул.

Смерть заснула...

Все поехали.

Утром Смерть встала. Пошла к тому месту, где чумы стояли. Семь убитых оленей увидела. Потом две палки увидала: одна палка назад, другая — вперед накосо поставлены. Смерть подумала:

„Наверно Лидяги так поставил“.

Задумалась Смерть. Обратно вернулась.

Пришла Смерть в чум. Первая девка — сестра Сэрулеев — женой Смерти стала. У девки родился сын. Другому ребенку надо год расти, — девкин сын в один день растет.

¹ Совершили жертвоприношение.

Скоро вырос. Тут Смерть опять девкам на глаза показалась. Своего сына на руках Смерть держит. Потом сказала сыну:

— Теперь я спущусь под землю. Там три года ходить буду. На третий год к вам приду. Тебя съем и мать съем твою. Всех людей есть буду.

Сказала так Смерть и пропала, как утонула.

Живет сын два месяца после того. Совсем большой стал. Он сказал:

— Я пойду, вернусь через два года.

Долго шел, два года шел, впереди сто чумов увидел.

Пришел: семья Сэрулеев сидят, он с ними рядом сел.

Старший Сэрулей спрашивает:

— Что ты за человек? Таких здесь не бывало.

Сын сказал:

— Мой отец — Смерть, мать — ваша сестра. Узнаешь или нет?

Когда так сказал, узнал его старший Сэрулей.

— Чего тебе надо, человек? — спросил Сэрулей.

— Мне железный лук надо, длинный лук в семь сажен, две стрелы надо. Длинный нож семи четвертей, саблю, медный бубен, железные лыжи надо.

Жил тут сын девки два месяца. Сделали ему все, что просил. Он все взял и поехал.

„Теперь буду драться, — решил он, — иначе Смерть придет, добра не жди: всех съест“.

Дошел до своего чума, лыжи снял, в чум вошел. Взял бубен, стал бить (шаманить). Слышит: отец идет, зубами камни грызет.

Целых семь дней в бубен колотил. Мать около дверей сидела.

Вдруг потерялась мать, словно утонула.

Опять в бубен семь дней колотил. Из земли большой, круглый камень выскоцил. Сын Смерти медный бубен бросил, схватил лук и стрелу и заправил. Слышит... Смерть идет. Земля трясется, камни летят в разные стороны. Тогда он в камень выстрелил. Стрела пробила камень. На семь саженей глубиной в камне яма сделалась.

Смерть из этой ямы выскоцила. Рот и нос ее были песком набиты. Сын тогда бросил лук, схватил саблю железную и Смерти голову отрубил.

Голова Смерти вверх полетела, по чуму покатилась, зубами стучит.

Сын в голову выстрелил, голова в мелкие куски разлетелась.

Потом он ножик взял, стал туловище Смерти на части резать.

Смерть порезал, стал песок копать. В песке мертвую мать нашел. Унес мать в чум, около матери ножик положил и сам сел тут же. Медный бубен взял и семь дней колотил в него.

Через семь дней мать на семь кусков разрезал. Составил куски, как были, в бубен стукнул, мать живая стала.

Потом опять бубен взял, на улицу вышел. В яму спустился, ножик на кости Смерти положил. Сам так сказал:

— Если, отец, в другой раз придешь,—плохо будет, хуже тебе придется. Еще своим товарищам-смертям скажи. Пусть тоже не приходят, я не боюсь их.

Взял он тут медный бубен, стал колотить то в одну, то в другую сторону.

А Смерть кричит:

— Пусти меня! Замучил ты меня...

Взял сын ножик, стукнул им, и кости Смерти под землю ушли.

Уходила Смерть и говорила:

— Хотела я всех людей поесть. Теперь буду только по приказу Нума есть. Нум не захочет—оставлю человека. Нум захочет—съем.

Черный шаман

Была у меня жена, двух сыновей имел я, оленей имел, чум. Однажды рано утром семь волков прошло мимо моего стада. По следам узнал: были крупные волки.

Думал я: „Перережут теперь они все стадо. Надо их убить“. Поехал на лучших четырех черных оленях по следам волков. Олени быстро идут, стали они нагонять волков. Увидели меня волки — начали выть. А я в голове держу: „Не уйдете теперь от меня“.

Еще быстрей погнался за волками. Целый день гнался: не могу нагнать. Прошло еще пол-дня, волки — все впереди.

Говорю сам себе:

„Как это так? Никогда волки не уходили от меня, теперь догнать не могу. Должно быть, шаман на меня волков напустил. Значит: или я умру, или жену и детей моих убьют“. Как сказал эти слова, разом волков нагнал. Убил волков. Шкуры снял. Отдохнул. Поехал к чуму.

Сильный северный ветер подул. Дышать стало трудно. За ветром большая пурга пришла. Дальше ехать нельзя стало. Остановил оленей, в сани лег. Семь дней пурга стояла, на восьмой день пурги нет. Далеко стало видно вокруг. Опять дальше поехал. Осмотрел я место, сам думаю: „Как это так? Отсюда были видны чумы, теперь ничего не видно“.

Подъехал еще ближе, ничего не увидел. Жены и детей тоже не увидел. Местами следы увидел. Поехал по следам. Еду три дня, ничего не вижу. На седьмой день новые следы нашел. Четыре дня еду по новым следам. Вижу новое место. Тут, видно, совсем недавно чум был, костер был. Увидел два уголька, как две палочки. Один уголек лежал на боку. Стал копать в этом месте, мясо нашел. Мяса поел, дальше поехал. Думаю: „Значит жена моя жива и сыновья мои живы“.

Еще три дня еду. Нашел новые следы. К вечеру увидел: много людей реку переходят. Отошел в сторону, влез на дерево, прикрылся ветвями, ожидаюсь. Смотрю: мимо меня люди идут, на последних санях жена лежит и два моих сына сидят. Увидели меня сыновья и говорят матери:

— Гляди, отец на дереве сидит.

А жена плачет:

— Где ему тут сидеть? Давно, наверно, он от погоды погиб, или убили его. Черный шаман его убил и нас теперь убьет.

Я тут выскочил и сказал им:

— Молчите! Враги услышать могут. Я ночью к черному шаману приду. Всех перебью и вас высвобожу.

Просидел так до ночи. Ночью подкрался к чумам врагов и крикнул им:

— Вставайте! Биться с вами буду.

Они выскакивают из чумов, а я стреляю. Они выскакивают, а я стреляю. Стрелял три дня. Всех перебил. Один черный шаман ямальский в живых остался. С ним я долго стрелял. У него лук сломался. Тогда убежал он от меня в другую сторону. Хотел я догнать его, но не мог: сил не стало, от долгого пути ноги ослабели. Оленей собрал. Постояли еще четыре дня тут. Постояли, потом на свое старое место поехали.

Три года живу на старом месте. Однажды ездил смотреть оленей. Встретил одного человека. Он мне сказал:

— На тебя черный шаман ямальский собирается. С большим войском он идет. Тебе будет трудно бороться с ним. Без помощи не обойдешься.

Пришел я невеселый в чум.

Жена спрашивает:

— Почему ты сегодня такой темный?

Я сказал жене:

— На меня собирается тот шаман, который убежал тогда. Трудно мне будет одному бороться с ним: у него войско большое.

Жена мне и говорит:

— У меня три брата есть, три сильных брата. Они наверно помогут нам. Надо к ним ехать.

Прошла ночь, а утром мы к братьям жены поехали. Едем неделю, две, месяц. До братьев ехать немного осталось. Поставили чум. Переночевали. Утром дальше отправились. Ехали три дня, потом два дня, потом еще один день. Вдали чумы показались. Подъехал к одному чуму,— сидят старики и три его сына, три брата жены. Сильные они, большие. Спросили они меня:

— В чем нужду имеешь и отчего давно не бывал?

Говорю я им:

Нужда большая привела меня к вам. На меня собирается войско большое. Черный шаман на меня собирается. Пришел к вам помочи просить.

Сказали они тогда:

— В этом деле мы поможем тебе. Черный шаман—это злой шаман. Он и на нас напасть собирается.

Собрались мы и поехали войско шамана искать.

„Хуже будет,—решили мы,—если он первым нападать станет. Тогда все чумы разобьет, жен и детей перебьет“.

Искали-ездили семь дней. На восьмой день увидели большое войско черного шамана.

Настречу войску пошли. Стрелять начали. Бой три дня тянулся. На четвертый день всех врагов кончили. Вернулись к чумам. Стали жить все вместе. Стада объединили: хозяйство наше стало общее. Тогда хорошо жить стали, нужды не имели, врагов не боялись.

Красивый мужик

Мои братья в Обдорск собираться стали. Я стала просить их:

— Возьмите меня с собой!.. Я с вами поеду.

Младший брат закричал:

— Зачем, что делать будешь?

А старший брат согласился:

— Пусть едет, пусть едет...

Оленей запрягли. Отправились. Приехали в Обдорск. Братья у одного хозяина остановились. Хозяин знал, что мы приедем, и ожидал нас. Когда мы в дом хозяина вошли, у него на столе бутылки стояли. Братья стали вино пить. В доме жарко-жарко было. Я вспотела. Хозяин сказал:

— Девка, девка, сядь у окошка!

Хозяин открыл окно. Я сижу, смотрю... Вдали показался один мужик на четырех белых-белых оленях. Близко подходит. Совик у него тоже белый-белый, как снежок. А лицо у него — румяное лицо. Глаза, как огонь, горят, узенькие, как маленькие черточки. Мужик остановился... Входит в нашу комнату. На скамеечку со мной рядом сел. Обхватил меня и обнимать начал. Тут младший брат сказал:

— Как это, как это так?.. Мужики не так любят. Мужики к себе не манят. Мужику выкупать надо, а не обнимать. Выкупать за лису, за песца.

Красивый мужик говорит:

— Даю, даю песца, сто белых песцов, тридцать пять голубых песцов. Сорок красных лис, двадцать пять хороших оленей!..

Младший брат все сердится и говорит:

— Это нам не нужно, не нужно. Ты сделал позорное дело для нас.

Он выдать меня замуж за него не соглашался.

Красивый мужик встал на ноги. Стал уходить и ногой мою ногу чуть-чуть тронул...

Мужик ушел. Я встала. Побежала к дверям. Вышла на улицу. У красивого мужика олени были в запряжке.

Мужик говорит:

— Девка, садись на сани.

Я села. Села, и мы отправились. Братья остались.

Подъезжаем мы к чуму мужика красивого. На улице никого не было.

Мужик закричал:

— Мать, мать, выходи на улицу! Я невесту привез. Сколько раз говорила ты, что не могу я невесту найти. Теперь привез.

Из чума выходит старушка. Оглядела меня. В чум повела.

Стали мы жить, хорошо жить. Год прошел, второй прошел.

Муж говорит:

— Дай мне малицу, пимы.

Даю и спрашиваю:

— Куда ты, куда едешь?

Муж говорит:

— К братьям, к братьям твоим. Когда сидели в гостях, надо мной смеялись они.

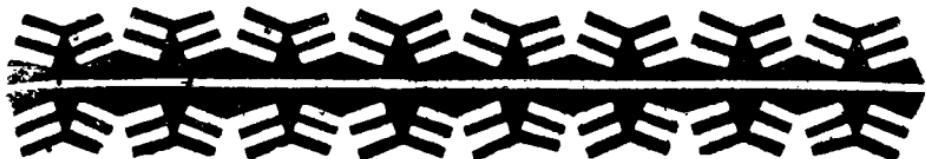
Я тут просить его начала:

— Только старшего брата не тронь. Я его жалею, очень жалею.

Муж пошел. Недели две прошло. Он приходит — весь в крови испачканный.

Говорит мне:

— Двух братьев — обоих убил. Старшего брата не тронул. Старшего брата не убил.

Олень и мышь

Олень жил около горы, мышь около болота жила.

Не трудилась мышь, а хорошо жила: другие на нее работали.

Один раз шел мимо болота олень и повстречался с мышью.

Мышь говорит:

— Здравствуй, олень! Куда ты пошел?

Олень сказал:

— На работу иду: травы надо поесть, воды попить.

— Давай, поиграем в прятки, — говорит мышь.

Олень согласился.

— А кто вперед будет прятаться? — спрашивает олень.

— Прячься ты, — говорит мышь.

Олень спрятался, но мышь скоро его нашла: олень никак не мог в траву рога спрятать.

— Теперь, давай, я буду прятаться, — говорит мышь оленю.

Спряталась мышь в высокую и толстую траву, и не мог ее олень найти, а мышь прогрызла в толстом стебле дырочку и забралась в самую верхушку, притаилась там и сидит.

„Трудно найти мышь, — думает олень, — лучше буду мох есть“.

Проголодался олень и стал мох и траву щипать. Вместе с травой проглотил и мышь, а она только того и ждала. Радуется мышь легкой поживе, прогрызла брюхо у оленя и выпрыгнула.

Олень от боли упал и умер.

Не умеет мышь шкуру снять, да и лень ей с оленем возиться. Потому она своих работников крикнула:

— Эй, ворон, сними шкуру с олена! Сала я хочу.

Прилетел ворон и стал оленю глаз клевать.

Поглядела на него мышь и говорит:

— Никуда ты не годный работник. Таких работников мне не надо.

Прогнала мышь ворона, чайку позвала.

— Эй, чайка, сними с олена шкуру! Кишки я тебе за работу дам.

Прилетела чайка и стала кишками вытягивать.

Прогнала мышь и чайку. Стала зверей сзывать.

— Эй, звери, работники мои, идите шкуру снимать.

Пришли песцы и другие звери, стали они шкуру снимать.

— Я,—говорит мышь,—буду спать, а вы снимайте, на то вы и работники! Мне все сало оставьте и мясо самое лучшее, а себе остатки возьмите.

Легла мышь и заснула, а когда проснулась, зверей не увидела. От олена только рога да копыта остались.

Рассердилась тут мышь. Стала хиреть-хиреть и вскоре умерла.

Старинные песни

Талань

Ты талань моя, таланушка таланистая,
Талань участь, горя-горькая!
На роду талань уписана,
В жеребью ли талань выпала,
Со делу ли доставаласе,
Со младости до старости,
До седата бела волоса!
Во лесу ли леса не было,
Во миру ли людей не было,
Во миру ли людей не жило,
На мне ли, на младешеньки,
Женихов ли на мне не было.
Женихи были хорошие,
Сватовья были богатые,
Из Питера молоды купци,
Молоды купци, артельщики,
Здумал-выдал меня батюшко
Што за вора, за разбойничка,
За денного подорожничка,
За ночного полуночничка.
Он со вечера коня седлал,
Со полуночи в разбой уехал,—
А ко белу свету домой приежжал:
— Ты жена ль, моя сударушка,
Отпирай, жена, воротичка,
Запушшай мужа-разбойничка!
Ты умой платье кровавое,
Ты стирай да не рассматривай,
Полошиши да не размахивай.—
Половину платья вымыла,—
Увидала братову рубашку,

Задрожали ноги резвые,
Приопали руки белые,
Я одва домой, баба, пришла.

Уж ты, муж, ты муж-разбойничек,
Денной ты подорожничек,
Ночней полуночничек,
Зачем убил моего братца родимого,
Тебе шурина любимого?—

— Глупа, глупа, молода жона,
Неразумна дочь отецкая!
Где возьму тебе братца родимого,
Мене шурина любимого?
Я со вечёра коня седлал,
Со полуночи в разбой съежжал.
Как сегодняшнюю-ту очиньку
Никому разбору не было:
Ни отцю было, ни матери,
Ни братьям и ни сестрицам.

Мало спалось молодцу

Мало спалось молодцу, да много виделось—
Привиделся-то молодцу нехороший сон:
Будто меня, молодца, добром конь да разнес,
Добрый конь да вороненъкой спод браным ковром,
Спод браным коврышком, зеркальчатым да седлом,
Под браным, шитым коврышком да седельышком,
Черкаско седельышко да с тасменой уздой.
Свалилась-то с молодца шапка-то да картуз.
Знать-то мене, молодцу, во несчастьице жить,
Во таком-то несчастьице — во солдатах быть...

Пей же, моя буйна головушка

Пей же, моя буйна головушка, не спивайся
Во пропое, моя буйна головушка, не печалься,
С государевыми целовальничками расплачуся.

Не по-летнему всхожое солнышко землю греет,
Не попрежнему отец с матушкой сына любят,
Соживают-то доброго молодца со подворья,
Наделяют-то доброго молодца путь-дорожкой.
Я пошел, пошел, добрый молодец, сам заплакал,
Со своими с родными с родителями не простился:
С половины пути-дорожечки воротился,
Все под задним, под кутным окошечком колотился:
„Да вы прощайте, отец с матушкой, все родные,
Ты еще же прощай, моя любушка любезная.
Повезли-то меня, доброго молодца, во солдаты,
Во солдатушки, доброго молодца, все на службу

Во три верха во немецких

Во три верха во немецких
Сидят молодцы турецки,
Они сидят у стола,
Писать очень мастера.
Подмастерья с мастерами
Тонко платье составляли,
Тонко платье бельчаты,
Есть цепочки золоты.
Фабриканты молоды
Заиграли во струны,
Во струны, струны, струны,
Струны серебряные.
Утешали, ублажали
Красну девку в терему,
Красну девку в терему
У крестьянина в дому.
У крестьянина в дому
Есть три дочки хороши:
Что первая помилее,
Втора — лучше — веселее,
Третья — сама черноброва,
Завсегда плясать готова.
Плясучи девка упала,

Парню на руки попала.
— Постой, молодец, не чурай,
Я сама, девка, не дура—
Петербургская натура.
Я во Питере была,
В Москве три года жила,
Три науки провела,
Полюбила молодца,
Полюбила, подарила,
Что нигде такого нет,
Нет ни в Питере, в Москве,
Нет во Астрахани.
Откуль взялся-проявился?
Из Архангельска-города,
Из Архангельска-города,
У крестьянина в дому.

Что-то ли во нынешнем-то во годе

Что-то ли во нынешнем-то во годе
Тяжело жити во народе
Молодому да человеку,
Молодому да холостому,
Наипаче да женатому.
Что из Питера да из Сенату,
Что из города да из Кронштату
Скорая почта да прибегала,
Со указми да со приказми.
Все указы да прочитали,
По губерниям да рассыпали,
По всем мелким да околоткам.
Молодых ребят да имали,
Резвы ножечки да ковали,
Белы ручушки да связали,
В дубовы те сани бросали,
Во Новгород да отвозили,
Во приемну да приводили
Да под меру да становили.

Медны меры да забренчали,
Командиры да закричали.
Кричит: „Лоб!“—кричит да: „Затылок!“
Их на дубов стул да садили,
Белым мылом да намылили,
Вострой бритвой да забривали.
Все солдатушки да сидя плачут,
Новобранные да рыдают.

Ой, по дороженьке

Ой, по дороженьке было по широкой
Тут ишла-прошла силушка армия,
Сила армия да конногвардия.
Три полка солдат, да все были молодые,
Все молодые, да все были безбородые.
Середи полка да знамена несут,
Знамена несут, барабаны бьют,
Барабаны бьют, артикул мечут.
Ружья светлые—замки крепко бьют,
Замки крепко бьют, во поход идут.
Во поход идут, да во дорожечку,
Во дорожечку, да не во дальнюю,
Не во дальнюю, да во печальную.
— Братцы молодцы, друзья наши, товарищи!
Где нам день-то дневать, да ноченьку коротать?—
— Во сыром бору, да во темном лесу.
Мать сыра земля—ты наша постельюшка,
Зло-то кореньице—то наше зголовьице.
Буйны ветры вьют—то наше одеяльышко.

Ты проштай-ко, сторонушка родная

Проштай, родина моя.
Благослови-ко, маменька да родная.
Быть может, на смерть я уйду.
Бог-то знает, когда вороцю я ся
Я на родину свою.

Пойду, выйду на турецкое поле,
Грудь слезами оболью.
Тут злодейка меткая да винтовка
Из-за кустышка убьет.
Тут прилетит злодейка меткая пуля,
Сразу через грудь пройдет.
Кровь прольется алоя рекою,
Шум поднимет в небесах.
Ай, так-то от большого шума
Разны птицы налетят.
Разнесут ли мое тело бело
Все по мелкиим по цястям.
Идет маменька моя родная,
Прослезится надо мной:
— Што ж ты спиши ли, дитя, мое да муценье,
Не промолвишь ницего!—
— Рад бы, рад бы, маменька, да промолвить,—
Уста кровью затекли.
Дер. Хачела

Я не думала на сем свете тужить

Я не думала на сем свете тужить,
Не думала понапрасну слез ронить (2).
Пришло время, нацяло сердце крушить;
От крушеньца головушка болит (2);
С возрыданьца сердецьку стало тяжело.
Злые люди замечают-ты оны, глядят (2),
Миня, девушки, ругают и бранят.
Я не слушала руганья ницего (2);
Я любила верна дружка одного.
Я при миленьком смела, я весела (2),
Без мила дружка пецяльна завсегда;
При пецяли-то не могу письма писать (2),
Созову в гости названную сестру;
С названушкой писемьце напишу (2);

Я со мальчиком писемце отошлю.
Вечер был я на поштовом на двори (2),
Получял письмо от любушки сицяс;
Принял в руки, не мог на стуле усидеть (2),
Распецятал, головушкой покаял;
Стал цитати, полились слезы из глаз (2).
Пишет девица-красавица, радость моя:
Приди, миленькой, я оценно больня (2);
Што трудна, больня, в постелецьку слегла;
Ты не придешь скоро, жизни я лишусь (2),
С тобой, миленькой, заоцъно распрошшусь;
Не мила мне здесь прекрасна сторона (2);
Не заводят короводы для меня;
Короводы не утешат горьких слез (2);
Я пойду с горя поплацио в темной лес.
На травоньке цветы алы не цветут (2);
На цветоцъках мелки птицы не сидят;
Соловейко громких песен не поет (2).
Село Кянда, Арханг. губ.

Цвели в поле цветики

Цвели, цвели в поле цветики,
Да сповяли;
Любил, любил милой девушку,
Да спокинул;
Спокинул милой девушку
Не надолго,
Не надолго времязъко,
На цясоцик.
Мне цясоцик кажется
За денецик;
Мне денецик кажется
За недельку;
Неделька кажется
За май месяц;

Май месяц-от кажется
За полгода;
Полгодоцька кажется
За годоцик.
Уезжает миленькой
В городоцик;
Я за своим миленьким—
Во следоцик.
Я за своим миленьким
Не гонюся,
Гонится душа моя
Все за мною,
За мною, девицей,
Красотою.
Как у меня, девицы,
Коса коротенька.
Голосом крицяла,
Да милой не слышит;
Платиком махала,
Да милой не видит;
Тяжело вздохнула—
Да обвернулся,
Обвернулся милой,
Рассмехнулся:
Не моя ли то милая
За рекою,
За рекою за Невагою
Платье моет,
Платье моет, слезно воет,
Слезы ронит?
Дер. Моржегорская, Арханг. губ.

Во тумане красное солнце

Во тумане красное солнце, оно во тумане;
При пецяли красная девица, она при великой:
Сердце слышало великую собе невзгоду;

Вещевало да мое ретивое, оно не сказало;
Наконец моя головушка веульно споцивает,
На кого же меня, бедну, несчастну, милой оставляет,
Уж я несчастна, красная девица, на свети родилась;
Я недолго со любезным дружком поводилась;
Только с ним ли со любезным с тем дружком
рассталась.

При пути-то было, при широкой, при большой дорожки,
Там стояли новы высоки, новы покой,
Штоль в эвтих новых высоких, новых покоях
Сидел душечка да удаленькой ли размолодчик;
Он оперся ли белой грудью, парень, на окошко;
Горючи слезы ронит парень за окошко.

Село Чекуево.

Осенние злые комары

Осенние злые комары,
Ай, не дают-то мне комароцки-то ноцьки спать, (2)
Бедной Катеньке осеннюю коротать. (2)
Цють заснула я, молодешенька, рано на заре, (2)
Нехорошой сон привиделся во сне,
Нехорошой от сон, да сон привиделся во сне:
Будто мой-то милой вдоль по горенке прошел, (2)
Ко мне, сонною, ко кроватоцьке подошел, (2)
Как он белую зановесоцьку в руки брал, (2)
Шито-браное одеяло открывал. (2)
На мое лицо прилежно посмотрел, (2)
Сказал: „Любушка, вот пойдем со мной гулять, (2)
Во широкие короводицьки со мной постоять (2)
В короводицьке девке на ногу ступил, (2)
Он ступил-то, ступил, алу лентоцьку девке подарил; (2)
Он за лентоцьку три годика любил. (2)

Гор. Шенкурск.

Как ли во нашей во деревне

Как ли во нашей,
Как во нашей во деревне,
Во веселой слободе,
Во веселой слобо...
Жил мальчишко лет в семнадцать,
Не женатой, холостой;
Не женато... холос...
Как любил-то свою девку,
Обещался замуж взять.
Обещался замуж...
Его люди науцяли:
Ты спросись-ко у отца.
Ты спросись-ко у о...
Позволь, батюшко, женитца,
Позволь взять, кого люблю.
Позволь взять, кого лю...
Отец сыну не поверил,
Што любовь на свети есть:
Што любовь на све...
Есть на свети люди равны,
Надо всех ровно любить.
Надо всех ровно лю...
Отвернулся сын, заплакал—
Прямо к Саше в теремок.
Прямо к Саше в тере...
Под окошком постуцялся:
Выйди, Саша, на цясок,
Выйди, Саша, на ця...
Выйди, Сашинька, на цасик,
Разгуляемся с тобой.
Разгуляемся с то...
Дай мне руку, дай мне праву,
С руки перстень золотой.
С руки перстень...
Не отдашь с руки перстенька,

Не увидимся с тобой.
Не увидимся...
Пошел, вышел на крылецько,
Востру саблю обнажил.
Востру саблю...
Обнаживши востру саблю,
Себе голову срубил.
Себе голову срубил.
Покатись, моя головка,
По шелковой по траве.
По шелковой...
Тогда отец сыну поверил,
Што любовь на свети есть.
Село Еменк.

Из-за лесу, из-за гор

Из-за лесу из-за гор раз молодчик выезжал.
Припев: Ой, калина, ой, малина,
Раз молодчик выезжал.
Раз молодчик выезжал да к Катюшеньке заезжал.
Припев: Ой калина, ой, малина,
К Катюшеньке заезжал.
Станови, милой, коня середи нова двора.
Припев: Ой калина, ой, малина,
Середи нова двора.
Середи нова двора, среди батюшкова.
Припев: Ой, калина, ой малина,
Среди батюшкова.
Ты пожалуй, милый мой, да в светлу горенку со мной.
Припев: Ой, калина, ой, малина,
Да в светлу горенку со мной.
Повесь шляпу и сюртук да на серебряный на крюк.
Припев: Ой, калина, ой, малина,
Да на серебряный на крюк.
Ты пожалуй, милый мой, да в теплу спаленку со мной.
Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да в теплу спаленку со мной.

На ту пору, на тот час да муж из Питера сейчас.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да муж из Питера сейчас.

На новой же двор зашел,—ворона коня нашел.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Ворона коня нашел.

— Это что у тя, Катюша, что за коник вороной?—

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Что за коник вороной?

— Я во рыночек ходила, ворона коня купила,—

Припев: Ой, калина, ой, малина

Ворона коня купила.

В светлу горенку зашел да сюртук, шляпочку нашел.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Сюртук, шляпочку нашел.

— Это что у тя, Катюша, что за шляпа и сюртук?—

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Что за шляпа и сюртук?

— Вечер гости прогостили, сюртук, шляпочку забыли.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Сюртук, шляпочку забыли.

В темну спаленку зашел, да добра молодца нашел.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да добра молодца нашел.

— Это что у тя, Катюша, что за парень молодой?

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Что за парень молодой?

— По тропиночке я шла—сиротиночку нашла.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Сиротиночку нашла.

Мне не грех бы сиротинку напоить и накормить.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Напоить и накормить.

Напоить и накормить да в сюртук, шляпу нарядить.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да в сюртук, шляпу нарядить.

В сюртук, шляпу снарядить да на добра коня посадить.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да на добра коня посадить.

На добра коня посадить да в путь-дорожку проводить.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да в путь-дорожку проводить.—

На добра коня посадила, в путь-дорожку проводила.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

В путь-дорожку проводила.

В путь-дорожку проводила, слезно плакала по нем.

Припев: Ой, ралина, ой, малина,

Слезно плакала по нем.

Возвращаюсь я домой, да муж смеется надо мной.

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да муж смеется надо мной.

— Это что у тя, Катюша, призаплаканы глаза?

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да призаплаканы глаза?

Призаплаканы глаза. да приутерты рукава?—

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да приутерты рукава?

— Я у маменьки была, да лежит маменька больна.—

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да лежит маменька больна,

— Не обманывай, Катюша, был миленок у тебя.—

Припев: Ой, калина, ой, малина,

Да был миленок у тебя.

У Катюшки муж гуляка

У Катюшки муж гуляка. (2)

Припев: Эх, ягода ты моя, сударыня дорога,

‘Муж гуляка.

Ходил к Катеньке не рано. (2)

Припев: Эх, ягода ты моя, сударыня, дорога,

Да не рано.

Носил пряничков не мало. (2)

Припев: Эх, ягода ты моя, сударыня дорога,
Да не мало.

Один карман с орехами,
А другой-от с конфетами.

Припев: Эх, ягода ты моя, сударыня дорога,
С конфетами.

От орешков зубам больно,
От конфетов сердцу тошно.

Припев: Эх, ягода ты моя, сударыня дорога,
Сердцу тошно.

Сердцу тошно, гулять можно. (2)

Припев: Эх, ягода ты моя, сударыня дорога,
Гулять можно.

Гулять можно осторожно. (2)

Припев: Эх, ягода-ты моя, сударыня дорога,
Осторожно.

Гордена

Нам сказали про Ивана,—конь-от вороной.
Ой, не вороной, не вороной, у его белый да худой.
У его белый да худой, да и тот не свой,
Ой, в людях выпрошон, да в ногах выползан.
Нам сказали про Ивана, что убор-от золотой.
Ой, не золотой, не золотой, у его липовый худой.
Нам сказали про Ивана, что узда-та на меди.
Ой, не на меди, да постеголенки худы.
Нам сказали про Ивана, что дуга-то высока.
Ой, не высока, не высока, да черемшиночка худа.
Нам сказали про Ивана,—пошевеночки новы.
Ой, не новы, не новы, у его розвальни худы.
Нам сказали про Ивана,—богосужена баска.
Ой, не баска, не баска, она сутула да худа.
Да у ей кошачье рыло и собачьи глаза,
Ой, собачьи глаза да кобылья голова.

Постеголенки—веревки и черемшиночка—из черемухи; пошевеночки—выездные сани; богосужена—невеста.

Вечор девок

Вечор девок,
Вечор девок, вечериночка сидит.
Пришел к девкам,
Пришел к девкам незванный гостенек.
Не зван, не ждан,
Не зван, не ждан, гостям чествовать пришол.
Вот стали де...
Стали девки перешептываться,
„Уж мы чем будем,
Чем мы будем гостя потчевать?
Пивцом, винцом,
Пивцом, винцом, сладкой водочкой“.
Одна девка,
Одна девушка смелее была всех.
Брала парня,
Брала парня девка за волосы.
Через стол тащит,
Через стол тащит, волосыице трещит,
Через скамью,
Через скамью перебрасывала.
— Постой, девка,
Постой, девка, черну шляпу позабыл.
Во той шляпе,
Во той шляпе алый плат, алый плат.
Во том плату три узла, три узла.
Первый узел,
Первый узел—белила, белила,
Второй узел,
Второй узел—румяна, румяна.
Третий узел
Третий узел—сладки прянички.—
— Спровожу парня,
Спровожу парня на улицу гулять.

(Каждая строка повторяется два раза).

Посеяли девки лен

Посеяли девки лен, (2) девки лен. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Говорят, ште девки лен.

Посеяли, пололи, (2) вот пололи. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Говорят, ште пололи.

Белы ручки кололи. (2) Вот кололи, кололи. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Говорят, ште кололи.

Повадился паренек, (2) вот паренек. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Говорят, ште паренек.

Ко девушкам во ленок, (2) во ленок, во ленок. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Говорят, ште во ленок.

Со льну цветы сорывал, (2) вот сорывал, сорывал, (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Говорят, ште сорывал.

За Дунай-речку побросал, (2) побросал, побросал. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Побросал да побросал.

Ты, Дунай-речка, не примай, не примай. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Не примай да не примай.

Ко бережку прибивай, (2) прибивай, прибивай. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Прибивай да прибивай.

Ко бережку, ко лужку, (2) ко лужку, ко лужку. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Ко лужку да ко лужку.

Ко серому камешку, (2) ко камешку, камешку. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,
Ко камешку, камешку.

У сера камня искры нет, (2) искры нет. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,

Искры нет, искры нет.

У своей жены правды нет, (2) правды нет. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,

Правды нет, правды нет.

У чужой жены правда есть, (2) правда есть, (2) правда есть.

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли.

Правда есть, правда есть.

Своей женке лапотцы, (2) лапотцы, лапотцы. (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,

Лапотцы, лапотцы.

Чужой женке башмачки, (2) башмачки, башмачки, (2)

Припев: То ли, се ли, ну ли, ште ли,

Башмачки, башмачки.

Ты, молодка молодая

Ты, молодка молодая, (2) молодая, молодая,

Где ты ходила, гуляла, (2) вот гуляла, вот гуляла.

— Я гуляла в чистом поле, (2) в чистом поле,

чистом поле.

В чистом поле под кусточком, (2) под кусточком. (2)

Под малиновым листочком, (2) вот листочком. (2)

Две девицы танцевали, (2) танцевали, (2)

Два молодца выбегали, (2) выбегали, (2)

Два молодца молодые, (2) молодые, (2)

Не женаты—холостые, (2) холостые. (2)

Они секли по пруточки, (2) по пруточки, (2)

Да делали по гудочку, (2) по гудочку. (2)

Вы, гудочки, не гудите, (2) не гудите, (2)

Мово батю не будите, (2) не будите. (2)

Мой батюшка со похмелья, (2) со похмелья, (2)

С великого перепою, (2) перепою. (2)

Родна мати за рекою, (2) за рекою. (2)

За рекой вино курила, (2) вот курила, (2)

Зятя допьяна поила, (2) вот поила. (2)

Лучше бы я, девушка

Лучше бы я, девушка, у батюшки жила,
Эх, с утра день до вечера улоньку мела,
Да улоньку мела, эх, мела, мела улоньку,
Распахивала.¹

Распахивала, эх, распахала улоньку,
Ко батюшку пошла.

Ко батюшку пошла, эх, кофеюшку грешного
С месяц не пила.

Эх, с месяц не пила, эх, сварила немножечко
И тот пролила.

И тот я пролила, эх, с этого я горюшка
Во зелен сад пошла.

Во зелен сад пошла, эх, сяду я, младешенька,
Под зелен кусток.

Под зеленою кусток, эх, послушаю, девушка,
Что пташки поют.

Да что пташки поют, эх, поют, поют, пташечки,
Насвистывают.

Да насвистывают, эх, с миленьким дружоч(и)ком
Разлуку мне сулят.

Ой, недозрелая калинушка

Ой, недозрелая калинушка, да ее нельзя заломать,
Ой, нельзя заломать.

Не доросла красна девушка, да ее нельзя замуж взять,
Ой, нельзя замуж взять.

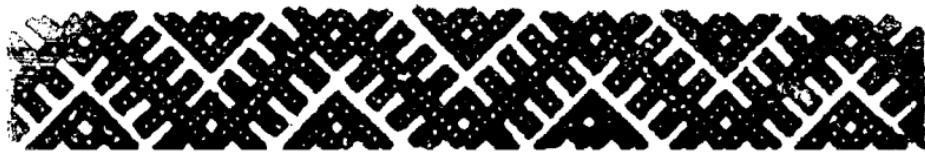
Ведут дружка в солдатики, да меня замуж отдадут,
Ой, меня замуж отдадут.

Он бежит, бежит скорешенько да по калинову мосту,
Ой, по калинову мосту.

По калинову мосточку да тройка коней бежит,
Ой, тройка коней бежит.

Не мою ли тут сердешную да ко злату венцу везут,

¹ Распахивала — подметала.

Ой, ко злату венцу везут.

Ты постой, моя хорошая, да постой, милая моя,
Ой, постой, милая моя.

Рада, рада бы стояти, да тройка коней не стоит,
Ой, тройка коней не стоит.

Ты постой, моя хорошая, да хоть словечко скажи,
Ой, хоть словечко скажи.

Рада, рада бы сказать, да теперь воля не моя,
Ой, теперь воля не моя.

Не моя теперь уж волюшка, да жених сидит подле меня,
Ой, жених сидит подле меня.

Ой, вейтесь, вейтесь, кудерки

Ой, вейтесь, вейтесь, кудерки... вейтесь, завивайтесь.

Припев. Лели-лели, лешеньки,
Вейтесь, завивайтесь.

Ой, чует, чует Оленька на себе невзгоду.

Припев. Лели-лели, лешеньки
На себе невзгоду.

Ой, на себе невзгодушку—велико солдатство.

Припев. Лели-лели, лешеньки,
Велико солдатство,

Ой, пойдет, пойдет Оленька в солдаты служити.

Припев. Лели-лели, лешеньки,
В солдаты служити.

Ой, в солдатах служити, на часах стояти.

Припев. Лели-лели лешеньки,
Ружьедо держати.

Ой, от казенна ружьеда белы ручки щиплет.

Припев. Лели-лели, лешеньки,
Белы руки щиплет.

Ой, от тесных сапожек резвы ножки давит.

Припев. Лели-лели, лешеньки,
Резвы ножки давит.

Ой, сбежал, сбежал Оленька, сбежал с караулу.

Припев. Лели-лели, лешеньки,
Сбежал с караулу.

Ой, бежал, бежал Оле́нька, ночью торо́пился.
Припев. Лели-лели, лешеньки,
Ночью торопился.

Ой, во шелковой траво́ньке весь он измо́чился.
Припев. Лели-лели, лешеньки,
Весь он измо́чился.

Ой, у родного батюшкы на ночлег проси́лся.
Припев. Лели-лели, лешеньки
На ночлег проси́лся.

Ой, пусти, пусти, тяте́нька, пусти обогреться.
Припев. Лели-лели, лешеньки,
Пусти обогреться.

Ой, Оле обогреться, сыну обсу́шиться.
Припев. Лели-лели, лешеньки,
Сыну обсу́шиться.

Ой, рад бы я пустити да боюсь государя.
Припев. Лели-лели, лешеньки,
Боюсь государя.

Ой, спасибо, тяте́нька, на теплом ночлеге.
Припев. Лели-лели, лешеньки,
На теплом ночлеге.

Ой, спасибо тебе, маменька, на мягкой перине.
Припев. Лели-лели, лешеньки,
На мягкой перине.

Не сова ли жито мелет

Не сова ли жито мелет,
Воробей-ёт подсыпает,
Да горностаюшко рыщет,
Он по погребу скачет,
Он столы собирает,
Он яства сочиняет,
Он питья-то готовит.
В эту пору-время
Лизавета Ивановна
Стала мыться-белиться,

Хорошо ле снаряжаться—
На плечики солопчик,
На резвы ножки башмачки,
Как на шею шаль бухарску,
На головушку платочек,
Надевала чусы-рясы,
Во ушках серьги жемчужны,
Как на ручушки колечко.
В эту пору, в это время
Как пришли ли ей сказали:
— Как Ивановна Лизавета,
Твои деточки приехали,
Твои рожоны наехали,
С промыслом они, с наживой,
Как с большой они добычей,
Как с корыстного со промыслу.—
Тут Ивановна Лизавета
На крылечушко выбегала,
Она за ручушки хватала
Она своих детей рожоных,
Она крепко их обнимала,
Да к ретиву сердцу прижимала,
Да во уста их целовала:
— Да уж вы, дети мои рожоны,
Да вы счастливо ль ездили
Во путях да во дорогах,
В широком да переплесье?—

Не во нашем полюшке

Не во нашем полюшке не всколыбнется,
Там един чудный напев в поле слышится.
Пастушок там напевал песню дивную,
Он во песне вспоминал свою милую.
Навязалась на меня скука грозная,
Не велели мне любить черноокую.
Я другую всполюблю себе милую,

Я на платье ей куплю шелка-бархата,
Я сережки ей куплю с чиста жемчуга,
Я кольцо ей подарю обручальное.
Два словечка ей скажу—оба тайные,
Скоро с нею мы тогда повенчаемся.
Будем жить мы, поживать лучше старого,
Будем друг друга любить лучше прежнего.
Я куплю-то ей сережечки серебряные,
И другие—золотые—со подвосточками.

Нам не для чего с дому торопиться

Нам не для чего с дому торопиться.
Жить-то и у тятеньки в доме хорошо,
В чужих людях, людях рано будят,
На работоньку гонят до зари.
Нам чужая работа не по силе,
С той работоньки рученьки болят,
Болят ручки, ноют мои плечи,
С взыханья бела грудь болит.
Жаль мне, бедненькой, дружка милого,
Жаль мне сокола мила-молодца:
Мой родимый скрылся-удалился
И покинул меня, бедну, сиротой.
На прощанье мне милый мой оставил
С ручки перстень золотой,
День на рученьке я перстень тот носила,
К ночи перстень во взголовье я клала...

На отлете ясный сокол

На отлете ясный сокол
Из очей моих, из глаз,
Уезжает душечка, моя радость,
Жить во дальненьких, дальних, мил, городах,
Жить во дальних, дальних—незнакомых,
Незнакомых городах, во чужих.
Сколько слез я, бедная, роняла

По голубчике по милом, по своем,
Во слезах дружочка я просила:
— Хоть немножко, милый поживем.—
— Мне нельзя,—сказал,—радость, не можно,
Нельзя, душечка милая моя,
Злы-лихи соседи про нас судят,
Не советуют тебя любить,
Велят девушку любить иную,
Старопрежнюю велят мне позабыть.—
Я в ту пору, дружка, тебя забуду,
Как закроются мои глаза,
Как закроют тело мое белое
Тонким, белым, белым полотном,
С гор песочиком меня позасыпают,
Серым камешком девушку завалят.
Я на камешке, бедная, срисую,
На картинке, девушка, распишу,
Всем подругам, девушка, закажу я:
Любо-ласковы-то мои подружки,
Не любите вы, девушки, никого.

Что на тихой на заводи

Что на тихой на заводи,
На тихой лебединой,
Что не павушка плавала,
Не павины перья ронила.
Не куна жалобилася
И не ясному соколу
И не черному соболю:
Жалобилася и плакалась
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому,
Младу ясному соколу:
— Уж ты, братец, ты братец мой,
Удалой добрый молодец,
Проступи, сударь братец мой,
По всей светлой светлице,

По столовой новой горнице
До снарядна дубова стола,
До солнышка до красного,
До родителя батюшка,
До сударыни матушки.
Попроси, сударь, братец мой,
Родителя батюшку,
Государыню матушку,
Зачем рано вскручинились
На меня молодешеньку,
И на мою буйную голову,
И на драгу девью красоту.
Во всей светлой светлице
И столовой новой горнице
Все подружки красуются,
Все милы прокладаются;
Одна я не красуюся
При своей девьей красоте.—
Как ответ держит брат сестре:
— Ты, сестрица родимая,
Не клади судьбы жалобы
На родителя батюшка,
На государыню матушку.
Ты клади судьбы-жалобы
На злодейку-сватью большую,
На большую, лукавую,
Лукавую, вилавую,
На змею семиглавую,
На вралью редкозубую;
Как ходила сватья большая
Не путем, не дорогою—
Все тропами собачьими,
Хоботами змеиными,
В день поутру ранешенько,
В ночь по позднему вечеру;
Она кланялась низешенько,
Говорила потихошеньку,

Она хвалила, нахваливала
Чужу дальню сторону,
Сторону незнакомую
И богоданых родителей:
Как чужа дальня сторона,
Она медом поливана,
Виноградом насеяна,
Черносливом горожена.
Не жила млада, не ведала,
Пожила — все спроведала
Про чужу дальнюю сторону
И про богоданых родителей:
Богоданые родители
Не добры они, не ласковы;
Как чужа дальня сторона
Она тоскою насеяна,
Слезами поливана,
Кручиной горожена.

Улица ты наша широкая

Улица ты наша широкая,
Трава-мурава шелковая!
Уж ты чем, улка, изукрашена?
— Все гудками и волынками,
Веселыми скоморохами,
Удалыми красными девицами,
Молодыми молодицами.—
Невеличка птичка-пташица,
С моря на море птица перелетывала,
Все моря-то птица спроведала;
Садилася да птица-пташица
Середь-то моря, моря на камешок,
Середь синего села на беленькой,
Учала птичка слушати,
Что не кичет ли лебедь белая,
Не рыдает ли красна девица.
Кичет, кичет лебедь белая,

Плачет, плачет красна девица
На восходе ясной зорюшки;
Плачет, плачет красна девица:
— Не отдай меня, матери, старому,
Уж и старый муж—погубитель мой,
Погубил мою буйну голову,
Спорудил он девью красоту,
Все девичье да украшеньице.—

Вылетала бедна пташка

Вылетала бедна пташка на долину,
Выроняла сизо перье на ширину,
Быстрой ветер их разносит по дубравы,
Слабый голос раздается по пустыни.
Не скликай-ко, бедна пташка, к себе деток:
Злой стрелок убил малюток для забавы,
Все гнездо твое рассеяно под дубом...
Были ноченьки осенние дождливы.
Бродит по полю несчастна горемыка
Единешинька с печалью со кручиной,
Черны волосы бедняжка вырывает,
Белу грудь свою лебедушка терзает:
— Раскрывайся, мать сыра земля могила,
Пропадай ты, красота моя злодейка,
Онемей ты, сердце нежное, как камень.—
Я пропала не виною—простотою,
Я не думала, что есть в любви измена,
Я не знала, что притворно можно плакать,
Во руках его читала клятву сердца,
Из за тя, тиран, я с матерью рассталась,
От родных своих, от дому отказалась,
За бедой своей летела на чужбину,
За позором пробегала горы, степи,—
Будто б дома женихов мне не сыскали...
Не расти в пустыне хмелю без подпоры,
Не цветти цветку под солнышком осенним.

Из свадебных обрядов Мезени

1. Сватовство

Сват приходит, низко кланяется и становится под матицу.

Родители: Проходите, садитесь, рады гостю.

Сват: Я пришел к вам за добрым делом, а не в гости... Я пришел к вам за сватовством. У вас есть невеста (имя и отчество), а у нас жених (имя и отчество), нельзя ли их в одно место соединить? (Кланяется.)

После приглашения сват проходит в горницу, садится на „спахнутый“ хозяйкой стул. Хозяйка берет „за гребень самовар“, и начинается угощение. За самоваром идет беседа с родителями: если „думно давать“, то дают короткий „строк“, когда же думают отказать, то родители с поклонами говорят: „Благодарим покорно за сватовство. Если не найдете невесту, да если не сойдетесь нигде, так милости просим“. На это сват отвечает: „Порато ждать не как“, и откланивается.

2. Заручение

Приходят жених и близкие родные. Все садятся за стол. Через некоторое время приводят невесту. Жених и невеста обручаются кольцами: жених дает невесте кольцо, а невеста — жениху. После обручения молятся, а затем жених целует невесту и дает ей подарок (чаще материи на кофту или на платье). За столом жених целует невесту и садится рядом с ней. Начинается угощение (кофе или чай, рыба, пироги, студень, сдобное печенье и пр.). За заручением следует вечеринка. Вечеринки эти устраиваются за несколько дней до свадьбы.

3. Вечеринка

Приходят на вечеринку все девицы, за ними собираются и парни. Старшие родственники отсутствуют. Родственницы или подруги выводят невесту. Невеста поет — „плачет“:

Я ступила, бела лебедушка,
На дубовы да сени крашены.
Попрошу же, бела лебедушка,
Уж вы дайте да путь-дороженьку.
Я берусь-то, бела лебедушка:
За скобку-то да за медную,
Открываю да двери на пяту.
Я ступаю, бела лебедушка,
На дубовы да полы крашены,
На сосновы да перекладинки.
Уж вы да раздайтесь, люди добрые,
Раздвиньтесь да православные,
Вы налетны да ясны соколы,
Вы удалы да добры молодцы.
Уж вы, жоны, да жоны мужние,
Уж вы, вдовы да благочестивые,
Недорослы да ясны соколы,
Малолетни да красны девушки,
Мне-ко дайте да путь-дороженьку,
Мне не узкую, не широкую,
Мне не конем-то парой проехати,
Не коляской да прокатитися,
Одним следом пропустити
Мне до кругу-то, кругу девьего,
До моих милых подружечек.

Затем невеста становится перед иконою и причитает:

Среди полу я становилася
Перед иконой да чудно-образа,
Перед иконой да божьей матери,
Перед лампадой да масла горного,
Перед свечкой да воску ярого.

Невеста обращается к девушкам с такими словами:

Попрошу же я вас, покланяюся
Высока места почетного,
Широка угла переднего.

Невеста садится и плачет:

Посадили меня, обнизили,
Пожалели места почетного,
Широка угла передnego.
Посадили меня, лебедушку,
В то место слезливое,
В то место печальное.
Вы на што же да рассердилися?

Невеста здоровается с девицами:

Уж вы здравствуйте, белы лебеди,
Уж вы здравствуйте, красны девицы,
Все милы мои девицы-подруженьки,
Порядовны любы соседушки.
Извините вы меня, голубушки,
Што не вышла я, вас не встретила
Посреди-то скатной улицы,
Посреди двора широкого.
Не за гордостью, не за леностью,
Не за работушкой тяжелою,—
Я в тоске-горюшке находилася,
Горючими слезми уливалася.
Скажу жа я вам, подруженьки,
Порядовны любы соседушки,
Что восхоже-то солнце красное,
Как родитель-то, отец-батюшко,
Рассердилсе да разгневалсе
На меня-то, бедну девушку.
Он задал-то руку правую,
Запоручил бедну голову,
Запросватал девью красоту.

Невеста просит девушек спеть ей песню:

Попрошу жа я, бедна девушка,
Всех милых моих подруженек,
Порядовых милых соседушек,
Я в последний-то раз, в остаточках:
Уж вы спойте да мне-ка песенку,
Уж вы спойте да мне, припойте
Все гульбы-то мои, прохладушки,
Все пиры, девьи забавушки.

Девушки в ответ на просьбу невесты поют:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за лесу, лесу дремучего
Тут летит стадо серых гусей,
Да серых малых утицей,
А второе—белых лебедей.
Вот отставала тут лебедушка
Как от стада лебединого,
Да и приставала тут лебедушка
То ко стаду, ко серым гусям.
Не умела тут лебедушка
По мелким-то ручьям плавати,
По гусиному-то гикати.
Шта начали серы гуси
Так белую лебедь щипати;
Как белая лебедь — гикати:
— Не щиплите вы меня, гуси серые,
Не сама я к вам залетала,
Не свою я охотою,
Злой великою неволею
Занесло меня к вам да погодою.
Занесли-то к вам да ветры буйные,
Злы погодушки великие. —
Отставала тут Катеринушка,
Отставала тут Матвеевна
Прочь от батюшки, от матушки,
От велика да рода-племени.
Приставала тут Матвеевна

Ко чужому роду племени,
Ко чужому отцу-матушке.
Не умела Катеринушка,
Не умела Матвеевна
На головушке управити,¹
Злой свекровушке уладити.
Еще начали чужи люди,
Богоданные родители
Катеринушку журить, бранить,
Катеринушка стала плакати,
Матвеевна—жалобиться:
— Не журите вы, чужи люди,
Богоданные родители,
Не сама я к вам во двор пришла,
Не своею я охотою.
Как завез меня сам молод^ъкнязь,
Как Иван-то Иванович,
На своих он, на добрых конях,
На добрых конях, на уступчивых.

После этой песни невеста причитает:

Я скажу да вам, поведаю
Про свое горе великое,
Про свои слезы горючие:
И собиралася жа туча грозная
Как со всех-то четырех сторон,
С севера и до запада,
Со холодного ветра шолонника,²
Собралась да соединилася
Против нашего дома да благодатного.
Как из этой тучи да грозной
Вылетала да громова стрела,
Она проломила да тесовой сарай,
И прострелила да потолочину,

¹ Надеть головной убор.

² Юго-западный ветер, как побережник — северо-западный, полуночник — северо-восточный, обедник — юго-восточный ветер.

И залетела да во светлу светлицу,
Во столову да нову горницу.
Отыскала она восхоже да солнце красное,
Родимого отца-батюшку,
Она прострелила его ретиво сердце.
Он после этого рассердился,
Да распрогневался на меня-то, на голубушку,
Он задал-то руку правую,
Запоручил да буйну головушку
Во чужи-то люди да добрые,
Во чужи-то да православные,
За чужа сына отеческого.

Невеста вспоминает день заручения:

Я скажу-то вам, поведаю
Всем милым моим подруженькам,
Задущевным любым соседушкам:
Я сидела-то, бела лебедушка,
За столами-то за дубовыми,
За скатертями да за камчатными,
За питьями да за разналивчатыми
Со чужим-то да родом-племенем,
Со чужим-то сыном отеческим.
Я скажу-то вам, поведаю,
Как чужой-то да сын отеческий
При родных-то моих родителях,
При чужом-то роде-племени
Он стыдил-то меня, бесчестил,
Он брал меня за праву руку
И как левой да за трубчату косу
И целовал меня, бесчестил
В уста мои сахарные.

Затем приходит на вечеринку жених с товарищами и родственницами-девицами. Невеста перестает плакать. Жених кланяется гостям, целует невесту, дарит ей материал на повойник или шпильки, гребенки.

Девушки поют жениху:

Нам сказали, что Иван-то не грозен.
Он грозен, грозен, не милостив,
Што гроза его великая,
Красота неизреченная.
Он ходил-гулял по улице,
Он ходил-гулял по широкой,
Заходил он да во бел шатер.
Он девицу берет за руку,
Как княгиню первоначальную,
Как невесту зарученную,
Да Екатерину Матвеевну.
Он ей брал да за праву руку.
Пожимает руку об руку,
Изломал у ней злачен перстень
С дорогой медной ставочкой.
Тут девица испугалася,
Душа красна перепалася.
— Уж я как да скажу батюшку,
Уж я как да скажу матушке!—
— Уж ты глупа дочь отеческа,
Уж ты так скажи батюшку,
Уж ты так скажи матушке:
„Я брала-то свои золоты ключи,
Отмыкала окованы сундуки,
Вынимала черноплисово сукно.
Я ходила да к закройщикам,
Я к закройщикам — к портным мастерам,
Я кроила-то Ивану-то кафтан,
Я кроила да Ивановичу.
Чтобы он ему не долог был,
Чтобы он ему не короток был,
По подолу бы раструбистой,
По середке пережимистой,
Чтобы ему лехко на конечках скакать,
Хорошо ему разъезживати“.

Потом девушки поют невесте:

Уж ты свет наш алманьщица,¹
Екатерина Матвеевна:

„Я сего года не иду замуж.

На новый год не вздумаю“.

Как пошла, пошла Катеринушка,

Как пошла, пошла Матвеевна

Не за князя—за боярина,

Не за купца здешнего города,

Как пошла, пошла Катеринушка,

Как пошла, пошла Матвеевна

За детину тароватого,²

За Ивана Ивановича.

Ты на что, душа, прельстилась?

— Я прельстилась, красна девица душа,

На Ивана-то Ивановича.

На вечеринке бывает угощенье. Угощаться уводят только жениха с его родственниками и невесту с близкими родственницами. Угощают чаем и печеньями. В это время девицы и парни пляшут под плясовые песни:

Во лузях, во лузях,³

Ишо во лузах зеленых, во лузах

Вырастала трава шолковая,

Расцветали цветы лазоревы,

Все лазоревы прекрасные цветы.

Уж я той травой выкормлю коня,

Уж я выкормлю, выхолю его,

Поведу я коня к батюшке.

— Батюшко, родный мой,

Ты прими да слово ласковое,

Ты прими слово приветливое.

¹ Обманщица.

² Хорошего.

³ Все строфы этой песни повторяются по два раза.

Не отдай, не отдай меня,
Не отдай замуж за старого.
Я стара мужа насмерть не люблю,
Со старым мужем гулять не пойду,
Для стара мужа постель не стелю,
В три ряда каменья наложу,
Во четвертый ряд крапивы настелю.
Со каменья бока заболят,
Со крапивы бока спрыщевеют.—
Уж ты, прялица, кокорица моя,
С горя выброшу на улицу тебя.
Стану прядь да подергивать,
По соседушкам побегивати.
У соседа нет весельца,
Моя мила не осердится.
Моя мила по дорожке шла,
Да чернобровый барабан нащла,
Колотила, барабанила,
Из-за лесу дружка манила.
Из-за лесу, лесу темного,
Из-за садика зеленого.
Недалеко перелесочек,—
От милого нету весточек.
У Егорья на горе,
Рано, рано на горе,
Да у фабришны во дворе,
Рано, рано во дворе
Играл мастер во скрипицы,
Утешал красну девицу,
Рано, рано вот девицу.
Утешав, девка уснула
У милого на коленях,
Рано, рано на коленях,
У милого под гуслями,
Рано, рано под гуслями.
Мил во гуслицы играет,
Рано, рано вот играет,

Меня, младу, утешает,
Рано, рано утешает:
Встань, девушка,
„Встань, белая лебедушка.
Вон едет твой батюшко,
Вон едет, скоро будет,
Скоро будет бранить,
Рано, рано бранить“.
Я батюшки, батюшки,
Батюшки не боюсь,
Я желанного, желанного,
Желанного нисколько.
Мне батюшко, батюшко,
Батюшко волю дал,
Мне желанный, желанный,
Желанный вспотакал.
„Гуляй, дочи, до полночи,
От полночи до зари,
До вечерней до поры“.
Што зорюшка, зорюшка,
Зорюшка занялась,
Уж я млада, уж я млада,
Уж я всподнялась.
Всподнявшись, всподнявшись,
Всподнявшись, гулять пошла,
Со гулянья, со гулянья,
Со гуляньица пришла,
Со игранья, со играньица,
Со играньица прибрела.
Улка ты, улка моя,
Широка улка, не топтанная,
Красна девица не смотренная,
Молодица не целованная,
Ище люди-то в людях живут,
На людей люди улаживают,
Свекровушкам уноравливают.
У меня была свекровушка лиха,

Зла, лиха-добра неласковая,
Расканалья неприветливая.
Посылает туда и сюда,
В темный погреб за пивом и вином.
В погребу девка замешкаласе,
Зелена вина натрескаласе.
Холостому стакан меду подала,
А женатому зеленого вина.
Холостой стакан меду не примат,
Ко стакану белу ручку прижимат.
Золото мое колецко изломал,
Золото мое, серебряное.
Пособи бог вечерка дождать,
Неродного сына—пасынка.
Насмутьюсь я сыну-пасынку:
— Ты сходи-ко, сын, во новый городок,
Ты купи, сын, шолкову плеточку,
Поучи молоду свою жену.—
— Не диковина в новый город сходить,
Не убыток шолкову плетку купить,
Не бесчестье молоду жену учить,—
Не можно ли, мама, так отложить?

Пляшут на вечеринке и русскую, но не под песни, а под гармонь. Невеста и жених в пляске участия не принимают, а только в начале вечеринки жених берет за руку невесту и ходит с ней под песни; то же самое делают парни и девушки поочереди. Частушки на вечеринках не поют, их поют большей частью девушки, когда шьют невесте белье („приданое“) и в „невестиной бане“.

4. Поседки

Поседка бывает накануне венца, днем. Сходятся девушки и поют песни невесте:

Не павушка по дворику-то ходила,
Не павино першидо ронила,
Катеринушка-то по горенке ходила,

Как Матвеевна по светлой гуляла,
Ко стеклянному-то шкафу приходила,
Со немецким замком-то говорила:
— Ты, немецкий замок-то, отомкнися,
Кипарисные двери, отопритесь,
Отец с матушкой да пробудитесь!
Мне не век да у вас вековати—
Одна ноченька да ночевати!
Да уж как мне ее да коротати,
Стоя ли, мне простояти,
Лежа ли, мне пролежати,
Сижа ли, мне просидети,
Али богу ли встать— помолиться,
С отцом матушкой да рас проститься,
С родом-племенем да разостаться.

На поседках девушки зовут невесту в баню:

Я беру да двери за скобу,
Открываю двери на пяту,
Уж вы дайте, люди добрые,
Путь·дорогу нам широкую—
Пролететь да белым лебедям,
Проступить да красным девицам
Што до места, до места печального,
Места печального, места слезливого,
До девицы, до души красною,
До княгини, до первобрачною,
До невесты, до зарученною,
До Катерины, до Матвеевны.
Парна баенка истоплена,
Сильны щолоки да принагреты,
Шолковы веники да принапарены,
Медны тазики да приначищены,
Бело мыльце приналажено.
Ты пожалуй-ка, да Екатерина Матвеевна,
Во свою да парну баенку,
Во свою девью последнюю!

Невеста благодарит девушек так:

Спасибо, да белы лебеди,
Вы девицы, да души красные.
Вас не всех же да по имени,
И не всех да по отечеству,
Всех почти вас за единою,
Што вы звали да величали
Как меня, да красну девицу,
Как в мою девью последнюю баенку!
Ты, родима да моя маменька,
Ты пожалуй да в парну баенку,
Как помытца со мной да попаритца,
Во мою девью последнюю.
Ты, родимой мой, ведь, батюшко,
Ты, пожалуй да в парну баенку,
Как помытца со мной да попаритца,
Во мою девью последнюю.
Ты родима моя сестриценька,
Ты пожалуй да в парну баеньку,
Как помытца со мной да попаритца,
Во мою девью последнюю.

Затем невеста, причитая, приглашает в „парну баенку“ „братьицев“, „соседок порядовных“, „подружек полюбовных“ и всю родню. Она причитает:

Попрошу жа да я, лебедушка,
Попрошу жа, да красна девица:
Подойди ко мне, родима моя сестриценька,
Ко мне, на горе на великое,
Ко мне на слезы на горючие.
Не огонь же — пломя свищет,
Не калены да искры сыплются,
У меня льются да горючи слезы.
Што же вы рассердились да разгневались
На меня то, белу лебедушку,
На меня-то, красну девушку,

Мне не век жа у вас вековати,
Мне не зиму у вас зимовати,
Мне не весну у вас весновати,
Мне не лето да работати
И не осень да жито жати,
А мне ноченьку только ночевати,
И уж как мне ее скоротати?
Стать богу ли мне помолитца,
С родом·племенем, с родителями распространитца.
Все прошлое мое прокатилось,
Все часочком да миновало,
Серым заюшком проскакало.
Ох, темнечушко, сколь тошнехонько,
Сердце кровью да обливаетца,
Печеными да запекаетца.

После этого девушки ведут невесту в так называемую „невестину баню“. В продолжение всего шествия девушки распахивают дорогу веником, который потом забрасывают на крышу бани или перекидывают через баню. В бане невеста и девушки угощаются вином, брагой и гостинцами, при этом брагу льют и на каменку. Угощение приносится дружками.

После того как невеста придет из бани, она причитает:

Уж я мылась жа, бела лебедушка,
Уж я мылась жа, красна девушка,
А во жаркой да парной баенке,
Уж я мылась и обзабылась.
Попрошу жа я, покланяюся
Как родиму мою сестриценку:
Ты сходи ко-се во жарку да парну баенку,
Там осталась да моя-то девья красота.
Есть там столбушек точеный,
Точеный да золоченый.
Она сидит на столбушке точеном,
На точеном, золоченом.
Ты поди-ко, моя сестриценка, потихошенько,

Отворь двери да малешенько.
Как во ту пору, во то время
Уж подули да ветры буйные,
Подхватили да девью красоту,
Унесли да во чисто поле,
Как за реченьку да за быструю,
За ручьи да за седучие,
За болотички зыбучие,
Во чисто поле, во раздольице.
Есть там горькая осинушка,
Она с корня-то корневата,
По средине да серцевата,
По вершине да шапачиста.
Што на самой-то на вершинушке
Там и села моя девья красота.
Кого я буду упрашивать,
И кого я буду умаливать?
Как налетка да ясна сокола,
Как удала да добра молодца,
Как удала да мово брателка
(Имя и отчество брата):
Ты сходи-ко-се во широк двор,
Ты возьми жа добра коня езжалого,
Ты сряди его в золото седло,
Ты возьми саблю вост्रую,
Поезжай жа да потихошенько:
Руби да помалешенько.
Он приехал да скорешенько,
Стал рубить ее крутешенько.
Тут и улетела да девья красота на высок бор,
И села она на березу да на курчавую,
На курчавую да шапчиству.
И попрошу я теперь-то, бела лебедушка,
Я родиму мою сестрищеньку
(Имя и отчество сестры):
Ты войди-ко, красна девушка,
На красно крыльцо высокое,

Обернись-ко-се белой лебедью,
Ты слетай по поднебесью,
Поприметь-ко-се курчаву-то березоньку,
Не сидит ли да девья красота,
Алой лентой да перевязана.
Ты возьми-ко и носи-ко мою девью красоту,
Ты носи и наряжайся по пирам,
По пирам и по прохладушкам,
По гульбам и по забавушкам.
Вспоминай жа меня, лебедушку,
Вспоминай жа, красну девушку.

После невестиной бани бывает рукобитье.

5. Рукобитье

Невеста одета в штофную юбку, полушибок, расшитый
шелками, повязку, высаженную бисером, бусы, в руки ей
дается платок. Собираются родные. Приезжает жених.
Невеста ставит на тарелку чарку вина или браги и с по-
клоном подносит жениху; тот выпивает и кладет на тарелку
подарок (чаще материал на платье). Невеста с поклонами
угощает вином или брагою всех гостей, гости выпивают
и кладут на тарелку деньги. После того как невеста угостит
всех гостей, жених заводит ее за стол и целует. Девушки
поют песни жениху:

Долго-долго сокол не бывал,
Долго-долго ясен не бывал,
Еще, видно, сокол за горы улетел,
Ясен, видно, за высоки улетел.
Еще долго-долго Иван не бывал,
Еще долго-долго Иванович, сударь.
Как теперь Ивана против тестева широкого двора,
Супротив тещина высокого крыльца.
Еще кони-то его в триста рублей,
Как удила, стремена полтретьяста рублей,
Во правой плетоцка шолковая,

Во левой руке копье в пятьдесят рублей.
Он ткнул копьем широки ворота,
Он разнес ворота среди широка двора,
Среди батюшкина, среди матушкина.
Еще по двору, двору сам похаживает,
Сам погуливает, приговаривает:
— Ой, вы Манюшки, ой, вы нянюшки,
Катерины милы подружечки,
Уж вы сбегайте, вы проведайтесь,
Уж спит ли, не спит ли Катерина моя,
Еще спит ли, не спит душа Матвеевна?
Как горазно¹ Катеринушка ответ держит,
Как горазно Матвеевна отшалкивати,
Как горазно Матвеевна отговаривати:
— Я ночесь, молода, во всю ночь не спала,
Все ево прождала и весь убор рядила
И весь ковер вышила.—
На коне-то убор-то — коню красота,
А на санях-то ковер — молодцу похвальба.
А под ковром молодец—
Тут цены ему нет.
Не скатен жемчуг по блюду рассыпался,
Иван Иванович жениться сподоблялся.
Его маменька снаряжала, государыня его сподобляла,
Хорошо русы кудри расчесала,
На походе таково слово сказала:
— Ты поедешь, мое дитятко, жениться
Не на душечке, на красной на девице,
А на горькой, на несчастной на вдовице.
Тебе станут девицы песню петь,
Тебе станут невесту припевать,
Катеринушку называть, Матвеевну взвеливать.
Не дари не рублем, не полтиной,
А одари-ко ее аленьким платочком.
У ней платыице со цветочком

¹ Горазно (гораздо) — умеючи, ловко.

И повязочка со хазочком.—

Не рюмочки по столику бренчат,

Не стаканы по шкафу говорят,

Еще кто же ходит по терему,

Еще кто же ходит по высокому?

Уж как Катеринушка ходит по терему,

Уж как Матвеевна ходит по высокому,

Она белится, румянится,

Во червонны снаряжается.

Гулять-то ей хочется,

У кого же она спросится,

У ково она доложится?

У Ивана она спросится,

У Иваныча доложится.

Дорогая моя гостьюшка,

Посиди у меня в терему,

Погляди на мою красоту,

На меня ли, добра молодца,

Ивана Ивановича.

Што не рюмочки по столику бренчат,

Не стаканы по шкафу говорят... и т. д.

Свату или свахе поют:

Как на тихой на заводи,

На тихой лебединою,

Как не павушка плавала,

Не павьи перья ронила,

Жалобилась, плакала

Как сестра брату милому,

Брату милому, любимому,

Удалому добру молодцу:

Уж ты братец, ты братец мой,

Удалой добрый молодец,

Проступи, братец, сударь мой,

По всей светлой светлице,

И по столовой новогорнице,

До снарядна дубова стола,

До меня, молодешенькой.
Зачем рано вскручинилися
На мою буйну голову,
На мою девью красоту,
На природну трубчату косу,
На приплетну ленту алю? —
Как ответ держит брат сестры:

— Ты сестрица родимая,
Екатерина Матвеевна,
Не клади судьбу-жалобу
На родителя батюшка,
На родимою маменьку.
Ты клади судьбу-жалобу
На сватью лукавую,
На змею семиглавую
(Имя и отчество свахи),
На редкозубую,
Она ходила, нахаживала
По утру ранешенько,
Как по позднему вечеру,
Не путем, не дорогою,
Она тропами собачьими,
Хоботами змеиными.
Она хвалила, нахваливала
Богоданных родителей:
Они добры будут, ласковы
До тебя, молодешенькой.
Не жила, млада, не ведала,
Пожила, все спроведала,
Как богоданные родители,
Не добры они, не ласковы
До меня, молодешенькой.
Как кабы тебе, сватьюшка,
Редкозубая вральюшка,
Как за эту за выслугу,
Как меня младу просватала,
Кабы тебе, сватьюшка,

Чаэм залитися,
Калацем задавитися.
Кабы тебе, сватъюшка,
Кабы от нас-то уехати,
Домой не приехати,
В ручью бы тебе набродитца,
Тебе собакой налаетца,
Серым волком навытися,
Черным вороном награетца.
Как тебе, сватъюшка,
Кабы домой-то приехати,
У ворот не доколотитися.
Кабы тебе, сватъюшка,
Домой бы заехати,
На печи не согретися
Под семью тебе щубами,
Под осьмой одевальницеj.
Тебе сквозь печи провалитися,
Тебе щами заваритися,
Как за эту за выслугу,
Как меня, младу, просватала.

Гости при этом кричат: „Так ей, так ей, старой! Ай да сватья!“

Затем поют гостям:

Во горнице во новой, во новой,
Во светлою столовой, столовой
Стоят столы дубовы, дубовы,
На столах ковры шулковы, шулковы,
На коврах чара золота, золота.
Еще кто эту чару наливал, наливал,
Кто златую дополнял, дополнял?
Наполнял чару (имя гостя) господин,
Дополнял чару (отчество) сударь,
По горнице проходил, проходил,
По светлою проступил, проступил,
До умною доходил, доходил,

До разумною доносил, доносил.
Катеринушка, друг, моя,
Матвеевна, сердцо мое,
Прими чару от меня,
Выпей злату до дна,
Роди сына сокола,
Станом-возрастом друг-себя,
Белым лицом друг-меня,
Брови черного соболя,
Очи ясного сокола.

Песня повторяется с некоторым изменением в конце, а именно:

Катеринушка, друг, моя,
Матвеевна, сердцо мое,
Прими чару от меня,
Выпей злату всю до дна,
Породи дочь белую лебедь,
Станом-возрастом друг-меня,
Белым лицом друг-себя,
Брови черного соболя,
Очи ясного сокола.

Эту песню поют гостям нестарого возраста. После того, как кончат величать гостя, последний встает, кланяется и дает девушкам денег. Девушки величают каждого гостя по отдельности. Гостям старого возраста поют:

Дымно, дымно в поле, эхи,
Чадно, чадно в чистом, эхи,
У (имя гостя) двора
Были трои ворота, эхи.
Што во первы-ти ворота
Сокол пролетал, эхи,
Што во вторы-ти ворота
Старый конь продрал, эхи,
Што во третьи-ти ворота
Сам (имя гостя) проезжал,

Сударь (отчество), эхи.

Пелагея-то его выходила на крыльцо,
Ивановна душа на широкое, эхи.

Она махала платком,
Тонким белым полотном, эхи.

— Воротись, душа, назад,
Тебе радость скажу,

Тебе сына рожу, эхи! —

— Я для сына своего

Не ворочусь, душа, назад, эхи,

Еще сын-то у меня

Завсегда в дому, эхи.—

Песня повторяется с некоторым изменением в конце,
а именно:

— Воротись, душа, назад,
Тебе радость скажу:

Тебе доць рожу, эхи. —

— Я для доцери своей

Ворочусь, душа, назад, эхи,

Еще доцка у меня —

Честна гостьюшка в дому,

Как лебедушка в пиру, эхи.

Некоторые из гостей сердятся, когда им поют девушки
этую песню, а другие сами просят спеть им „Дымно, дымно
в поле“. Поют еще и такую песню:

По сеньечкам, по сеньечкам,
По частым переходицькам

Там ходила, гуляла

Молодая боярыня (имя и отчество гостьи)

Молодого боярина (имя и отчество гостя).

Она на ручушках носила

Два яфonta сетцетые,

Две алмазные запоны.

Как сама она сговорила

Во всю буйную голову:

— Уж вы, яфонты, яфонты,
Две алмазные запоны,
Полежите малешенько,
Покуль я, молодешенька,
Я схожу в нову горницу
К своему другу милому,
Ко приятелю сердешному,
Ко (имя и отчество гостя).
Где сидит мой сердецный друг
За столами дубовыми,
Скатертями камчатными,
Он за кушаньем сахарным,
За питьями разналивчатыми.
Он сидит, забавляется.
Мной, женой, похваляется:
— У меня жена умная,
У меня жена разумная,
(Имя и отчество гостьи),
У ей походка павиная,
Тиха речь лебединая.
Она ходит тихошенько,
Говорит помалешеньку.
Брови черного соболя,
Очи ясного сокола,
Она взглянет, утешит меня.

Дружкам поют:

Во саду, саду, во зеленом саду, эхи.
Што под яблонью кровать,
Под кудрявой тесова, эхи.
На кровати перина,
На перине простыня, эхи,
На простыне взголовье,
На взголовье молодец, эхи,
Што по имени (имя дружки),
(Отчество) сударь, эхи.
Еще около его

Слуги верные его, эхи,
Разувают, раздевают, распоясывают,
Спать укладывают, уговаривают, эхи:
— Уж ты спи·ко·ся (имя дружки)
(Отчество), сударь, эхи.
Скоро час ночи пройдет,
„Скороход“ скоро придет, эхи,
Скоро весну принесет,
Весть нерадостью, эхи.
Шел из·за моря корабль
Обо всех парусах, эхи,
Тонки паруса белеют,
Шолковы флаги алеют, эхи.
— Не могу я, братцы, встать,
Головы своей поднять, эхи.
Круг сердечушка шипит, эхи,
Резвы ноги не несут,
Белы руки не берут, эхи,
Очи ясны не глядят,
Уста сахарны не говорят, эхи.

Песня повторяется с некоторыми изменениями в конце,
а именно:

Шол из·за моря карапль
Обо всех парусах, эхи.
Тонки паруса белеют,
Шолковы флаги алеют, эхи.
С чистым серебром,
С красным золотом, эхи,
С товаром дорогим —
С красной девицей душой, эхи.
Как могу я, братцы, встать,
Голову свою поднять, эхи,
Резвы ноженъки несут,
Белы рученьки берут, эхи,
Очи ясные глядят,
Уста сахарны говорят, эхи.

После величаний бывает кофе и чай. На стол ставят на отдельных тарелках печенье разных сортов (от сорока до пятидесяти тарелок). После чая выходят плясать, петь и танцевать.

Танцевать стали только в последнее время, и танцует только молодежь. Пляшут под плясовые песни.

Невеста и жених участия в плясках и танцах не принимают. Гости старшего возраста остаются за столом и поют длинные старинные песни.

Наиболее известны из танцев краковяк и кадриль. Кадриль танцуют под песню:

Задумал, задумал, задумал да пошел,
Ай-люли, пошел, ай-люли, пошел,
В нову комнату, в нову комнату, в нову комнату зашел,
Ай-люли, зашел, ай-люли, зашел,
Где-ко Маша, где-ко Маша, где-ко Мащенка сидит,
Ай-люли, сидит, ай-люли, сидит.
За двором, за двором, за двором, за двором,
Ай-люли, за двором, ай-люли, за двором,
За высоким, за высоким, за высоким теремом,
Ай-люли, теремом, ай-люли, теремом.
Была девка, была девка, была девка замужем,
За старым, за старым, за старым стариком,
Ай-люли, стариком, ай-люли, стариком.
Сударушка, сударушка, сударушка не моя,
Иванова, Иванова, Иванова, Иванушкива.
Сходи, Ваня, во лесок на часок,
Меня дома-то жалеют, берегут,
В чужих людях не работницей зовут,
Будто я дома не робливалась,
Не косила, не боронивала,
Не с вечера погода, со полуночи мятель,
Што по этой по мятели
Тroe саночки летели,
Не стучат, не гремят, меж копытам говорят,
Ай-люли, ай-люли, меж копытам говорят...

Невесту ведут „на белила“, т.-е. прикрывают ей лицо платком и ставят посреди комнаты. Впереди невесты становятся в два ряда девицы. Жених должен пробиться через ряды девиц, подойти к невесте и ее поцеловать. Обыкновенно пробиваются через ряды девиц и расчищают дорогу жениху дружки. Жених целует невесту и дает ей подарок (на платье или кофту).

За женихом целует невесту вся родня жениха, и все дают невесте подарки (обыкновенно деньги). Невеста после поцелуев начинает причитать:

Пристыдил ты меня, прибесчестил
Ты при всем-то роду-племени,
При родных-то моих родителях,
При милых-то моих подруженьках,
При рядовых любых соседушках...

Затем накрывают на стол—„становят ужин“. На первую смену подают рыбу, сначала соленую, начиная с мелких сигов и трески и кончая семгой, а затем свежую. Вторая смена—мясная: студень, супы, жареное мясо; затем подаются каши: пшенная, гречневая, перловая, рисовая и, наконец, кисель с молоком. Когда подадут жареное мясное блюдо, то на вилку втыкают кусок мяса и передают его друг другу (мужчина—женщине и обратно), при этом передавшие кусок целуются. Перед каждой сменой кушаньев родители невесты подходят к столу и обращаются к невесте со словами:

„Девица, душа красна, княгиня первобрачная, невеста зарученная, Екатерина Матвеевна, просим покорно хлеба-соли покушать. Сама откушай и князя первобрачного, жениха зарученного, Ивана Ивановича попотчуй, гостей и гостьюшек“.

Невеста встает и кланяется: „Прошу покорно хлеба-соли откушать“.

Родители обращаются к гостям: „Гости, гостьюшки честные, девицы красные и молодицы, удалы добры молодцы! Просим покорно хлеба-соли откушать. Покушайте, пожалуйста“.

Невеста встает и кланяется на три стороны. Когда приносят молоко, невеста причитает:

Я последнюю ужну ужинала.
Я последнюю яству кушала
У восходя-то солнца красного,
У родителя, отца-батюшка,
У кирпичной жаркой печеньки,
У родимой-то моей матушки.
Я в большом-то месте насидалася
И с гостями-то небывалыми.
Извините вы, гости, гостьюшки,
Што сошлось-то и привелось-то
У восходя-то солнца красного,
У родителя, отца-батюшки,
Вы на рыбах-то потрепущих,
На птицах-то полетущих...

Родные прощаются с невестой. Родные и невеста плачут. Это прощание связано с последними часами ее „девичьей“ жизни и последним временем—„остаточком“—пребывания невесты в родном дому.

6. Плаксы

До венца, часов в одиннадцать — двенадцать дня, девушки собираются на так называемые „плаксы“, которые происходят в дому невесты.

Невеста причитает девушкам „сон“:

Уж вы, милы мои подружечки,
Я скажу-то вам, поведаю,
Што по сегодняшню утру раннему,
По куриному жированьюцу,
По петушьему воспеваньюцу
Я вставала, бела лебедушка,
Ключевой водой умывалася,
Тонким белым полотенцем утиралася.
Я у родителя-то, отца-батюшки,

Я в последнюю-то темну ноченьку,
Мне не спалось-то, а много виделось.
Уж я видела-то, бела лебедушка,
Уж я грозен сон да такой немилостив:
Как на нашей-то скатной улице
Да разливалась да река быстрая,
Берега круты да обсыпалися,
А я на круту гору да поднималася
И в темном-то лесе да заблудилась.
Попрошу жа я, лебедь белая,
Попрошу жа я, покланяюсе,
И милых же моих подруженек:
Расскажите и разъясните мне
Этот грозен сон да немилостив.
Если вы же не рассудите,
Я сама же догадалася,
Я сама скажу же вам, поведаю:
Река быстрая разливалася —
Моя вольная волюшка кончалася.
Круты берега обсыпались —
Я с родителями расставалась.
На круту гору поднималася —
Во чужи люди жить собиралась.
В темном лесу заблудилась —
В чужом роду очутилась.

Затем невеста причитает о „девьей красоте“:

Я вставала, бела лебедушка,
По утру, да утру раннему,
По куриному жированьицу,
По петушьему воспеваньицу,
По людскому восставаньицу,
Ключевой водой умывалася,
Тонким белым полотенцем утиралася.
И ходила я, бела лебедушка,
Со своей и девьей красотой,
И подходила, бела лебедушка,

Ко погребу ко темному,
И прижала ее к ретиву серду
Я своими руками белыми.
Я брала-то золотые ключи,
Отмыкала да замки крепкие,
Замки крепкие, немецкие.
Отворяла я двери на пяту,
Я спускала девью красоту во погреб,
Во темный-темный да глубокий.
Я закрывала двери потихошенько,
Не докрывала я малешенько.
Я стояла-то, бела лебедушка.
И постояла я, послушала, —
И не плачет ли и не кичет ли
Как моя-то девья красота
По моей-то буйной головы.
Она плачет, и она кичет,
Из угла в угол мечется.
И подошла-то, бела лебедушка,
И отомкнула, и взяла-то,
И прижала ко ретиву серду,
И со своей-то девьей красотой
Не знала, куда деватися.
И подошла ко реченьке ко быстрой,
Я спускала-то на реченьку на быстру,
Я на быструю, на волнистую.
Она клубушком катается,
Она червочком извивается.
Я пошла-то, бела лебедушка,
Я пошла-то, красна девушка,
И взяла-то в белы руки,
Иостояла я, подумала:
И куды-ко мне девати
Как свою-то девью красоту?
И подошла я ко родимой-то ко сестриценьке,
И отдала ей в белы руки.
Отошла я и послушала:

И не кичет ли и не плачет ли
По моей буйной головы.
Она не плачет и не кичет,
Видно, все мое прошло, прокатилосе,
Все часочком да миновалосе,
Девъя живъя моя да кончаласе.

Архангельские загадки

1

Бежали овцы
по калинову мосту;
увидели зарю,
бросились в воду.

(Звезды)

2

Над бабкиной избушкой
висит хлеба краюшка;
собаки лают,
достать не могут.

(Месяц)

3

Что не запереть в лукошко?
(Солнце)

4

Меня частенько
просят, ждут,
а покажусь,
так все прятутся.

(Дождь)

5

Один льет,
другой пьет,
а третий растет.
(Дождь, земля, рожь)

6

Без рук, без ног,
а ворота отворяет.
(Ветер)

7

Шуба нова,
на подоле дыра.

(Прорубь)

8

Три братца;
один говорит:
„Побежим, побежим“.
Другой говорит:
„Полежим, полежим“.
Третий говорит:
„Показаемся“.

(Река, берег, куст)

9

— Криво, не прямо,
Куда побежало?
— Зелено, кудряво,
тебя берегди.

(Река и поле)

10

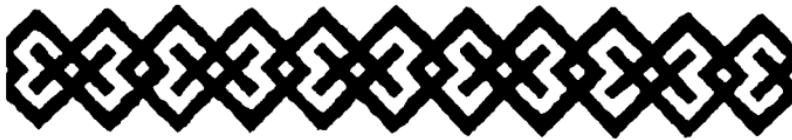
Сани бежа,
Оглобли лежа.

(Река да берега)

11

Летит орлица
по синему морю,
крылья расхвостала,
солнышко достала.

(Туча)

- 12 Два-ста будаста,
четыре-ста ходаста,
седьмой хлебостун.
(Корова)

13 Под полом-полом
ходит барышня с колом.
(Мышь)

14 Без рук, без топорища
построена избища.
(Гнездо)

15 Летит—пищит,
седет—молчит;
кто его убьет,
тот свою кровь прольет.
(Комар)

16 Кто над нами
вверх ногами?
(Тараканы)

17 Маленький мальчик
сквозь землю прошел,
красну шапочку нашел.
(Гриб)

18 Зимой и летом
одним цветом.
(Ель)

19 Антипка низок,
на нем сто ризок.
(Капуста)

20 Стоит дед
многим платьем одет;
кто его раздевает,
тот от желанья свою
слезы проливает.
(Лук)

21 Сидит девица в темнице,
а коса на улице.
(Морковь)

22 Вокруг пролуби
все сидят белы голуби
(Зубы)

23 У двух матерей
по пяти сыновей;
все в одно имя крещены.
(Пальцы)

24 На пеци горяцо,
на палатах скрипучо,
на лавке тесно,
а под лавкой душно,
а на столе грешно,
а под столом смешно,
на полу просто,
на кровати хорошо.
(Спать)

25 Бел, как снег,
в чести у всех,
и нравлюсь я вам,
но вред зубам.
(Сахар)

- 26 От воды родился
и воды боится.
(Соль)
- 27 Маленькая собачка
свернувшись лежит,
не лает, не кусает,
в дом не пускает.
(Замок)
- 28 Мать толста,
дочь красна,
сын храбер,
под небеса ушел.
(Печь, огонь, дым)
- 29 Сам худ,
голова с пуд.
(Безмен)
- 30 По лавкам скок,
по полу скок,
сидет в угол—
не ворохнется.
(Веник)
- 31 В чем воды не принесешь?
(Решето)
- 32 У туши уши,
головы нет.
(Ушат)
- 33 Днем — кольцом,
ночью — пряником.
(Перина, постель)
- 34 Под одной шляпкой
цытыре братца.
(Стол)
- 35 Кадило-кадило
по миру ходило,
домой пришло,
по стенам пошло.
(Серп)
- 36 Кланяется, кланяется,
домой придет —
растянется.
(Топор)
- 37 Без рук, без ног,
подпоясанный.
(Сноп)
- 38 Зайду на гор-горушку,
задеру эту телушку,
кожу брошу,
мясо съем.
(Лесорубы и дерево)
- 39 Шла свинья из Питера
вся истыкана.
(Наперсток)
- 40 Два конца,
два кольца,
посредине гвоздь.
(Ножницы)

41

Кабы стал,
кабы стал,
то бы до небу достал;
кабы руки, ноги,
весь мир бы склал;
кабы рот да глаза,
всех бы съел.

(Дорога)

42

Станет—
выше коня,
ляжет—
ниже кота.

(Дуга)

43

Без языка, а сказывается.
(Грамота)

44

Один заварил,
третий налил;
сколько ни хлебай,
на любую артель хватит.

(Книга)

45

Поле бело,
поле серо,

кто сеет,
тот разумеет.

(Печать)

46

До чего народ доходит:
самовар по речке ходит.

(Пароход)

47

Ходит весь век,
а не человек.

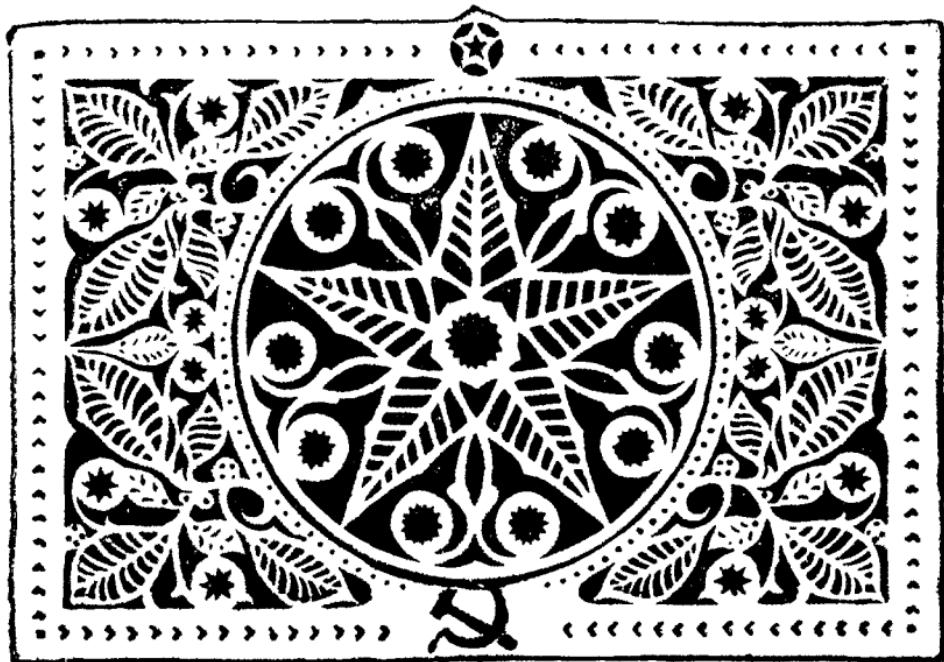
(Часы)

48

В чистом поле
стоит мельница.
Зашел мужик.
На этой мельнице
четыре окошка;
на каждом окошке
по четыре кошки;
у каждой кошки
по четыре котенка,
у каждого котенка
по четыре мышонка.
Сколько всех ног?

(Две только, остальные—
лапы)

ЖОВИНЫ

Из сказания о Ленине

Как съезжалися народы да скоплялися
От старого до среднего,
От среднего до младшего,
Как садились они в заседаньице,
Как советы мудрые держали они:
„Кому быть да в управителях?“
В одну думу все думали,
В одну речь все говорили,
На единого свое избраньице положили,
На Владимира Ильича, вождя Ленина,
Всю Россиюшку ему-то поверили-доверили,
Вождю Ленину да со помошничками,
Со всей партией большевической.
Принял он ключи золотые да от всей земли,
Назначил себе во помошнички друга Сталина,
Во служеньице брал себе людей из простых родов,
Из простых родов да из бедности,
А того мужика Ивана сибирского
Он поставил во народные комиссары, во министры.

Тут царю-то подали просту телегу деревенскую,
Повезли его в темницу во темную,
По грехам его так приключилося,
В жеребью ему так повыпало,
По делам его так отворотилося,
Тут как Николаю да скора смерть пришла,
Скора смерть пришла и конец дошел.
Тут не в долго время войну ерманскую прикончили,
Отцы-то, матери взрадовались,
Проливали-то они слезы от великой радости.

Много-много из солдатов не вернулися,
Не вернулися во свои деревенки,
Не повидали они да отца с матушкой,
Не увидали своих да молодых жон,
Не увидали своих да малых деточек.
Много-много пришло да все убогих же,
Убогих да окалеченных,
Ни к каким работушкам да не способных.

Тут отобрали-то землюшку у помешников,
Тут отобрали-то заводы у заводчиков,
Тут отобрали лавочки торговые от купцов от богатых,—
Богачи-господа тогда да испугались,
Кто куда да затаился.
А для народу простого настал праздничек,
Народ одевался в платье цветное, во праздничное,
Веселые песни пропевали от удовольствия.

Недолго то веселье продолжалось,
Недолго народ да прожил в радости,
Как подымалась тут туча темная
Над той землей, над советской Россиюшкой,
Загремел тогда да будто сильный гром,
Взбушевала-то непогодушка немалая,
Обтянуло небо тучами со всех четырех сторонушек.
Собирались енералы да урядники,
Собирались помешники да заводчики,
Собирались князья да со боярами,
Собирались купцы да очень богатые,
Скоплялись они в место тайное,
В место тайное да в потаенное,
Говорили они меж собой таковы слова:
„Это что такое в Россиюшке приключилося?
Мы не можем терпеть порядку нового,
Мы не можем-то в такой жизни жить,
Мы не можем с ними согласитися!
Полно нам по глупости жить сейчас,

Нам ведь надо наживать живот, как раньше был.
За свои права мы станем приниматися,
Соберемте-ка енералов со майорами,
Соберем мы всю-то белую дружишку,
Нападем на силу Красной армии,
Побьем-разобьем, всех во прах возьмем!"

А Ленин-вождь в Кремле похаживает,
Свою ручкой по голове он поглаживает,
Он по комнате со стрелогою ходит очень наскоро,
Его ретиво сердце да растреложилось:
„Ой, львы да все свирепые,
Ай, собаки да все бесчестные,
Не дают, собаки, отдохнуть же нам,
В делах наших управиться да наладиться!
Приведется бой держать с ними, боротися,
Мы их боем возьмем, дракой кроволитною,
Никого из них не оставим на семена!
Призовем-ка мы из степей привольных
Клима-кузнеца, славна Ворошилова,
Призовем-ка мы с того с Дону со тихого
Красна казака геройского Буденного,
Пошлем-ка их на битвы на великие со дружишкой,
Пусть побьют они силу белую,
Силу белую, для народу ненавистную,
Кто беду да накликает для нас,
Сами они наперед да все погибнут же".

Правда с кривдою опять да повстречалися,
Повстречалися, заборолися,
Нападала сила белая да со всех концов.
Они хотели забрать во владеньице каменну Москву,
Каменну Москву, столицу народа советского,
Они хотели убить-погубить народных управителей,
Поставить-то на место старый царский трон,
Штоб опять пошла жизнь все по-старому,
Все по-старому да попрежнему,

Попрежнему да по-досельному.
Как бела грива да развеивается.
Как белый хвост-то трубой завивается,
Как изо рту пламя-дым валит,
Как из глаз коня искры сыплются,
На коне сидит да рыцарь чудный же,
Повода держит во рученьке во левой,
Во правой руке — трубочку подзорную,
На коне сидит да наш ясен сокол,
На имя Клим да Ворошилов-свет.
За ним едет красный казак, казак донский,
Казак донский на вороном коне,
Повода он держит в рученьке во левой,
Во правой руке сабельку вострую,
За ними идет да конна гвардия,
Конна гвардия, красна сила боевая.
И вставали тут многи советски богатыри,
Снаряжали они свои дружиночки хороные,
Снаряжал свою дружиночку Чапай Василий Иванович
Во тех во степях славна волжских.
Снаряжали свои дружиночки други богатыри
Во степях славна киевских.
Как грянули-наехали на силу на белую,
Полки белые заколыбались,
Заколыбались да пошатались.
Тут енералы белые призадумались:
„Не побить будет силы Красной армии,
Надо попросить силушки в подмогу нам
Из земель да из иностранных же“.
Переговорилися, сговорилися с королями
иностранными,
Согласились короли с полным удовольствием,
Им хотелось, чтоб в Россиюшке царь царил,
Им хотелось получить за то подарки ценные,
Получить земли, выделить часть из Россиюшки.
Короли снарядили полки да отправили,
Отправили из своих стран во Россиюшку,

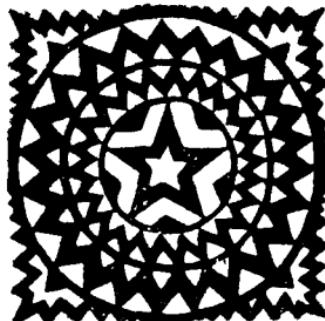
У белых силушка теперь подкопилася,
Силы много да у них прибыло,
Нападали они на славну Красну армию,
Тяжело тогда пришлось нашим боротися.
В ту тяжелую пору, во треложно времячко
Великая досадушка случилася с вождем Лениным:
Он поехал по всем заводам по московским
Рассказать народу про дела, про положеньице,
Он приехал на завод да за Москву-реку,
Он ведь стал тут речь про все говорить,
А в ту пору, в ту минуточку
Змея лютая подкрадлася,
Она ужалила, ударила вождя Ленина,
Немного не дошла до милого сердечушки,
Она сделала рану очень глубокую,
Очень глубокую, злодейка, очень ядовитую.
Тогда падал он да на сырьу землю,
Подымали его работнички заводские со сырой земли,
Клали-то его на носилочки,
Принесли его в комнаты во кремлевские
Ко его ко милой жене,
К Надежде Константиновне.
Занесли его — она ужахнулася,
Она посыпала за славными за лекарями,
Сама выбегала из своей из горницы,
Добегала она до зелена садочка,
Рвала она да мураву-траву,
Рвала разные листочки зеленые,
Нарвала да принесла она,
Да накладывала на раночку горячую.
Когда Ильич пришел в сознаньице,
В сознаньице пришел, во память полную,
Приказал он призвать к себе Сталина.
Заходил Stalin в ихню спаленку,
Подошел он да ко кроваточке,
Сказал Ильич ему да таковы слова:
„Такое пришло сейчас времячко,

Могут всех нас, всех повыгубить,
Все народное наше право приразрушить.
Ты пойди, помоги своею силой богатырскою,
Силой богатырскою, советом мудрым же,
Штаб наша Красна славна гвардия,
Она штоб приободрилась
Да своей храбрости прибавила!“
Сталин немногого он разговаривал,
Того приказаньца он не послушался,
Надевал он платьице военное,
Он брал себе да все добра коня,
Он поехал да скоро-наскоро.
Не ясен сокол да тут полетывал,
Улетел сокол да во чисто поле,
Как уехал-то добрый богатырь,
Добрый богатырь Иосиф Сталин
Во чисто поле к славной Красной гвардии.
Приезжает он ко своей к силы-армии,
Собрал-то все дружинушки хоробрые,
В стременах-то вздынулся он,
Вздынулся он да речь говорил:
„Уж вы ой еси, ребята-солдаты Красной армии,
Уж вы ой еси, работнички славна заводские,
Уж вы ой еси, крестьяне-чернопахари!
Пришло времячко самое тяжёлое,
Пришло времячко самое боевое.
Мы должны последними силами собратися,
Своей храбростью хороброй разбить врагов,
Разбить врагов, разметать злодеев всех.
Послал меня к вам Володимер Ильич,
Он лежит-хворает да все постанывает
От злодейки-змеи от той от раны глубокой,
Разобьем врага, дак он поправится!“
Тут приударили полки красные,
Полки красные да своей хоробростью,
Бела сила да растерялася,
Растерялася да разбегалася,

Да погнали ту силу белую,
Гнали-гнали-то с утра до вечера,
Гнали-гнали со вечера до ноченьки,
А со ноченьки все до утраца,
Они били-рубили, как могли, ее,
В синя моря, всех генералов пометывали:
Одного енерала со войском—в наше море Белое,
Другого енерала со войском—в то море Чёрное,
Третьего енерала со войском—в то море Ерманское,
Четвертого енерала со войском—в то море
Дальневосточное,
Всех других енералов со полковниками,
Со полковниками да со майорами,
Загнали в болота дыбучие
Да в глубокие речки во быстрые,—
Тут им и конец пришел.

Каменна Москва вся проплакала

Как у нас было в каменной Москве,
Велико у нас несчастие случилося.
Тут река Москва скользбалася
Да как морской волной разбегалася.
Красно солнышко затемнялось все,
Дерева в саду пошаталися,
Мать сыра земля разревелася,
Тут погодушка взбушевалася,
Снеги бурею подымалися.
Каменна Москва вся проплакала,
Все народ·люди ужахались.
Луна небесная у нас не светила,
Народ·люди все призамолкнули,
Призамолкнули, призагунули,
Поодели платье черное
Да ходили все невеселы,
Буйны головы с плеч повесили,—
Услыхали они весть нерадостну.
Как пришла·то весть из Горок все,
Как не стало у нас красна солнышка,
Как и той луны поднебесные,
Золотой звезды все блестящею,
Как не стало вождя всей Россиюшки—
Дорогого у нас товарища Ленина,
Как Владимира да Ильича·то свет.
Он куда у нас да отправляется,
Во какую путь·то во дороженьку,
Он во дальную, да во печальную,
В иностранны ли земли западны
На черненых ли больших кораблях,
На паровых ли пароходиках

Как во те ли земли во восточные,
В города ли он да все во да все во дальние?
Не в города он у нас да не в восточные,
Не на черненых да больших кораблях,
Не на паровых он у нас на пароходиках,
Не по морям-то у нас по глубокиим,
Не смотреть-то ведь ледоколов тех,
Как промышляют они, ходят
Во зимы, зимы холодные,
По тому ли морю Белому,
Как не смотреть, не проверять же тут.
Все дозналися, догадалися,
От старого все до молодого,
Что ушел от нас, укатился он,—
Из очей-то, из глаз удалился он,—
Не за круты горы Воробьевские,
Не за матушку Москву-реку,
Не за темны леса за дремучие,—
Как ушел от нас, укатился тут,
Как великий вождь, дорогой товарищ,
Еще Ленин всей России отец же был,
Все Владимир-то Ильич-то свет.

К высокой стене ко Кремлевскою
В мавзолей его положили.
Очи ясные призакрытые,
Уста сахарные призамолкли,
Руки белье прираскинулись.
Во тужурочке во военную
Крепко спит да не пробудится.
Как не день-то он спит, да не два, не три же он,
И будить нам, не разбудить его
Ни слезами его ни горючими,
Ни струнами нам его золочеными,
Ни арфами все игромыми,
Нам кричать и звать не дозваться же.
Берегут-то его день и ночь

Новобраные ребята Красной армии,
Во руках-то ружье держат все
Ружья светлые, замки крепкие,
Они стоят да призадумались,
Призадумались да запечалились:
У них думушка да очень тревожная,
Воздыханьице тяжелехонько.
Ты спокойно спи, дорогой Ильич,
Красна армия очень крепкая,
Очень крепкая да очень верная.
Как твоя-то жизнь была тревожная, беспокойная,
Не в радостях прошла она, не в весельице,
Твоя молодость не в гуляньице,
Не в веселом-то пироварьице.
Много-много претерпел же ты
Огрубленьице, неприятности
За бедных людей, за крестьянина,
За весь народ переносил-страдал,
Засажен-то был во темну тюрьму,
Выгнан был во темны леса.

В твои-то ходы подземельные,
Что на Красной славной площади,
Ходят все со старого и до малого,
Смотрят на тебя, на ясна сокола,
На ту ли на зорю, зорю утреннюю,
На ту ли на звезду поднебесную.

Вы подуйте-ка, ветры буйные,
Со всех четырех со сторонушек:
Со первой стороны со восточную,
Со второй то все со западной.
Со третьей-то со летнею,
Со четвертой-то со северной.
Сбросьте, скиньте гробову доску,
Раскройтесь-ко, очи ясные,
Да проговорьте, уста сахарные.

Пробудись-ко, восстань, дорогой Ильич,
Посмотри-ко, погляди на славну матушку,
Славну матушку, каменну Москву...

Ты зайди, зайди во палаточку,
Во палаточку—в кабинет же свой,
Ты садись, садись все на стул же свой,
Ты возьми в свою руку правую,
Ты возьми перо скорописчато,
Ты пиши, пиши скору грамоту,
Скору грамоту по всей Россиюшке,
Во свою славну каменну Москву,
Во славно-от Ленин-град,
По колхозам всем и по фабрикам.

Вы не ждите-ко, народ-люди добрые,
Как от старого все до малого,
Не по городам и не по деревенькам же,
Не придет к нам и не будет он,
Не будет наш дорогой Ильич.
Все дела поручил же и оставил он
Неизменному вождю всенародному,
Своему славному другу Сталину,
С Ильичом-то он все думу думает,
Думу думает, речи говорит:
„Мы с тобой, Ильич, не расстанемся,
Не расстанемся, не разъедемся.
Вечно будет про тебя споминаньице“.

Слава Сталину будет вечная

Не Белое море взволновалося,—
Молодецкое сердце стрепенулося,
Могучие плечи сшевелились,
Иосиф-свет призамыслился.
Он задумал думушку крепкую.
Темны ноченьки просиживал,
Дни же белые продумывал.
Он решился итти в превеликий бой,
В превеликий бой за рабочий люд.
Он скорехонько тут собирался,
В путь-дорожечку поспешался.

Две-то зорюшки утренние сходилися,
Два-то ясных сокола слеталися,
Два дородных молодца съезжалися.
Первый-то был Ленин свет,
Второй-то—славный Иосиф-свет,
Они свиделись, познакомились,
Познакомились разговорились.
Они начали меж собой разговор вести,
Что собрать надо крепку партию,
Крепку партию большевистскую,
Чтобы с ней заодно за весь мир стоять,
За весь мир стоять, за народ умирать.
Храбро бился за народ Иосиф-свет,
Не жалел себя, не жалел труда,
Многих он людей от смерти спас.
Да подкрались к нему лиходеи царя,
Когда крепко спал Иосиф-свет,
Да связали ему руки белые,
Опутали путами ременными,

Задергали в арканы железные.
Провели его через строй солдат,
Издевались над ним, изгилялися.
Да не дрогнул тут Иосиф-свет!
Он прошел походочкой смелою,
Черны кудри его не стряхнулися,
Очи ясные его не помутилися,
Он смотрел вперед с улыбочкой.
Рассердились тут слуги царские,
Засадили его в темну темницу,
В темну темницу—злодейку заключенную.
Они хотели Иосифа-свет водой залить,
Они хотели его злым зверям отдать,
Они хотели сморить его голодом.
Уводили его за темны леса,
В страну северную, тундру холодную.
Они думали, что он там замрет,
Что погибнет он там смертью лютую.
Да не так-то все случилося,
Не по лютым врагам приходилося!
Где Иосиф-свет пройдет,—
Там ведь ключ пробьет,
Ключ пробьет, трава растет,
Трава растет, цветы цветут.
Полюбил Иосифа-свет трудовой народ,
Любил, хранил его от лихих врагов!

Ясна зорюшка занималася,
Друзья мудрые опять сходилися:
Первый-от был все Ленин-свет,
А второй-то—его верный Сталин-друг.
Скоро-скоро созвали они крепку партию,
Крепку партию большевистскую.
Приходили к ним солдаты ратные,
Говорили, что прогнали царя-изменщика,
Что разорил царь, разрушил родину.
Вместе сделали заседаньице,

Порешили так дела свои:
Пусть народ теперь правит сам собой!
Руководит им славный Ленин-вождь
Со своим другом мудрым Сталиным.
Узнавали о том змеи лютые,
Узнавали о том звери дикие,
Узнавали о том птицы хищные,
Еще та ли вся армия белая
С офицерами да со царскими,—
Стали грабить они и жечь города,
Стали бить-обижать трудовой народ.
Не ясный сокол тут полетывал,—
Славный Сталин-свет поразъезживал
Со своими друзьями со храбрыми.
Со Красной армией верною
Он рубил и бил силу белую,
Он рубил и бил не день, не два.
Те остались жить, кто успел сбежать.
Он очистил дороги прямоеездие,
Он очистил города и деревеньки,
Еще те ли границы русские.
Он поставил на них стражу верную,
Еще славных ребят пограничников.
Тут свалились с земли цепи крепкие,
Светом вся земля осветилась.
Растаяли, отошли вековые льды,
И свободным стал трудовой народ!
Тут взялись вожди за строительство,
За строительство за советское.
Да несчастье вдруг случилося:
Подкосила смерть вождя-Ленина.
При кончине своей он призвал к себе
Друга верного славна Сталина.
„Ты примай, примай все дела мои,
Ты веди народ к счастью светлому,
Ты учи его, помогай ему“.
Сталин дал ему слово верное,

Как булат оно было крепкое.
Он пошел путями Ленина
И стопами большевистскими.
Начал мудрый вождь украшать страну,
Перестроил все ново·заново.
В деревнях пошли колхозы крепкие.
Работать стали все машинами.
Жить-то стали все зажиточно.
Зацвели сады фруктовые,
Запел народ песни веселые,
Стали веселы дети малые.
Города устроил людям надиво,—
Крышой в небо дома упираются,
А убранство в домах все пречудное,
Что ни в сказке сказать, ни пером описать.
Как под матушкой каменной Москвой
Ходит чудо-машина подземельная.
Со всего света люди съезжаются,
Делами Сталина-свет дивуются.
Есть чего попить, покушати.
Молодежи есть чему радоваться,
Есть чему и где поучитися.
Старикам-то жить снова хочется.
Границы у нас укрепленные,
От врага крепко защищенные.
Красна армия наша храбрая.
Самолеты у нас тучей сдымутся,
Ледоколы у нас грудью двинутся,—
Только смей·ко враг потрогать нас!
Хороша Москва прекрасная!
Всего краше·дороже стена кремлевская
Со высокими все с башнями,
Со звездами все со блестящими.
Как со той башни день и ночь
Во платье·то во военном все,
В руках с трубочкой с подзорною.
Со улыбочкой со веселою

Глядит-правит страной заботливо
Превеликий вождь, предобрый отец
Еще славной, мудрой Сталин-свет.
Он глядит-глядит, не насмотрится,
Чутким ухом все прослушает,
Зорким взором все увидит жо,
Он все слышит-видит, как живет народ,
Как живет народ, как работает.
За хороший труд награждает все,
Он в Москву к себе приглашает тех,
Он встречает всех очень ласково,
Говорит-то со всеми весело,
Он проводит в свои светлы горницы,
Он садит их за столики точеные,
За точеные столички за дубовые,
Он на стулики садит на мягкие.
Порасспросит все, поразведает:
Как работают, чем нуждаются.
Сам дает советы мудрые.
Как про Сталина-свет дела славные,
Про его доброту превеликую
Ни пропеть будет, ни описать всего!
Слава Сталину бедет вечная!
Много лет ему жить да здравствовать
Белому-то морю все на тишину,
А Москва-реке на велику честь!

Клим да свет Ефремович

У того ли у моря у славного,
У славного моря у Белого,
На самой на стороночке на северной,
На крутом бережочеке, у желтого песку
Сидел добрый молодец Клим Ефремович,
Свет Ефремович Ворошилов-млад.
Он сидел да призадумался,
Призадумался запечалился.
А для него-то, для добра молодца,
Не шумит, не поет да море Белое, —
У него на душе тоска-горюшко,
Есть обидушка да великая,
Есть заботушка да немалая:
Не по своему-то приехал он хотеньицу,
А по государеву указу в ссылку дальнюю.
Он во странах жил во летних,
Во степях-то жил во днепровских,
Во работушке, в кузнецах стоял,
В кузнецах стоял, держал молоты,
Он калил-ковал железо булатное,
Чтоб ратовать против порядочков насильничьих,
Против всего того строя поганого,
Чтоб ратовать им за свободушку,
За свободушку-то, за счастье народное.
Тут схватили его, добра молодца,
Те ли слуги царские да урядники,
Засадили Ворошилова в темну темницу,
За те ли за замочки за тяжелые,
Морили его там смертью — голодом,
А из той ли из темной темницы

Да отправили они добра молодца
Как во дальнюю во стороночку,
Ко тому ли ко морю ко Белому,
В наши края треложные, студеные.
Клим Ефремович сидит с тоской, горюшком
На крутом на бережочки, у желтого песку,
Глядит-смотрит он на волны морские,
Думу думает про народ про свой,
Как народ спасти, вывести из гибели,
Вывести из гибели, из неволюшки повыручить.
Как летели тут птицы перелетные,
Перелетные птицы гуси-лебеди,
Из поднебесья к нему они спускалися.
Принесли они ему да скору весточку,
Эта весточка была очень чудная,
Очень чудная да очень мудрая
От вождя великого от Ленина.
Ленин-вождь про все писал да прописывал,
Вызывал к себе он друга верного
На свиданьице да на обсужденьице,
Чтоб решить дела да все народные.
„Ой, спасибо вам, гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, птицы вольные,
За то посланьице от вождя Ленина,
Этой весточке я рад-радешенек,
От сердца полного хочу повидатися,
Совета мудрого попросить его!“
Но как уйти ему, как уехати
Из ссылки лальней, из страны полуношной?
Стерегут его царские опричники,
Не пускают его на светлу волюшку,
На светлу волюшку, на свободушку.
Денечки белые Ворошилов все продумывал,
Ночки темные Клим Ефремович промысливал,
Как бы свидеться скорей с вождем Лениным.
В одну пору, в одно времячко,
Среди ночки было, среди темной,

Постучался к нему наш молодой рыбак,
Постучался, разбудил его,
Говорил ему да таковы слова:
„Собирайся, Климушка, в путь-дорожечку,
В путь-дорожечку, да во дальнюю,
Все во дальнюю, в любо-желанную
В путь опасный, в потаенный!
У меня есть да лодка малая,
Хошь и малая, да надежная,
Привезу тебя, сохраню от ворогов,
Не возьму с тебя да ни копеечки,
Отблагодаришь меня ты во времени“.
На Белом море погодушка великая,
Шумит-то море со дождями, со туманами,
Зверем страшным море вздымается.
В эту ночку страшную да в грозу бурную
Эни сели, добры молодцы, в карбас-лодочку
Ворошилов-свет да наш мужик-рыбак,
Понесло их море в путь-дорожечку.
Ай темным-темна туча, туча грозная,
Волны взлетывают поверх карбаса,
Трудно, трудно добрым молодцам боротися,
Приустили их ручки натруженные.
А чтоб не увидала стражи царская,
Чтоб не заметили урядники,
Чтоб не схватили царские опричники,
Чтоб не сказнили Ворошилову буйну голову,
Схоронил его рыбак на дне карбаса,
Призакрыл его сетью-неводом.
Плыли-ехали они не одну темну ноченьку,
Как доехали до восхода сонца красного,
До закату-то светла месяца,
Тут дала им погодушка поветерь способную,
Им способную поветерь, уносную,
Карбас по морю да как сокол летит.
Пронесла их та поветерь через окиян-море,
Донесла до тех до стран до норвежских же.

Расставались тут, распрощались добры молодцы,
Воротился рыбак ко морюшку ко Белому,
Ко своим ко сетям ко рыбачьим,
А Ворошилов Клим свет Ефремович
Через заморские города, через селеньица
Он приехал-то к вождю Ленину.
Как схватились царские опричники,
Стали сыскивать Ворошилова да разыскивать,
Всю деревеньку пообрыскали,
Все кусточки они да поощупали,
Обошли везде да не нашли его,
А тому, кто найдет Клима Ворошилова,
Посулили, злодеи, чашу чиста золота,
Во-вторых — чашу чиста серебра,
Во-третьих — чашу скатна жемчуга.
Рыбаки-мужики, наши жители,
Улыбаются все, посмехаются:
„Нам не надобно красно золото,
Нам не надобно чисто серебро,
Не возьмем мы у вас и скатна жемчуга!
Вот летели-то гуси-лебеди.
Гуси-лебеди, птицы перелетные,
Унесли его за окиян-море на крыльышках!“
Тут немало-то прошло поры-времени,
Как народ-люди вззволновалися,
Как стали-то они боротися за свои права,
За свои права за справедливые,
Возыграла тут наша революция,
Революция, восстаньице народное,
Да как все новы пути-дорожечки
По великой по Россее стали призадёржаны,
При задержаны, врагами загорожены,
Не пройти по ним, не проехати.
Загородили пути-дорожечки енералы с офицерами,
Енералы с офицерами, помешнички да заводчики,
Они хотели задержать права старые,
Права старые, права царские.

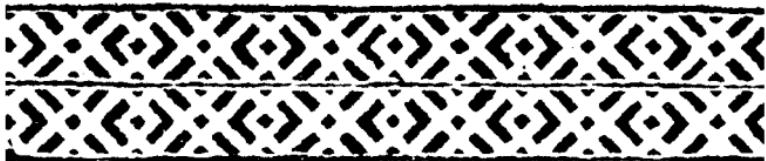
Простой народ за битвы принималися,
Пошла тут битва великая, кроволитная;
Против той ли силы белой погани
Поднялась тут славна Красна армия,
Они схватились во схваточку боротися.
Не вешняя вода разливается,
Не морская волна да колыбается,
То поганая сила по степям подвигается,
И от того ведь от пару лошадиного
Дак померкла луна поднебесная,
По степям-то ветер пошумливает,
Мурава-трава к земле приклоняется.
Выступает против погани Красна гвардия
Из простого народу, из бедных родов.
Все работники заводские да чернопахари.
Ай впереди Красной гвардии сокол летит,
Ясён сокол летит, скачет добрый молодец,
Красный богатырь Ворошилов-свет,
А и скачет-то он на белом коне,
С ним Буденный Семен, удалой боец,
Удалой боец на вороном коне.
Долго бились, боролись красные богатыри
С силушкой со белой, для народа ненавистною,
Они бились тут, стреляли боем огненным,
Могучи-то плечи да сшевелились,
Богатырские сердца да растреложились,
Лепета в лице да переменилась,
На праву руку махнут — валилась сила улицей,
На леву-то отмахнут — валилась переулками,
Разметали енералов в разные сторонушки.
Не оставили белой погани на семена.
Наступила жизнь для народу тут счастливая,
Пошла-то жизнь пространная да прожиточная,
Непрожиточный народ сам хозяин стал,
Над своей страной да управителем,
Ай колхозы-то пошли у нас да по-хорошему,
Ай фабрики-заводы пошли да по-приятному,

Ай заводы наши лесные да очень чудные!
Уж ты, вождь ты наш Красной армии,
Оберегатель ты советской Россиушки,
На тебя-то вся наша надеюшка,
Надеюшка да оборонушка,
Оборонушка да вся защитушка!
Ты гляди во все стороны во трубочку подзорную,
Чтоб по воздуху птицы хищные не пролетывали,
Чтоб звери рискующие по земле не пробегивали,
Чтоб гады ползучие не проползли никак
Через наши-то границы советские
На нашу землю на славную, на родную,
Чтоб не сгубили они жизнь нашу новую,
Нашу новую жизнь, жизнь счастливую.
Красна армия будь она в готовности
В каждый час, в каждую минуточку
С ворогами повстречатися;
Ворошилов Клим да свет Ефремович,
Будь ты у нас за Илью Муромца богатыря,
За богатыря да за могучего.
А твой способничек, свет Буденный Семен,
Будь у нас за богатыря за Микулу Селяниновича!

Низкий поклон шлем тебе от моря Белого,
Будь счастлив и долголетный же,
Долго жить тебе да все счастливи быть,
Тебе, дорогой вождь Красной армии,
Велика-то честь и славушка
Ото всей страны нашей Северной
Ото всех людей со старого до малого!

Как белые Север хотели отнять

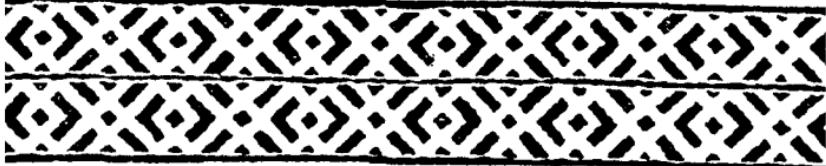
А у нас было во Россиушке,
В одну пору во счастливой час,
Всему миру радость случилася,
Часты звездочки загорелися,
Ясна зорюшка засветилася,
Как у матушки революции
Млада лебедь свет спородилася.
Еще славная да советская,
Советская да Российской.
Очнулася лебедушка, поздоровалась,
Во-первых, низко всем поклонилася,
Еще славным вождям, трудовым людям,
Трудовым людям принесла она
Жизнь веселую и свободную.
Да невзлюбили ее черны вороны,
Злые коршуны богачи-купцы,
Слуги царские да помещики.
Зажалели они своих теплых гнезд,
Как палат своих белокаменных,
Всех земель, богатств, красна золота.
Они задумали задушить ее,
Младу лебедь Советскую Республику,
Порешили вынуть у ей сердце красное,
У рабочих отнять счастье светлое.

Буря-непогодъ подымалася,
Черны вороны все слеталися,
За булатное оружие хваталися,
Они бросились на лебедушку—
На младую Советскую Республику.
Помогал-то им идище поганое

Еще черный изменщик Троцкий Лев.
Да вступился тут рабочий люд
Со крестьянами за Республику.
Крепко бились они с супостатами,
Этот бой у них шел не день, не два.
Красно солнышко пошло к западу,
Бой пошел на окончание,
У черных воронов когти крепкие,
У красных орлов вожди мудрые,
Да зазвали царские прислужники
На подмогу себе чужи нации,
Королей, царей из других земель.
„Помогите нам расправиться
Над младой Республикой Советскою,
Над крестьянами, над рабочими“.
Им сулили отдать море Белое
Со зверями со морскими—все,
Со славною краснорыбицей.
„Отдадим леса богаты северные
Со зверями со пушными все,
Со куницами, со лисицами,
Со птицами перелетными.
Отделим вам часть земелюшки
С деревнями, со крестьянами“.
Они хотели врагу отдать
Славный Архангельск-град
Со заводами со лесными же,
С пароходами, с ледоколами.

Чужоземны короли зрадовалися,
Скоро-наскоро все собиралися,
Снарядили суда военные,
Самолеты свои скоролетные.
Туча темная накатилась:
Беляки на нас подымалися:
Подошли к Мурман славну городу,
Выкидывали они флаги торговые,

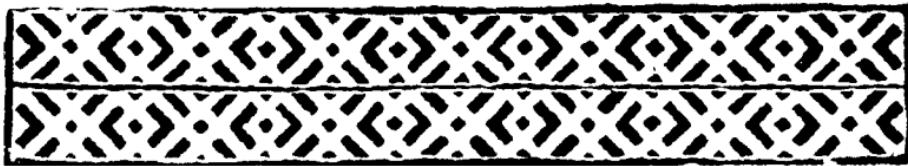

Зашли в гавань обманом все,
Будто ехали закупать у нас
Товару разного славно-российского.
Сами дальше пошли в море Белое.
Подъезжать стали к городу Архангельску,
Призакрыли на себе платье военное,
Они оделись каликами перехожими,
Как гостями переезжими,
Сошли на берег — врагами обернулися.
Как настала тут ночка темная,
Они схватили трудовых людей
Ясных соколов-большевиков.
Они взяли их на поруганьице,
Запутали в путани ременные,
Задергали в арканы во железные,
Посадили их в темну темницу,
За те ли замочки железные,
За караулы очень строгие,
Развозили на острова пустынные
Во-первых, на остров Мудьюгу,
А потом на остров Иоканьгу.
Посадили в ямы глубокие,
Стали морить смертью голодною,
Мучили работами тяжелыми;
Приказали вычерпать воду из океан-моря,
Песок с места на место перенашивать.
Их стегали прутьями железными,
Палача поставили страшного —
Судакова слугу царского.
Он кричал на них по-звериному,
Он шипел-то все по-змеиному,
У живых глаза выкалывал,
Вырезал из спины тела полосы,
Отрезал уши, на руках пальцы;
Заставлял копать ямы глубокие,
А потом живьем засыпал песком.
Тут засели злые разбойники

С атаманом своим Миллером.
Завели себе пиры великие,
Пировали, гуляли день и ночь.
Во хмелюшечке похвалялись;
„Теперь Север у нас весь в руках,
Хошь водой стопим, хошь огнем спалим“.
А садилась тут свора белая
На двинские суда·пароходики,
Разъезжались скоро по всем рекам,
По всем рекам, по всем городам.
Из городов пошли на деревеньки...
На то времячко, на ту пору
Большаков·мужиков дома не было.
Кто куда ушел приразъехался,—
Кто на промыслы в море Белое,
Кто ушел в леса за пушным зверем,
Кто во плаванье ушел во далекое.
Подъезжали к деревням беляки поздно вечером,
Начинали пальбу по жилым домам,
Населенье все ужасалося,
По темным лесам разбегались,
По глубоким погребам скрывались.
Тут и начали разбойники,
Слуги царские полковники,
Офицеры иноземные
Разорять, обирать трудовых крестьян:
Увозили хлеб, скота резали,
Стариков, молодых ребят забирали в плен.
Девок, жонок молодых позорили,
Заставляли рыть окопы глубокие;
Кто не шол, не работал им,
Тем срубали тут буйны головы.
Много было деревень огнем повышено.
Много-много людей было погублено.
От голода умирал трудовой народ,
Протекали слез речки быстрые,
Утопали в крови поля широкие.

От тяжелого вздыханьца
Простонала матушка сыра земля.
Полетела тут скоро весточка,
Она птицею перелетною
Горе-горькое кукушицей
Во все стороны света белого:
Что зорят беляки страну Северную.
Долетела весть в каменну Москву
Ко славну вождю свету Ленину
Ко его другу верному Сталину,
Они стали меж собой думу думати,
Как бы Север спасти да врагов прогнать:
„Наши славные орлы красные,
Ворошилов Клим со Буденным-то,
Они уехали по другим фронтам
Разгонять от границ свору черную.
Мы пошлем-ко скорей выручать Север
Удалых ребят Красной армии“.
Пошла грамота скорописчата
К большакам-мужикам славна Севера,
Чтобы шли, домой ворочалися,
За свой Север родной посражалися.
Услыхали мужики вести мудрые
Поскорей домой поспешалися,
Увидали дела дома гиблье:
Поля стоптаны, избы сожжены,
Девки, бабы опозорены,
Сыновья все в бои забраны,
Малы деточки—беспризорные;
А тут не лютое сердце разгорелося,
Богатырское русское сердце раскипелося.
Могучи плечи сшевелились.
За охотничьи ружья все тут бралися,
В партизанские дружины собиралися,
С Красной армией рука об руку
На врагов белых в скорой бой пошли.
Темны лесики пошатились,

Мать сыра земля потрясалася,
Моря-реки сколыбалися,
Звери лесные разбегались,
Птицы-пташки разлетались;
От того ли пару лошадиного,
От того ли от дыму ружейного
Не видать было свету белого,
Будто белой пеленой земля потянута.
Тут не стон стонал,
Да не гам гамел,
Шли кровавые бои под Почегою,
Под деревнями лесной Пинеги,
Как под городом славным Шенкурском,
Под прекрасною Онегою.
Дрались-бились, боролись не день, не два.
Вот и зимушка прошла студеная,
Не успевали тела хоронить в земле:
Бела армия была несметная.
Не облететь было ясну соколу,
Не объехать было на добром коне.
Красна армия с партизанами
Не числом брала—своей смелостью,
Умом-разумом вождя Ленина,
Руководством, советом родного Сталина.
Пошатнулась сила белой армии,
Нападал на нее превеликой страх;
Побежали назад ко Архангельску.
Догоняли их красны соколы.
Прибежали в Архангельск ночью темною,
Немалую шуточку нашутили:
Звери лютые, банды белые
Прикололи заключенных большевиков;
Не скоронили трупы,бросили.
Поскорехонько сами собиралися
В путь-дорожечку к себе домой.
В свои страны чужоземные,
Погрузились на судно ледокольное

И покинули страну нашу северну...

Как поехали — заклиналися:

„Нам бы век не бывать в Архангельске,
Не сражаться бы нам с Красной армией.

Большевики-то — люди сильные,
А вожди у них все премудрые“.

Тут очистила Красна армия
Все дорожечки и деревеньки
От изменников своей родины,
Предала земле тела товарищней,
Замученных белогадами.

Над могилами поставила знаки вечные—
Звезды красные пятиконечные.
Свет лучом от звезд излучается,
Во все стороны разливается,
Кораблям в морях маяком светят,
Во темных лесах огоньком горят,
Самолетам в облаках путь указывают.

Не умрет о героях слава громкая,
Что за родину положили жизнь,
За Республику за Советскую.
Молодым будет на послушаньице,
Старым людям на рассказаньице,
Белу морюшку на тишину,
Кремлю Красному на велику честь,
Дорогим вождям на долгий век.

Сказание про полюс

Призывал-то к себе великий вождь Сталин
на заседаньице,
На заседаньице да на рассужденьице
Славного ледового героя Поколен-Бороду,
Призывал людей премудрых да все ученых,
Созывал ясных соколов, геройских перелетчиков,
Говорил-то он таковую речь:
„Уж вы ой еси, добры молодцы, герои-перелетчики,
Вы слетайте в ту страну, в саму дальнюю,
В саму дальнюю да во холодную,
Во холодную да во северную,
Куда ясны соколы никогда не летывали
Добры молодцы никогда не проезживали,
Где люди добрые не проживали же;
Та страна для нас очень важная,
Как оттуда подымается вся погодушка
На всю нашу на родну земелюшку!
Приузнайте там, проразведайте,
Отчего зачались зори утренние,
Отчего-то дуют ветры буйные,—
Не ото льдов ли морозных воздуханьца?
Знать должны мы все про погодушку,
Когда и откуль подуют ветры буйные,
Когда пойдут да дожди частые,
Когда случится да люта засуха,—
На полях своих да во делах своих
Обо всем этом мы должны ведати.
Вы летите в ту страну холодную,
Во холодную, во ледовитую,
Вы состройте там домичек ледовый,
Домичек ледовый с башенкой со высокой,

С той башенки глядите вы, проглядывайте,
Записывайте про все во книгу во памятну,
Посылайте мне ерлык да скору грамоту,
Как идут дела, да что вам видится!“

Ходили в ту страну полунощную,
В ту страну, в северную, во холодную,
Люди многие иностранные
Ко тому ко столбу ко земному:
Чудный столб он ведь видится,
Из земли, из окияну он ведь кажется.
Как ходил один человек да иностранный,
Он хотел пройти да не мог пройти.
Во тех во льдах да морозных,
От тех от стуж да очень сильных
Он погиб да в том хожденьици,
Долго, долго да не знали ведь,
Где погинул хоробрый путешественник.
Через несколько поры, поры-времени
У того ли у моря нашего у Белого
Как сидели рыбаки да рыбачили,
Они сети в море Белое закинули,
В сетях-то они выловили чудо чудное,
Чудо чудное да очень дивное:
Они выловили сапог с его правой ноги,
А в сапоге в том прописаньице положено:
„Во делах своих успеху не окончил я,
Не исполнил я заветного мечтаньица“.
Как ходил другой человек да иностранный
По тем путям морским, по ледовым
Ко тому ко столбу стоячemu, ко земному,
В путешествии он да утомился,
Утомился да приустал весьма,
Он хотел да отдохнуть в пути.
Как во ту пору да в то времечко
Напали на него медведи белые,
Медведи белые да очень жадные,

Разорвали его на части на мелкие,
Они съели, сглонули его без остаточку,
Не оставили ни одной от него косточки.
У того ли у моря нашего у Белого
Ходили наши охотники да охотились
За теми за тюленями, за зверями морскими,
Однажды зверя они да застрелили
Не тюленя, а медведя белого,
Медведя белого да заблудившего,
А как начали сдирать шкуру-то медвежью,
А как начали разрублять тушу-то медвежью,
Чудо чудное да очень дивное—
Во кишках нашли трубочку подзорную,
Трубочку подзорную того ли путешественника,
А в той во трубочке записочка положена:
„Во делах своих успеху не окончил я.
Не исполнил я заветного мечтаньца“.
Как ходили третья люди да иностранные
По тем морским путям, по ледовым
Ко тому ко столбу стоячemu, ко земному,
Да попали они во крушеньице,
Да впали они во великое несчастие,
Завелся между ними свирепый голод,
Они начали друг дружку есть да кушать.
Подоспели, подошли тут карабли советские,
Спасли тех, кто в живых был, не померли.
Много-то ходило туда народу разного,
Но не было у них такой способности,
Способности такой да премудрости,
Не было у них такой храбрости и ученьица.

Полетели туда наши ясные соколы,
Ясные соколы, герои перелетчики,
Летели они через горы высокие, ледовые,
Летели они через моря глубокие,
Прилетели они в ту страну холодную,
В ту страну холодную ко столбу земному,

А вокруг того столба льдинки носятся,
Льдинки носятся, кругом кружаются.
Приносили они на крыльышках людей мудрых,
Людей мудрых да хоробрых же,
Опускали они их со крыльышков
На ту лединочку на морозную, проходящую.
Они делали на том на столбу на земном
Знамя славное советское,
А на лединочке домичек состроили,
Домичек ледовый со высокой с башенкой.
Опускались они на дно морское
На дно морское бездонное,
Доставали они глубину окиянскую,
Смотрели-глядели они, как земля вертится,
Как вертится да вокруг кружается,
Кругом столба да обвивается,
Штоб всем от сонца было обогретьице,
Штоб знать было, когда идет же белый день,
Когда приходит ночка темная.
Не на трех китах земля основана,
Как говорили в старину люди старые,
Не потому земля колыбается,
Будто кит спросонья пробуждается,
А вертится земля вокруг столба стоячего,
Тем столбом земля насквозь пропыкан;
И оттого земля-матушка колыбается,
Што чудный столб от ветра шатается.
На самом на том на столбу на земном,
Што торчит верхним концом ко небушку,
Знамя славное советское развевается,
Возле знамя того стоит сам Поколен-Борода,
Его черная бородушка по ветру воздымается,
Делает он разные приказаньца,
Как вести дела, как делать всю погодушку.

И оставались на той на льдинке проходящей
Советские герои, пречудные рыцари,

Они стоят на заставе на самой морозной,
Они живут-проживают у того столба стоячего,
У славного ерба советского.

Пришли к ним во помощнички медведи белые,
Медведи белые им поклоняются,
Они пришли с героями познакомиться,
Познакомиться да поздороваться,
Быть соседами да все ведь ближними
И товарищами все ведь верными.

Герои живут на льдиночке да дело делают,
Дело делают, все просматривают да проглядывают;
Как только ветры буйные зачинаются,
Изо льдов они делают стеночки защитные,
Штоб не дули ветры буйные на наши поля прожиточные,
Штоб древа в садах да не шаталися,
Штоб корабли советские во спокое плавали.
Когда туда собирается—ее придерживают,
Попридерживают в руках да поощупывают,
Отпускают тогда тучу в ту стороночку;
Где нужны земле дожди очень срочные.

Лединичка с героями по окияну носится,
По окияну носится, неизвестно, в каку стороночку,
На ней горят нонь огни всяки-разные,
На ней цветут нонь цветы лазуревые.

Да это не чудо да не диковина:
Ноныче погодушку для своей для родины
Делают советские богатыри своею мудростью,
Свою мудростью, науками превеликими!

Сила храбрая красноармейская (Сказ о Красной армии)

Как при старой поры-времени,
При царе при грабителе,
Да при царской проклятой фамилии
Забирали сыновей у нас
На свою службу военную,
На войну на проклятую.
Они шли не охотушкой—
Что великой неволюшкой:
Им ити не хотелось—
Отказатца никак нельзяя.
Им ити было нерадостно
Что под ту ли пулю быструю,
Что под ту ли саблю вострую,
Что под ту ли лиху картечь,
Им на смерть свою голову класть.
Не хотелось солдатам воевать,
Не хотелось до зла горя.
Все солдаты стали думать да гадать—
Как-нибудь да перестать им воевать,
Перестать им царско право исполнять,
Перестать им кровопивцев защищать.
От отцов, матерей от солдатских
Приходили в полки письма-грамотки,
Письма-грамотки были нерадостны:
„Нет житья-бытия народу рабочему,
Нет житья-бытия люду крестьянскому,
На сердцах у них много боли-тяжости,
Во мыслях у них много обидушки.
Рабочие стали гневатца

На своих фабрикантов· заводчиков,
Беднота в деревни стала голову здымать
На своих кровопивцев· помещиков
Кровь горячая ключом стала кипеть,
Ретиво сердце огнем стало гореть...“
Заходили мысли вольные в войсках,
Подымались смелы головы в полках,
Смелы головы большевицкие,
Говорили они да речи гневные:
„Мы ешше докуда будем воевать,
За чужих людей кровь проливать,
За богатых, за богатинных?
Докуда будут наши матери стареть,
Докуда будут молоды жены вдоветь,
Докуда будут наши дети сиротеть,
Бесприютны наши домики стоять,
Беспристройны все деревни пустовать,
Бесприборны наши пашни посыхать?
Возвернемся·ко солдатушки, назад
Да запалим·ко назад большой пожар:
Мы во·первых—под проклятого царя,
Во·вторых—мы под заводчика,
Мы во·третьих—под помещика,
Во·четвертых—под омманщика·попа,
Мы во·пятых—под буржуя·кулака,
Во·шестых—под офицера·дурака:
Он дурак·то—не дурак,
Да солдату первый враг.
Что на тех ли врагов·ворогов
Повернемте мы свои востры штыки,
Розмахнем мы востры сабельки
На зловредны ихны головы.
Мы очистим землю дочиста;
Уж мы скосим с родной земли
Ту полынь·траву горькую.
Что на нашей родной земле
Рассадим сады невиданны,

Чтобы наша родна земля
Зацвела сливой-вишенью,
Той ли яблонью кудрявою,
Виноградами зеленыма;
Чтобы в том саду невиданном
Мог народ веки вечные
Жить цвести в счастьи-радости“.
Большевицко слово, оно доходчиво:
Разбередили сердца большевики,
Да поднялись с фронтов несметные полки,
Возвернулись тут солдатушки назад,
Они сошлись—съединились
Со товарищами-рабочими,
Что со братьями-крестьянами.
Они всей народной силою
Да запалили назади большой пожар,
Добрались до проклятого царя,
Одарили всю фамилию его
Богатыма гостинцами солдацкими:
По гостинчику—по востру штыку,
На закусочку — пулю быструю.
От заводчиков—весь рабочий люд
Взял в свои руки заводы-фабрики,
От помещиков землю-матушку
Передала народу советска власть.
Заварилось тут дело немалое,
Немалое да небывалое.
Чтобы это дело невиданно
Не пошло бы оно прахом-пропадом,
Чтобы стара власть не возвернулась,
Два больших орла—Ленин со Сталиным—
Всех своих орлят к себе кликали.
Что на этот клич вождей-орлов
Слеталось тут племя орлиное,
Сбиралась тут сила несметная,
Несметная да несчитана —
Всенародная да Красная армия.

В Красну армию всенародную
Солетались орлы-соколы
Самы лучшие да самы верные.
Они шли-пошли не неволюшкой,
А своей душевной охотушкой.
Им итти было радостно
Хошь под ту ли пулью быструю,
Хошь под ту ли саблю вострую,
Хошь под вражью лиху картечь:
Им не жалко было жизнь отдать
Что за Ленина со Сталиным,
За свою родну советску власть,
За свои заводы-фабрики,
За свою землю-матушку...
На ту пору всей земли,
Как по нашей по родине
Подымали свои головы
Генералы недобитые,
Офицеры недостреляны.
Солетались они со всех концов
Злым-лихим вороньем, хищным коршуньем.
По-вороньи тогда они закаркали:
Что не жить—не летать молодым орлам
Высоко-далеко по поднебесью,
Что не жить-то не быть Красной армии
На свободной родной земле-матушке.
Уж как то ли зло-лихо воронье
Созывало оно силу заморскую:
Не званьем звало—наймом наймовало
Что за те ли земли самолучшие,
Самолучшие да хлебородные,
Что за те ли богатства народные.
Приходила к генералам из-за моря
Иноземна сила-помочь великная
Со тема ли со гостинцами заморскими:
Со пушками да скорострельными,
Со танками да скороходными,

С кораблями да со черненыма,
С самолетами да быстролетныма,
С винтовками многозарядныма,
С пулеметами многосмертныма,
С генералами многоуученыма.
Налетало тут злое коршунье
На наши села с деревнями,
Топтало оно наши пашенки,
Уж и мяло нашу травоньку шелковую
И ломало наши яблони кудрявые,
Клевало-терзало народ честной,
Народ честной—людей лучших...
Подымалосе тут Красна армия
Навстречу врагу-супротивнику,
Набольшим-то был Ворошилов Клим,
Он речь держал к орлам-соколам:
„Уж вы гой еси, орлы-соколы,
Вы советски народны богатыри!
Уж как дали нам Ленин со Сталиным
Два заданьца дали немалые:
Надо выгонить нам зверя белого,
Зверя белого—генеральского
Из чиста поля да из темных лесов—
Что со всей-то советской земли-матушки.
Надо выгонить нам змея лютого,
Змея лютого да заморского,
Заморского да людоедного
Из чиста поля да из темных лесов—
Что со всей-то советской земли-матушки.
По указу товарища Ленина,
По совету товарища Сталина
Надо нам те заданьца выполнить,
Тех зверей-врагов надо выгонить...“
Полетели ясны соколы-бойцы,
Красной армии богатыри
По чисту полю, по родной земле
Размахалисे крыльям соколиным,

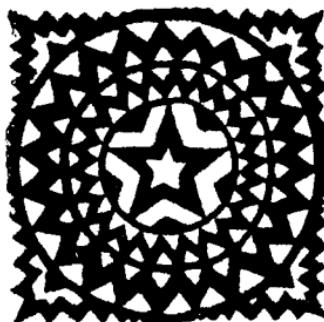
Подымалисе птицей вольною
Выше лесу стоячего, выше облака ходячего.
По поднебесью летела ясныма соколами,
На родну землю опускалась добрыма молодцами
Сила храбрая красноармейская.
Опустились добры молодцы на сыру-землю,
Расходились силой богатырскою,
Размахались вострыма сабельками
Как на ту же стаю на полетную,
Уж и стали рвать-трепать стаю коршунью,
Уж и стали ломать крылья пустоперые,
Уж и стали бить-трепать перье со кожею,
Со кожею да до сыра мяса.
Ломать костье да мелко-намелко,
Не оставили крыла неломана,
Крыла не ломана, пера не считана,
Чтобы не было от них не осталосе
Ни крыла, ни пера и ни косточки,
Не летать чтобы им по советской земле,
Не бывать-то да им в каменной Москве,
Не увидеть им света-Ленина,
Света-Ленина да света-Стилина.
Сила храбрая красноармейская
Уж повыгнала она зверя белого
Зверя белого да генеральского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей ли советской земли-матушки,
Повыгнала да змея лютого,
Змея лютого да заморского
Из чиста поля да из темных лесов,
Что со всей ли советской земли-матушки.
Скосила она силу вражеску,
Как в поле полынь-траву горькую.
Иноземна сила помочь вражеска
Недокошена да недобитая,
Недобитая да недострелена
Убежала она за сине море

Во те ли земли заморские.
Тогда к нам пришло-прикатилось
По всем фронтам замиреньице...
Ходил по границам Ворошилов Клим,
Запирал он границы на крепки замки,
Выставлял он заставушки верные,
Посыпал он охранушки зоркие,
Посылая-то, он им наказывал,
Наказ давал да таку речь держал:
„Уж вы гой еси, добры молодцы,
Вы товарищи ребята пограничники,
Вы храните-берегите мать родну землю,
Мать родну землю народную советскую.
Уж как наша-то земля ведь не куплена—
Уж как наша-то земля кровью добыта,
Кровью добыта да кровью полита.
Вы смотрите—не проспите врага ворога,
Чтобы он нежданно в гости не пожаловал,
Не прошел бы к нам, разбойник, по чисту полю,
Не пролез бы, иноземец, по сырой земле,
По сырой земле да по под кустышкам,
Не проехал бы по морю на корабличке,
Не пролетел бы в самолете по поднебесью“.
С той поры стоят робята пограничники
На советских на крепких на заставушках,
Стерегут они границы от разбойников,
От разбойников-фашистов-подорожников.
И пошла у нас тогда жизнь по-ладному,
По-ладному да по хорошему,
Во спокой народ взялся за работушку.
Что по всей земли по советской
Рассадили мы сады невиданные,
Стали строить города небывальные,
Стали накрепко крепить Красну армию:
Стали строить себе пушки скорострельные,
Стали делать себе танки скороходные,
Да готовить самолеты быстролетные,

Да счастить себе кораблики черненые,
Да учить командиров ворошиловских,
Чтобы все мы могли на спокой жить
Да растить-крепить дело колхозное.
Чтоб земля расцветала сливой-вишенью,
Сливой-вишенью да яблонью кудрявою,
Виноградами кустами да зеленыма,
Чтобы в нашем саду расцветающем
Мог народ век цвести в счастьи-радости...
Не боитца ветров гора каменна,
От ветров, гора, она не сдвинется;
Не боимся мы врага-супротивника—
От врага, как гора, мы не стронемся.
Мы даем отпор крепче старого,—
Теперь силушка у нас небывалая.
Мы сомнем-сокрушим врага-насильника,
Как былиночку—буря-падера:
Нет во чистом поле такой былиночки,
Чтоб стояла—не клонилась в бурю-падеру,
Нет на всей земле такой силушки,
Чтобы выстояла против Красной армии.

Мать-Печорушка—всем рекам река

Испокон веку про Волгу поют песенки,
А никто не сумел про Печору спеть...

Мать-Печора была позакинута,
От больших городов позаброшена,

А теперь метит Волги во соперницы:

Не поддастся она шириной своей,

Не уступит она долиной своей,

Не уважит она водой полною,

Водой полною, рыбой красною,

Красотой ли своей распрекрасною.

Мать-Печорушка—всем рекам река:

Шириною она широкая,

Долиною она долгая,

Как водою она полная,

Тонями она преображеная,

Берегами она распрекрасная:

С одной стороны—наволоками,

С другой стороны—тундровой землей.

В наволоках—луга сенокосные,

В тундровой земли—боровы места,

Боровы места, да места ягельны,

Места ягельны, да они ягодны.

Как наступит-то весна красна,

Как пройдет-то да мать-Печора,

Как пробрызжут-то да реки быстры,

Прогремят-то ручьи глубоки,

Приобрежитца вода вёшная,

Приобсохнут жолты пески,—

Раскрасива тогда Печора.

Как по вёшной-то воды вольной

Поплынут ли да легки стружечки,

Как поедут ли да все во лодочках
Как по тихим да вешним заводям
На гуляньицо да на весельице,
Все со песнями да все со баснями.
Берут весельца еловые,
Берут ружья для охотушки,
Берут гусельцы звончатые.
К берегам приставаючи,
Да по ним все гуляючи,
Там стреляют гусей-лебедей,
Серых утиц-касаточек,
Пляшут молодцы с девицами
До утра, они до упаду,
Поют песенки веселые,
Песни новые да все колхозные.
Берега-то у моря студеного
Прежде были пусты, без строеньица,
Ни двора тебе, ни хижины,
Ни жилья человечьего.
Жили в лодочках, во суденышках,
Пили-ели-отдыхали тут,
Тут все делали-обрабливали,
Тут и рыбу засаливали,
Тут тебе была и спаленка,
Тут—столова нова горница,
Тут и нова светла светлица:
Ни вымытца тебе, ни высушилца—
Мелкой дождичок—умывка,
Красно солнышко—обсушка,
В лодке варбишшо¹—обогрева,
Бочки с рыбью—тесова кровать,
Сетки с кибатами—изголовьице.
Только нам было не до отдыху:
Добывать-то рыбу с трудом было
Не хитростью, да не мудростью,

¹ Варбишшо — устройство в рыбакской лодке для разжигания костра.

Своей одной только силушкой
Со тяглым да с сетками,
Да со долгима веревками.
Мы робили да моталися,
Моталися да позорилися
По ловлям да рыболовным,
По водам ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным,
Тяжело нам доставалось:
По полу-себя в воды стоючи,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали.
Нам времечко было не указано,
Как часы-то были не обозначены:
Ночь шла, она, за белый день,
День-то шел, он, за темну ночь,
То и суточки круглы не спали,
Бури-падеры не держали,
Дожжа мокры нас проливали,
До костей мы да промокали,
Руки-ноги да промерзали,
Зубы о-зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горячая захлывала.
День и ночь мы руки мозолили,
На жолтом песку ноги вывертывали,
Веревками плечи кровавили—
Все ловили да рыбу белую:
Сигов печорских непуганых,
Оммылей морских икрянистых,
Нельму жирную, самолучшую.
Как со той же мы со работушки,
Как со той же со тяжолое,
Со того же низу богатого
Домой приедем мы не ко батюшку,
Возвернемся мы не ко матушки,—
Ко тем ли да злым хозяевам.

Мы глазами не огледимсε,
Резых ног мы не обогрем,
Как опять на ту же на работу
Как опять на ту же на тяжолу.
А кто приходил и ко батюшку,
Ко хозяйствву своему самоличному,—
Богатой свой весь промысел
Отдавали купцам богатинным,
Усольцам ли, да чердынцам ли.
Купцы-то те цены делали;
Скостят они цену до полцены.
Дешевят они рыбу дешево,
А рыбачеству делать нечего:
Отдавать им рыбу приходилося
Не за рубли, а за копеечки.
А теперича ходят на промысел
Не по-старому, да не попрежнему.
Хоть по той же по Печорушки,
По той же воды вешной вольной,
На тех же ли на суденышках,
Со тема же парусами белыми,
Белыми да полотняными
Мимо тех же сел с деревнями,
До того же до синя моря,
До синя моря Ледовитого,
До печорских губ с загубьями,
До тех же промыслов богатых
Рыбачество наше плавает,
Да все-то теперь стало иначе
Не попрежнему, а по-новому.
Берега-то у моря студеного
Они все теперь позастроены
Домами-строеньями
Да хоромами теплыми.
Тут дома не постойные,
Тут хоромы не гостиные,—
Тут живут по-домашнему.

На свои места знакомые,
На участки рыболовные
Выезжают колхозники
Со ловушками новыми,
С неводами ставными же,
С рюжами уловистыми.
Хорошо рыба ловится:
Все уловы богатые
Той ли рыбой находною:
Сигами печорскими,
Оммылями икрянистыми,
Нельмой жирной самолучшею,
Дорогой рыбой семгою,
Рыбой семгою—рыбой красною.
За уловами богатыми
По ту рыбу добыту
Идут по морю студеному
Мотор-лодочки скороходные,
Не дают рыбы портитца,
Доставляют ее скоро-наскоро
На те ли пункты приемные
К ледникам ко холодным,
Ко засольщикам ко ученым,
К обработникам ко толковым.
Они обрабливают, засаливают,
Свежой рыбой замораживают.
Это все для рыбачества
Облегченьице в работушки:
Им заботитца не надобно,
Им печалитца не об чем,—
На руках рыба не спортица,
Расчет-учет дают на руки,
Дают на руки деньги полные.
После той ли работушки
Им не надо жить на судёнышках,—
Приезжают в теплы домики,
В теплы домики-светёлочки

Раздеваются по-домашнему
Пьют едят, за столом сидят,
Что хотят, то и кушают,
Отдыхают, где им хочется,
В парных баенках моются.
Парна баенка принатоплена,
Ключева вода принагретая,
Шолков веничик принапаренный,
Тазы медные приначищены,
Мыла заморские принакуплены.
Все теперь по-хорошему,
Для рыбачества все по-лучшему,
По-лучшему, по-веселому.
Как домой собираются
Со богатого промыслу—
Не ждут в спину поветерь,
Не кличут в помощь ветричка,
Не гневают север-батюшко,—
Они кличут мотор-лодочку.
Они едут вверх по Печорушки:
В руки вёсел брать не надобно,
Ноги резвые набивать-томить,
Свои плечика натруживать:
Они сядут отряхня ногу
Безо всякой заботушки,
Они едут—только песенки поют,
Чай крепки с сахарами пьют.
Их встречают отцы—матери
Гостями почетными
С угощеньями сладкими,
Со шаньгами да тёплыми,
Со словами да с ласковыми.
А дома—тоже работушка—
Весела работа колхозна:
Наступит ли лето красно,
Разростут ли луга зелены,
Расцветут ли цветы лазорьевы,

Разнесет ли духи анисовы—
Пойдут колхозники по поженкам,
По лугам траву обкашивать,
Не косами, не горбушами,
А машинами хитромудрыма,
Уж тема ли самокосилками.
Та работушка со радостью
От желанья ретива сердца.
До колхозов-то мы робили
На тяжолой на работушки
На хозяев, на кулачество,
На злодеев-лиходейщиков.
Нам косьба не по силушки,
Гребля нам не по могуты,
Тяжелым тяжела доставаласе,
Нам косы руки мозолили
Мозолями кровавыма,
Могучи плеча уставали,
Мы спины разогнуть не могли,
С косьбы ноженьки дрожали,
Изо глаз мы свет теряли.
От хозяев, от кулачества
Мы не плату да получали,
Мы копеечки собирали.
Что за нашу-то труд-работушку
Кто ли денежки получал,
Себе богасьво да наживал.
Томила нас ходьба далекая,
Сушила работа кулацкая,
Труд-работушка неоплаченна.
Уж мы день перекоротать не могли,
Уж мы вечера не дождемся.
Не катился нашой ум на красоту,
Не здымалисе глаза на басоту.
Им глядеть было некогда
На цветы на лазорьевы,
На тихие заводи,

На зори ранни утренни,
На закаты соньца красного.
Со устаточку без питья падем,
Со работушки без еды лежим.
Тут не в радость краса-красота.
А теперь-то по нашим лугам,
По зеленым по наволокам,
По пожням, по сенокосам,
По долгим да по покосам,
По широким да по пограбам
Работают все бригадушки,
Кажно дело показано,
Кажно дело учитано,
Трудодни в книги выведены,
Сполнна будут оплачены.
Прикатитца день ко вечеру,
День ко вечеру, ко отдыху—
Молоды робята пляшут да поют,
Пожилы не поддаваютьца,
Старики сказки сказывают,
Побывальшики былинушки ведут.
Со песнями да со баснями
Мы не знаем, как и день пройдет,
Не видам, как время катитца,
Нехватат нам дня наробитца,
Поработать еще хочетца,
Посмотреть на Печорушку.

Мать-Печорушка—всем рекам река:
Реками она—во все стороны,
Ручьями она несчетная,
Родниками она несметная,
Ключевой водой чистая,
Заводями она спокойная,
Быстерями—она быстрая,
Заливными лугами отменная,
Песками-тонями удобная,

Рыбой красною урожайная,
Красотой своей очень прелестная.
Кто на ей живал,
Тот все сам видал,
А кто не был у нас—
Просим в добрый час,
Не на час, не на денечик—
Приезжать на годочкик
Хлеба-соли кушать,
Песенок послушать.

Про выборы всенародные

(Сказ о выборах)

Поутру раным-ранешенько,
До зари, до бела света,
До петушья крику утрення
Мы вставали-подымалисе,
За работу принималисе,
Поскорее с ней справлялисе.
Ключевой водой умывалисе,
Полотенышком утиралисе,
Мы на праздник собиралисе,
Хорошо мы одевалисе
Во одежду во лучшую,
В платья шолковы да бархатны,
Во платки цветасты гарусны,
В наши лучшие малицы.
Подошел светлый праздничек,—
Он видом-то не виданной,
Он слыхом-то не слыханной
То—не паска стародавняя—
Был он за год первой праздничек,
А уж тот денечик радосной
Был нам за век первым праздником.
Мы готовились к празднику
С честь-радостью великою,
Не варили пива пьяного,
Не купили зелена вина:
Ни к чему нам пиво пьяное,
Нам не надо зелена вина:
Мы пошли встречать праздничек
С головами со светlyма,

Со мыслями со верными.
Мы не в церковь к заутрене;
Мы не к звону колокольному,
Не к четью-петью церковному,
Не к попу ко духовному,
Не молитца—низко кланята—
Мы спешили-торопились
Ко часам ко указанным
Во чисты, светлы горницы,
Во палаты избирательны.
Светлы горницы приубраны,
Чисты стены приукрашены:
Как среди лета красного,
Расцвели цветы лазурьевы,
Так средь зимы морозливой
Зацвели наши горницы
Занавесками тюлевыми,
Кумачевыми лозунгами
Да словами призывными.
Большевицкая партия
Призывала простой народ:
И мужчин-то и женщин-то,
И колхозниц, и колхозников,
И простых единоличников,
Коммунистов с беспартийными—
Сообща думу думати
Думу думати немалую.
Мы садились во единый круг,
Мы великую думу думали,
Говорили-то мы речи новые:
Нам кого будет выбрать,
Нам кого будет выдвинуть
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Все-то реки текут в окиян-море,
Все-то думы наши народные,
Будто птицы, летят в Москву-матушку

Ко тому ли Кремлю белокаменну,
Ко тому ли отцу-вождю любимому,
К дорогому товарищу Сталину.
Мы за то его любим-жалуем,
Что по нашей советской стране
От его светла разума
Свету боле, чем от солнышка:
Жить нам стало светлым-светло,
Просветели наши головы,
Просветлела жизнь—просветилась.
По его великой мудрости
Дело правителя правильно,
Дело наше большевицкое.
Он ведет трудовой народ
По дороге по ленинской,
Он глазами орлиныма
Смотрит, будто из поднебесья,
На пути-перепутьица,
Выбирает-высматривает,
Будто в трубочку подзорную,
Путь дорожечку верную,
Верную да неизменную.
Под его руководством
Мы по той ли путь-дорожечки,
Что нам Лениным указана,
Что нам Сталиным показана,
Мы идем—не отклонимся,
Мы растем—не остановимся.
Дорогого товарища Сталина
Мы за все это любим-жалуем,
Мы за все это его выбрали,
Мы за все это его выдвинули—
С честью-радостью да первым-наперво
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Мы еще думу думали,
Про всех наших людей лучших,

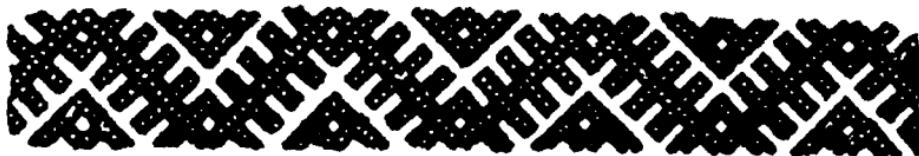

Про всех людей правильных.
Вспоминали мы жизнь старопрежнюю,
Старопрежнюю да стародавнюю:
До советской-то поры·времени:
У кого в селе пузо толстое.
Тот и первый был человек в селе,
У кого в кармане казна густа,
Тот и первый был по всей волости,
По всей волости, по всей губернии.
Только нам от них мало'прибыли:
Брюхо толстое, да совесть тонкая,
Казна густа, да голова пуста.
При нонешней поры·времени
Не по брюху да казне людей меряют—
Людей меряют по работушке,
По светлу уму да по разуму:
У кого работа в руках родитца,
Тот и первым у нас считаетца,
Кто идет—с пути не отклонитца,
Тот отменным у нас почитаетца.
Мы за все это их взяли-выбрали,
С честью-радостью выдвинули
В наше верное правительство,
Во правительство народное.
Этот праздничек не забудетца,
Не забудетца да будет помнитца,
Он, как солнышко, будет вечно греть,
Как солнце, греть, да, как луна, светить.
В этот день мы всю жизнь свою вспомнили,
Мы все про все передумали,—
Как мы прежде свету не видели,
Нам нигде-то пути-дороги не было,
Как мы с молоду горе мыкали,
Как теперь-то мы свет увидели.
Как нашли свою путь-дорожечку—
Путь-дорожечку колхозную.
Мы с утра ли да предрассветного

Мы до самой до полуночи,
До полуночи, до часу первого
Мы сидели в светлых горницах
Во палатах избирательных,
Мы сидели со чаями, с угощеньями,
Со буфетами да с весельями,
Со старинными мы со песнями,
Со старинными и со новыми.
Уходить-то нам не хотелосе,
Кончать праздничек не желалосе.
Уж мы пели да веселехонько,
Хорошо-то да хорошохонько
Песни звонки разноголосы—
И веселые и грустливы,
Вспоминали мы во тех песенках
Жизнь мы старую со слезами,
Прославляли мы во тех песенках
Жизнь колхозную с радостями.
Этот праздничек да не забудетца,
Не забудетца да будет помнитца:
Про этот ли светел-красен день,
Про наши ли первы выборы,
Про выборы всенародные
Наши правнуки будут песни петь.

Я не жизнь жила—горе мыкала

(Сказ про старую жизнь)

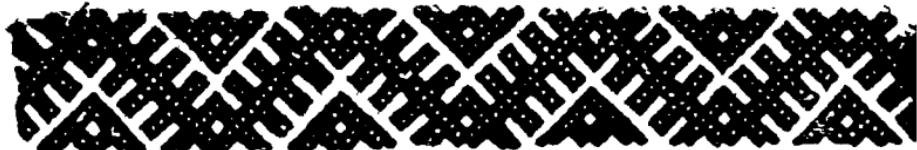
Уж я бедна-горька-бесчастна,
Я во горе была спосеяна,
Во нужды ли я была вырощена.
И ты талан ли да мое счастьице,
Участь горькая моя бесчастна,
На делу ли ты мне досталася,
В жеребью ли ты мне-ка выпала:
Веки горюшко да мне-ка мыкати,
Во несчастьи да веки кыкати.
Уж я, горька да горемыка,
С малых лет ли да уж я с детства
Добрых ден я да не видала,
Счастья-доли не испытала,
Во добрे-жити не живала,
Жила в горюшке во великом.
Я шаталась, бедна-злосчастна,
По чужим людям сиротинкой,
По рабам я да по холопам...
Я не жизнь жила—горе мыкала
Во чужих людях да во работушке:
Утром рано-то была разбужена,
Вечер поздно была уложена,
Середи ночи потревожена.
День и ночь я была на работушке
Не у отца-то я не у матери—
У чужих людей богатинных:
Уж я робила, бедна, моталася,—
Не заслужила я, не заробила
Я ни слова да себе гладкого,

Я ни куса да себе сладкого,
Я ни места да себе мягкого,
Хоть и день и ночь я работала,
Чужим людям меня было не жалко,
Чужи люди да не хранили,
Нашей молодостью не дорожили,
Посылали-знали да наряжали
На работы да на тяжолы,
Везде по бурям и по падерам,
По тяжким темным заметелицам.
Зимний снег с меня да не стаивал,
Не ссыхал с моих плеч мокрой летней дождь.
Тут здоровье я свое вкладывала,
Тут я молодость свою теряла...
Неуэревша я в поле ягодка:
Неразросла в саду малинушка:
Не успела да я сповырасти,
Не успела да я привыцвести
Я у роду да я у племени
У родимой да своей матери,
Они вздумали да думу крепку—
Молоду меня взамуж выдати
За незнаемого человека,
За незнаема, за незнакомого,
Что за злого да за лихого.
Молоду меня, молодёхоньку,
Зелену меня, зеленехоньку
Не по-охваты да ума-разума
Споневоли честных родителей—
Споневолила да родна маменька,
Не постояла—не подорожила
Ни красотой ли да моей девьей,
Ни молодостью ли молодою,
Поспешила-поторопила,
Кинула меня да она бросила.
Она задумала меня горя избавить,
Хотела выкупить меня, выручить

Из тяжкой ли меня да из работушки,—
Не могла меня горя избавить,
Ни выкупить меня, ни выручить;
Хотела горюшка у меня сбавить—
Еще больше мне горя прибавила.
Мне замуж ё пало неважко,
Мне-ка участь досталась бесчастна,
Мне судьба ли да горе-горька:
Бил-терзал меня муж нелюбимой
Не за дело, не за провинность,—
От бедна житья да горе-горька,
От лихой нужды да неизбывной.
Мне нигде-то да счастья не было...
Куда кинуся, куда брошуся!
Не укрыть-то мне, не успокоить
Своей буйной мне головушки
Ни от ветра да ветра буйного,
Ни от тучи да тучи грозной,
Ни от крупна ли дождя мокрого,—
Нет приладу и нет пристрою,
Обогревы нет ретиву сердцу.
Так вот молодость издержала,
Красоту с лица потеряла...
Я еще, бедна, в горе кинулася,—
На второй ли я раз взамуж вышла
Не за ровнюшку за свою,
Уж за старого я за древного,
За старого, за свирепого:
Уж я думала оприютитца,
Уж я думала успокоитца—
Взамуж вышла я, горе-злосчастна,
Да у скупа жила у яства.
И опять была недовольна
Я судьбой своей горе-горькой:
Пусть хошь сверху меня шуба грела,—
С испода мое сердце ныло
За свою ли да жизнь бесчастну,

За свою ли да бесталанну.
Тут еще меня горе достигло,
Тут еще велико поимало
Еще горше, еще тошнее:
От того ли да мужа старого
Я осталась одна-одинешенька,
Я осталасе, горе-злосчастна,
Не в ястве да не в достатке,
Я со малыма да детями,
Со малыма да многостадныма.
Мертвай живому не товарищ...
Спроводила да склонила,
В матери-землю да уложила,
Я желтым песком призарыла,
Я тогда-то, горе-злосчастна,
Пришла, горюшко, да я домой
Я к нетопленой, бедна, печке,
Ко потухлому да, бедна, уголью,
Я ко малым-то своим деточкам.
Собрала их да захватила
Во свое ли да гнездо вито,
Куковать стала, горевать:
Как я буду да горе мыкать?
Как я буду да деток ростить?..
Мне все горюшко не оплакать,
Всю кручину не одолить уж.
Все тяжелы да свои мысли
Кинуть-бросить надо, одуматься,
Оглядеться да осмотреться
На людей да мне на добрых.
Не одна я жила горемыка,---
Есть другие, и есть иные,
Во слезах они жили, во несчастьи.
Мне ка горюшком ничего не сделать,
Мне печалью не пособити:
Так пришлося, так стала жити.

Горе

(Рассказ А. Е. Поповой про свою жизнь)

Не одна я так жила, — в горе, во слезах, как в море.
Недаром у нас и песня сложена:

Я от горюшка бегом,—
Горе — все передом,
Я от горя в горницу,—
Горе — скрользь околицу.
Я от горя в темный лес,—
Горе в пазуху залез.
Я от горя в сине море,—
Горе в лодочки гребет.

От горя да от нужды некуда было убежать. Горе да нужда все время кругом меня обертывались, как два коршуна над головой. Куда ни пойди, а они там сидят. Пойду под полог, а нужда там забралась в уголок. Пойду за рыбой в море, а там сидит горе. И никак их не избудешь, ни конем не объедешь, ни соколом не облетишь. Оттого и жизнь-то бельмом в глазу казалася. Отец от чердынцев ходил на-покруту, кормицком за полпая: ну, и я на него глядя, с чужими людьми на двенадцатом году за пятую часть пая пошла. Боева в работе я была, руки не весила, вот люди меня и брали.

Только надошло семнадцать лет — взамуж отдали. Родители задумали при своих глазах ухо прикутать.

Муж один был у отца-то, одинков на войну не брали, на это и позарились.

Свекор попался крутой и свирепый, гордый и спесивой, грубой и сердитой, злой и ехидной, не тихой и не смирной, неласковой и неприятливой. Невзлюбил он меня, как чужу собаку. Допекал он меня на каждом шагу и бил. На сына шипели:

— Счастливой парень на бесчастну девку робил.

Расколоть нас с мужем хотели, ему наговаривали и мне шептали, чтобы ушла от них. Не могли расколоть. Сколько ни измывался свекор, я терпела.

Но вот однажды свекор и говорит:

— Убирайтесь из дома, вам ни хлеба, ни дела нету.

Выжил старик из дома, выбросил наши ремки на улицу и нас выгнал.

На прощанье муж и пал в ноги отцу:

— Татка, дай благословенья да мешок муки.

— Уходи,—рычит старик,—а то пий, рассол пушшу из носу.

Ушли. Дядя пустил на подворье. Вот мы и зажили. Бедно жили.

Век прожить — не ноле перейти,—говорят люди. Правда, век проживешь — волчины хватишь — и скуки, и муки, студы и нужи, голоду и холоду, наготы и босоты.

А главное дело — тут и там горе ходит попятам. Нажили корову — коровка пропала, добыли лошадку — она сдохла, домик поставили — мужа на ерманьску войну угнали. Необуты, неодеты, голы да босы, оборваны и ободраны, в тряпках да в ремках ходили мы и дети, а нажить было недоступно. Досыта не доедала, докрепка не досыпала и богатства не видела, девять детенышев я ростила. Каждый раз на стол девять кусков положить надо. Жили мы захебены да заграены. Свекор за это время ни грошом не помог. Корову нам продал — обратно взял. Коня мы у его купили; муж на путину ушел и мне сказал: „Почту на лошади вози и детей корми“.—Так свекор не мог вытерпеть: как-то ночью взял, открыл стаю и выпустил коня на волю. А потом говорит: „Не считайте своим. Вы будете деньги зарабатывать, а я смотреть, что ли, буду?“

А ведь он в то время у нас на подворье жил: свой-то дом продал за долгохвосты белогвардейски деньги, да они прахом пошли, вот он и пришел к своим нелюбым сыну да снохе. За добро слово, за ласковы разговоры, за сердечну его жалость, за велики ихны капиталы приютили мы свекра

с свекровью и кормили до самой смерти. Потом старика паралич разбил, год убогим лежал. Не день, не два лежал, а год круговой, а я—худа невестка—поднимала его да валила, обирала и прибирала, мыла и стирала, поила и кормила. Нужда привела, дак и худа невестка стала им мила да люба. Тем же носом да в ту же грязь. Здорово жизнь нас мучила. Все по закладам размечем, да и в заклад нечего нести. Как-то сетку омулевку связали, летом думали рыбку добывать, а перед самой путиной пришлось в заклад нести.

Через буржуев-кулаков много слез я пролила. Стара жизнь нам ноги вязала и путала, стара жизнь научила нас плакать, да не просто плакать, а впроголось, с надрывом. С богатым трудно было бороться. Чего бы захотели богачи— силы ли, все возьмут, а бедняк как жирного объелся: останется не при чем торговать кирличом. Богач бедного хоть как да пересилит, переможет, обдует, почна кукушка денну перекукует. Вот как было.

Дочери подрастать стали — в няньки к оксинским кулакам Сумароковым пошли. Заробили они—грош без алтына. Приехала я как-то к кулаку:—Иван Александрович! Дай мяска за работу-то.

Знаю, что у него мясо мезенками стоит.

— Нету,—говорит хозяин.

А я умом заплывчива, сердцем взрывчива, в желках не сдержаня.

— А кабы,—говорю,—у вас и не было, да бывает и не будет. Не все в море—будешь в горе. Будешь у наших лавок купить булавок.

„Ладно,—думаю,— видно с горя мне убиться, мне-ка хлебушка лишиться“.

А он всей нашей голытьбе был не по носу: в тот же год его и раскулачили.

Вот каку я жизнь прожила. Таку жизнь не пожелаешь и врагу. Жизнь! Чтобы ее дымом да мороком унесло, чтобы она нам и во сне не приснилась, чтобы о ней роды и прароды наши не слыхали!

Хорошей жизни я только при товарище Сталине хватила, а раньше така жизнь была, что я только ждала, чтобы за-рыли меня в матушку-сыру-землю, прикрыли гробовой доской, призакрыли мелким жолтым песком.'

Теперь я живу, как цветочки аленьки. За хорошу жизнь схватилась, плоха отступилась, горе уехало, отпехалось. Нужда от меня оторвалась. Да и все теперь зажили, всю голытьбу позабыли. Беспечально пошло теперь житье. Едим съто, ходим щегольно, гуляем весело, работаем в колхозе охогно. Сталин сказал слово, а вышло дело. И за это все мы товарища Сталина обожаем и любим. Не у одной у меня жизнь-то переменилась. Вон возьми соседку Мавру Михайловну Торопову. Раньше она тоже была сыта да за-крыта, а в колхоз пришла — у всех на виду. Сейчас она в колхозном правленьи. И в прошлы выборы и сейчас в членах избирательной комиссии ходит. Мавра вдова, а ребятишек много. Прежде она сама пропала бы, сирот разметала бы, а сейчас ей, как и мне, товарищ Сталин пособие нам на многосемейность дает. Вот какую леготу дала нам Советская власть и товарищ Сталин. Жалко только, что годы ушли. Кабы молода была, я сейчас бы всем, чем могла, дубом, и ломом, и топором свое колхозно счастье крепила.

Ведь только при колхозах мы во весь голос песни запели. У нас деревенька маленька, а песни петь удаленька.

Уж на что я, старуха, а и то свою песню придумала. Ты послушай:

Прежде жизнь была весела
По печорским нашим селам:
Один скакет, ручкой машет,
Второй песенки поет,
Середи голытьбы нашей
Сотня голосом ревет.
Жили в сытости, в довольстве,—
Пили сахар, носили бархат,
Сладкой мед — горстью в рот —
Для печорских кулаков,
Для попов и для дьяков.

Попы в села приезжали,
Изо рта кус отрывали,
Во карманы себе клали,
Всем попам по серьгам
И по белым рукавам.
Попу, попадье и поповой дочке:
Поповски карманы—бездонна бочка.
Ну, а мы при Николашке
Небогато кушали—
Пепельные коровашки,
В сутки по утки
Да в день по разу.
А богаты мужики,
Деревенски кулаки,
Нашего брата
Любили порато:
Край огня—
Дак в огонь толкнут,
Край воды---
Дак в воду спихнут.
Край ножа—
Дак в нож возьмут.
Плохи
Кулаки,
Тихи
Да воньки.
Они пьют
Да гуляют,
А нас бьют
Да гоняют.
Я умом была заплычива,
Ретивым сердцем зарывчива,
В шшеках несдержима,
Хошь гола да смела,
Была—не была,
Скажу крепче—
Уму легче.

Кулаку не ухожу,
А не вытерплю—скажу:
Твои очи завидушши,
Твои руки загребушши,
Чтоб те волком выть,
Не радуйся — нащед,
И не плачь— потерял:
Зайдет солнышко
И на наши задворки
Не все в море,—
Будешь в горе,
Будешь у наших лавок
Купить булавок...“
Сказала на глум,
А взяла на ум,
Подумала еле,
А вышло на деле:
Наши враги—
Печорски кулаки ---
Они были
Да и сплыли,
Чисты дождички ударили,
Ихни следочки затаяли,
Камень во лед
Да и брызги сверх.
Камню не вспывать —
Кулакам не бывать.
А мы стали жить
Да поживать,
Лихо забывать,
Да добра наживать,
Сыто поедать,
Щегольно ходить,
Весело гулять,
Советску власть прославлять,
Товарища Стилина величать.
Вот моя песня. Эта песня про мою жизнь.

ЧАСТУШКИ

Сталинской дорогою

Мы зажиточными стали;
Хорошо живём сейчас,
Это ты, товарищ Сталин,
От нужды избавил нас.

По завету Ленина,
По завету Сталина
Мы построили колхозы —
Верный путь крестьянина.

Мы стахановцами стали,
Любим труд свободный свой,
Нас ведет Великий Сталин —
Большевистский рулевой.

Жить зажиточно в колхозе —
Это дело наших рук, —

Так сказал товарищ Сталин,
Наш любимый вождь и друг.

Мы зажиточными стали,
Жизнь создали новую,
К этой жизни мы пришли
Сталинской дорогою.

В мудром сталинском
законе —
Новой Конституции —
Ясно видны все успехи
Нашей революции.

И рабочим, и крестьянам —
Жить всем стало веселей,
Что добыли — закрепили
Конституцией своей.

Жить нам весело сегодня, завтра будет веселей

Ты поверь мне, дорогая,
Хорошо в колхозе жить:
И обуты, и одеты,
Стало не о чем тужить!

Ждем большого урожая:
Наш колхоз старается.
Золотая рожь густая —
Колос наливается.

Раньше жили в одиночку —
Черный хлеб да мутный квас,
А теперь у нас в колхозе
Хлеба белого запас.

Небольшая у нас ферма,
Ну, а пользы много в ней:
Откормили мы наславу
Триста семьдесят свиней.

По-мичурински выводим
Мы на Севере плоды,
Вишни, яблоки и сливы
Разукрасили сады.

Мы бригадою своей
Корму заготовили
И раздельный скотный двор
К осени построили.

Лен на стлище серебрится,—
Надо во-время поднять
И на выставке колхозной
Место первое занять.

Я доярочка-доярка,
Удалая голова.
О моей корове Мальке
До Москвы идет молва.

Я доила холмогорку,
Молоко в ведро текло.
Хорошо в хлевах колхозных:
И уютно, и тепло.

Трудодни в колхозе нашем
Все богаче, что ни год:
Дружно, честно сеем, пашем
И растим добротный скот.

Ты играй, играй, гармошка,
С перебором, веселей:
Год от года нам в колхозе
Жить становится милей!

У трехрядки тон приподнят,
Льется песня в ширь полей:
Жить нам весело сегодня,
Завтра будет веселей!

Боевая девушка

Заиграй-ка, балалайка,
Будет песня новая,—
Я страны своей хозяйка,
Девушка бедовая.

Я закину лапоть в речку,—
Пусть потонет он в реке.
Привезу себе ботинки
На высоком каблуке.

Мой миленочек в колхозе
Самолучший бригадир:
За ударную работу
Десять премий получил.

Я на полюшке косила,
А над полюшком мотор,
Я у милого спросила:
— Что не летчик до сих пор?

Над деревней пролетает
С Лешуконска самолет:
Он ко мне домой милого
С Красной армии везет.

Милка фермой управляет,
Красный орден на груди,
К такой девушке хорошей
Мне приятно подойти.

Если сунут свое рыло в наш советский огород

Высоко летела уточка,
Летела да крякала.
Взяли милого во флот,
А я не заплакала.

Я рассаживал в саду
Черную смородину.
На фашистов я пойду
За советску родину.

От крутого бережка
Пароход отчалился,—
В Красну армию идем,
Нечего печалиться!

Враг химической воиною
Истребить мечтает нас,—
Будь готов, колхозник, к бою,
Изучай противогаз!

Пашем, сеем и бороним,
Повышаем урожай,—

Мы готовы к обороне,
Зря, фашист, не угрожай!
Я пошлю письмо в Москву
Клименту Ефремычу,
Что готова воевать,
Я в любое времечко.

За границей зорким глазом
Мы внимательно следим,
Нам чужой земли не надо
И своей не отдадим.

Разгромим врага мы силой,
Хлеще, чем в двадцатый год,
Если сунут свое рыло
В наш советский огород.

Будем честно мы трудиться,
Наш Союз будем крепить.
Мы врагов советской власти
Били, бьем и будем бить!

СОДЕРЖАНИЕ

Былины

Первая поездка Ильи Муромца. (Записано А. А. Брянчаниновым на Печоре)	3
Дюк Степанович. (Тоже)	17
Василий Буслаев. (Тоже)	25
Иван Грозный. (Тоже)	33
Вавило и скоморохи. (Записано от известной сказительницы М. Д. Кривополеновой)	38

Сказки

Кошель. (Записано И. В. Карнауховой; печатается по сборнику „Сказки и предания Северного края“. Изд-во „Академия“, 1934.)	47
Три слова. (Тоже)	50
Иван Ветер. (Тоже)	53
Богатый брат и бедный брат. (Тоже)	57
Царь-чернокнижник. (Печатается по сборнику „Русские сказки“ изд. „Академия“. Записано на Печоре)	61
Федор царевич, Иван царевич и их оклеветанная мать. (Тоже)	66
Царь и черепаха. (Тоже)	77
Сказка о Петре Великом и о солдате. (Записано И. В. Карнауховой в Заонежье)	80
Про Петра Великого. (Тоже)	86
Солдат Андрей (Тоже)	89
Сказка о солдате и смерти. (Записано в Каргопольском уезде, печатается по сборнику Е. В. Барсова „Причтания Северного края“, т. II)	95
Сказка о том, как Ванька на царской дочери не женился. (Записано в Мезени от А. Саночкиной)	104

Мужик и барин. (Печатается по Н. А. Иваницкому, см. сборник „Русский фольклор“, 1936.)	107
Терем мухи. (Там же, запись Афанасьева)	111
Небылица. (Записано в Шенкурском районе)	112
Поп и старец. (Печатается по упомянутому сборнику И. В. Карнауховой. Записано в Заонежье)	113
Поп Пахом. (Тоже)	116
Попов работник. (Тоже)	117

Ненецкие сказки

Вылка Бегун. (Печатается по сборнику В. Тонкова, Архгзз., 1936)	121
Вылка Сильный	124
Побежденный кит	138
Смерть	146
Черный шаман	150
Красивый мужик	153
Олень и мышь	155

Старинные песни

Талань. (Записано Озаровской от М. Д. Кривополеновой)	159
Мало спалось молодцу. (Печатается по сборнику „Крестьянская лирика“, 1935)	161
Пей же, моя буйная головушка. (Тоже)	—
Во три верха во немецких. (Записано Н. Леонтьевым от П. Голубковой на Печоре)	161
Что-то ли во нынешнем-то во годе (по сборнику „Крестьянская лирика“)	162
Ой, по дороженьке было по широкой. (Тоже)	163
Ты проштай-ко, сторонушка родная. (По сборнику „Песни русского народа“, запись Истомина. Записано в Архангельской области)	—
Я не думала на сем свете тужить. (Тоже)	164
Цвели, цвели в поле цветики. (Тоже)	165
Во тумане красное солнце. (Тоже)	166
Осенние злые комары. (Тоже)	167
Как ли во нашей во деревне. (Тоже)	168

Из-за лесу, из-за гор. (По сборнику А. Колотиловой „Северные русские народные песни“, Архгиз, 1936)	169
У Катюшки муж гуляка. (Тоже)	171
Гордена. (Записано от М. Н. Мякушина, руководителя Лешуконского хора)	172
Вечор девок вечериночка сидит (По сборнику А. Колотиловой „Северные русские народные песни“)	173
Посеяли девки лен. (Тоже)	174
Ты, молодка молодая. (Тоже)	175
Лучше бы я, девушка. (Тоже)	176
Ой, недозрелая калинушка. (Тоже)	—
Ой, вейтесь, вейтесь, кудерки. (Тоже)	177
Не сова ли жито мелет. (Записано на Печоре от Е. Безумовой)	178
Не во нашем полюшке. (Записано в Пинежском районе)	179
Нам не для чего с дому торопиться. (Записано в Устьянском районе)	180
На отлете ясный сокол. (Записано от Е. Голубиной в Нижней Золотице)	—
Что на тихой на заводи. (Записано в г. Мезени)	181
Улица ты наша широкая. (Записано в Шенкурском районе)	183
Вылетала бедна пташка. (Записано от П. Голубковой в Нярьян-Маре)	184
Из свадебных обрядов в Мезени. (Печатается по материалам В. Тонкова, опубликованным в Казани)	185

Загадки

Архангельские загадки. (По сборнику Рыбниковой. Записано в Пинежском районе. Изд-во „Академия“)	215
---	-----

Новинки

Из сказания о Ленине. (Марфа Семеновна Крюкова. Запись В. А. Попова)	221
Каменна Москва вся проплакала. Записано А. Я. Колотиловой от М. С. Крюковой)	228
Слава Сталину будет вечная. (М. С. Крюкова по сборнику „Былины“. Изд-во „Советский Писатель“)	232
Клии да свет Ефремович (М. С. Крюкова. Запись В. А. Попова)	237
Как белые Север хотели отнять. (М. С. Крюкова. Запись А. Я. Колотиловой)	243

Сказание про полюс. (М. С. Крюкова. Запись В. А. Попова)	250
Сила храбрая красноармейская. (Записано от Маремьяны Романовны Голубковой на Печоре Н. Леонтьевым)	255
Мать Печорушка — всем рекам река. (Тоже)	263
Про выборы всенародные. (Тоже)	272
Я не жизнь жила — горе мыкала. (Тоже)	277
Горе. (Рассказ Анны Егоровны Поповой про свою жизнь)	281

Частушки

Частушки. (Из сборника К. Коничева „Северные частушки“)	287
---	-----

*Архангельское Государственное Издательство
просит читателей и библиотеки присыпать
свои отзывы об этой книге по адресу:
Архангельск, ул. Урицкого, 5
Архоблиэ*